

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1961

Редакционная коллегия:

КОРОЛЮК В. Д. (отв. ред.), БИРМАН М. А. (отв. секр.),
ЗЛЫДНЕВ В. И., КОСТЮШКО И. И.,
КЛЕВАНСКИЙ А. Х., ПРОКОФЬЕВА Д. С.,
СОЛОВЬЕВА А. П., ТРУБАЧЕВ О. Н.

С. К. Шаумян

О ПОНЯТИЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАКА¹

Из вопросов, предложенных симпозиуму «Знаки и система языка», мы рассмотрим вопрос № 1 (Что представляют собой знаки?) и вопрос № 7 (Существует ли лингвистическая система, и что она собой представляет?).

Так как для обсуждения вопроса № 1 мы будем опираться на принципы, которые целесообразно изложить в связи с обсуждением вопроса № 7, то в целях удобства изложения мы сначала займемся вопросом № 7.

1. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, И ЧТО ОНА СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

На вопрос, существует ли лингвистическая система, вряд ли кто-либо будет в настоящее время отвечать отрицательно. В настоящее время споры могут идти только о том, что следует понимать под лингвистической системой. В этом отношении возможны существенные разногласия между лингвистами.

Мы полагаем, что для плодотворной постановки вопроса о сущности лингвистической системы необходимо связать его с дихотомической концепцией структуры абстрактных наук, которая в настоящее время признается подавляющим большинством специалистов по общей методологии наук.

Согласно дихотомической концепции структуры абстрактных наук в каждой абстрактной науке следует различать два главных уровня абстракции: 1) уровень наблюдения и 2) уровень конструктов. К уровню наблюдения принадлежат такие термины, как «желтый», «синий», «легкий», «мягкий», «гладкий», «легче», «мягче», «более гладкий» и т. д., то есть термины, которыми обозначаются наблюдаемые свойства и отношения, — эти термины принято называть элементарными терминами. К уровню конструктов принадлежат такие термины, как «электромагнитное поле», «атом», «электрон», «протон», «ген» и т. д., то есть термины, которыми обозначаются ненаблюдаемые объекты науки; эти термины принято называть конструктами, а также просто теоретическими терминами. Конструкты сами по себе еще ничего не говорят о реальной действительности; для того чтобы конструкты служили орудием анализа реальной действительности, они должны связываться прямо или косвенно с терминами

¹ Доклад, прочитанный 30 сентября 1959 г. на Международном лингвистическом симпозиуме в Эрфурте.

наблюдения путем так называемых правил корреспонденции. Проблемы соотношения уровня конструкторов и уровня наблюдения и систематического анализа разных видов правил корреспонденции привлекают к себе все более и более пристальное внимание методологов науки. Из последних значительных работ на эту тему можно назвать исследования Р. Карнапа, К. Хемпла и А. Папа².

На принципиальное методологическое значение эксплицитного разграничения уровня наблюдения и уровня конструкторов в структурной лингвистике указывает в одной из своих последних работ И. Бар-Хиллел, который обращает внимание на то, что на основе этого разграничения могли бы быть решены многие острые методологические споры, происходящие в настоящее время в структурной лингвистике³.

Для того чтобы показать, как мы себе представляем лингвистическую систему в рамках эксплицитного разграничения уровня наблюдения и уровня конструкторов, остановимся на проблеме тождества, фундаментальное значение которой для науки о языке было отмечено в свое время Ф. де Соссюром: «Весь лингвистический механизм, — писал Ф. де Соссюр, — вращается исключительно вокруг тождеств и различий, причем эти последние только оборотная сторона первых. Поэтому проблема тождеств возникает повсюду»⁴.

На современном этапе развития структурной лингвистики новый свет на проблему тождества проливает трансформационный анализ, которым занимаются Н. Хомский, Э. Харрис, И. Бар-Хиллел и некоторые другие лингвисты.

Чтобы показать связь трансформационного анализа с проблемой тождества, рассмотрим характерный пример из книги Н. Хомского, посвященной трансформационному анализу⁵.

Сравним следующие предложения в английском языке:

- 1) *John ate an apple.*
- 2) *Did John eat an apple?*
- 3) *What did John eat?*
- 4) *Who ate an apple?*

Каждый, кто владеет английским языком, классифицирует эти предложения по их значению следующим образом: предложение 1 относится к классу повествовательных предложений, тогда как предложения 2—4 относятся к классу вопросительных предложений. В свою очередь, вопросительные предложения относятся либо к классу вопросительных предложений, требующих утвердительного или отрицательного ответа (2), либо к классу вопросительных предложений с вопросительными местоимениями (3, 4). Такова интуитивная классификация данных вопросительных предложений говорящими по-английски.

Спрашивается: оправдывается ли эта интуитивная классификация анализом грамматических отношений между членами только что указанных предложений?

² R. Carnap. The methodological character of theoretical concepts. — H. Feigl and M. Scriven (eds). The Foundation of Science and the Concepts of Psychology and Psychoanalysis (Minnesota Studies in the Philosophy of Science, vol. I), Univ. of Minnesota Press, 1956; C. G. Hempel. The Theoreticians Dilemma: A Study in the Logic of Theory Construction. — H. Feigl, M. Scriven and G. Maxwell (eds.). Concepts, Theories and the Mind — Body Problem (Minnesota Studies in the Philosophy of Science, vol. II), Univ. Minnesota Press, 1958; A. Pap. Semantics and Necessary Truth. N. Y., 1957, Chap. 11, стр. 302—360.

³ Y. Bar-Hillel. Three Methodological Remarks on «Fundamentals of Language». — «Word», vol. 13, N 2, 1957.

⁴ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 109.

⁵ N. S. Chomsky. Syntactic Structures, 's-Gravenhage, 1957, стр. 90, 91.

Если мы обратимся к анализу грамматических отношений, данных в прямом наблюдении, то увидим, что невозможно найти формальное обоснование для отождествления предложений 2—3 как вопросительных и противопоставления их предложению 1 как повествовательному. В самом деле, если классифицировать рассматриваемые предложения на основании порядка слов, то мы должны объединить предложения 1 и 4 как предложения с нормальным порядком слов и противопоставить их предложениям 2 и 3 как предложениям с инверсионным порядком слов. Если же мы будем опираться на интонацию, то нам придется объединить в одну группу предложения с повествовательной интонацией (1, 3, 4) и противопоставить их предложению с вопросительной интонацией (2).

Итак, мы убеждаемся, что анализ прямо наблюдаемых грамматических отношений между членами рассматриваемых предложений не дает нам формальных критериев, могущих служить обоснованием для интуитивной классификации этих предложений на повествовательные и вопросительные. А между тем данная классификация представляется столь естественной, что возникает настоятельная необходимость не прекращать поиски формальных критериев для обоснования этой классификации. И вот оказывается, что эти формальные критерии открывает нам трансформационный анализ.

Сущность трансформационного анализа заключается в том, что в языке выделяется ядро, состоящее из элементарных предложений, которые рассматриваются в качестве основы для образования всех остальных предложений, обладающих более сложной грамматической структурой. Эти последние образуются из элементарных предложений путем ряда последовательных трансформаций и называются производными предложениями.

Применяя трансформационный анализ к нашему примеру, мы устанавливаем, что элементарным предложением является *John ate an apple*. От этого элементарного предложения путем вопросительной трансформации образуется *Did John eat an apple?* От этого последнего образуются путем параллельных вторичных вопросительных трансформаций предложения *What did John eat?* и *Who ate an apple?*

Данные вопросительные трансформации служат формальным обоснованием для интуитивного семантического объединения вопросительных предложений в одну группу, о чем мы уже говорили выше.

Характерная особенность вопросительных трансформаций, как и всех остальных видов трансформаций, заключается в том, что они являются формальными отношениями, которые не даны нам в прямом наблюдении, а постулируются в качестве конструкторов для обоснования прямо наблюдаемых фактов. Обращаясь к нашему примеру, мы видим, что в прямом наблюдении нам даны определенные семантические тождества и различия между предложениями, благодаря которым мы интуитивно классифицируем предложения на повествовательные и вопросительные предложения. В прямом наблюдении нам даны также определенные формальные отношения, каковыми являются порядок слов и интонация. Но эти формальные отношения не могут объяснить семантического тождества. Поэтому мы постулируем вопросительные трансформации, которые не даны в прямом наблюдении, а являются гипотетическими построениями, конструктами, позволяющими объяснить семантические тождества и различия между предложениями.

Поскольку для объяснения семантических тождеств и различий нами постулируются трансформации в качестве конструкторов, то мы должны постулировать в качестве конструкторов также и соответствующие единицы,

которые подвергаются трансформациям. Отсюда мы должны рассматривать предложения, которые даны нам в прямом наблюдении как определенные манифестации чисто формальных конструктов-предложений, подвергшихся определенным трансформациям.

Таким образом, мы видим, что трансформационный анализ неизбежно приводит нас к необходимости осмыслить структурную лингвистику как абстрактную науку, обладающую дихотомической структурой: уровнем наблюдения и уровнем конструктов.

Остановимся еще на одном примере из грамматики. Возьмем именную группу *посещение товарища*. Эту именную группу можно понимать в двояком смысле: в смысле родительного субъекта и родительного объекта. В первом случае значение родительного совпадает со значением родительного в именной группе *приезд учителя*, а во втором случае — со значением родительного в именной группе *чтение книги*. Здесь налицо также проблема тождества: каковы формальные основания для различения родительного субъекта и родительного объекта и отождествления родительного в именной группе *посещение товарища* в одном случае с родительным субъекта, а в другом — с родительным объекта? Если ограничиваться уровнем наблюдения, то мы не сможем ответить на этот вопрос, потому что на уровне наблюдения нет никакой разницы между грамматическими отношениями внутри только что указанных групп. Иное дело, если мы поднимемся на уровень конструктов и будем постулировать трансформации в качестве конструктов. В этом случае мы устанавливаем, что группа *приезд учителя* представляет собой трансформацию предложения *учитель приезжает*, а группа *чтение книги* — трансформацию предложения *книжку читают*. Что касается группы *посещение товарища*, то в одном случае она должна интерпретироваться как трансформация предложения *товарищ посещает*, а во втором случае — как трансформация предложения *товарища посещают*.

Трансформационный анализ возможен, как нам представляется, и в фонологии. Возьмем пример из русского языка. Как известно, в русском языке в конце слова противопоставление *t : d* нейтрализуется, в результате чего в конце слова возникает архифонема *T*. Если взять фонологическую группу *roT*, то ее можно рассматривать в одном случае как трансформацию фонологической группы *rod* (род), а в другом — как трансформацию фонологической группы *rot* (рот).

На основании всего изложенного мы неизбежно приходим к выводу, что сущность языка не дана непосредственно в прямом наблюдении, а должна познаваться на уровне конструктов. Этот вывод интересно сопоставить со следующим высказыванием Ф. де Соссюра: «Странным и паразитическим свойством языка, — писал Ф. де Соссюр, — является, таким образом, то, что в нем не даны различные на первый взгляд сущности (факты), в наличии которых между тем усомниться нельзя»⁶. И далее: «Чтобы избежать иллюзий, раньше всего надо проникнуться убеждением, что конкретные сущности языка не выявляются сами собою для удобства нашего наблюдения. Надо постараться ухватить их, и лишь тогда мы соприкоснемся с реальностью»⁷.

Утвердившись на позиции эксплицитного разграничения уровня наблюдения и уровня конструктов в структурной лингвистике, мы теперь можем дать общую характеристику системы языка.

⁶ Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 108—109.

⁷ Там же, стр. 110—111.

В нашей трактовке понятия системы языка мы считаем плодотворным соединить идею Н. Хомского о грамматике как генерирующем устройстве, порождающем правильные предложения, с принципом разграничения и взаимного противопоставления плана выражения и плана содержания в языке, восходящем к Ф. де Соссюру. На этой основе мы представляем систему языка как порождающее грамматически правильные предложения генерирующее устройство, состоящее из трех подсистем: 1) грамматической подсистемы, 2) фонологической подсистемы и 3) морфонологической подсистемы. Грамматическая подсистема включает в себе две модели: модель непосредственно составляющих и трансформационную модель, и соответствующие этим двум моделям две серии правил — правила разграничения непосредственно составляющих и правила трансформаций. Фонологическая подсистема тоже должна включать в себе две модели — модели непосредственно составляющих и трансформационные модели, которым должны соответствовать две серии правил — правила разграничения непосредственно составляющих и правила трансформаций; надо, однако, сказать, что правилами трансформации в фонологии до сих пор еще никто не занимался. Что касается морфонологической подсистемы, то она содержит серию морфонологических правил, по которым единицы, генерируемые грамматической подсистемой, соединяются с цепочками фонем, генерируемыми фонологической подсистемой.

Элементарной единицей грамматической подсистемы служит морфема (под морфемой мы понимаем одностороннюю единицу, состоящую из одного лишь означаемого, без фонемной оболочки). Элементарной единицей фонологической подсистемы является фонема. Элементарной единицей морфонологической подсистемы служит морфоид (морфоидом мы называем фонемную оболочку морфемы).

Между грамматической, фонологической и морфонологической подсистемами имеет место изоморфизм. Этот изоморфизм, по-видимому, является частичным, однако сейчас трудно указать его границы, потому что исследования в этом направлении стали развиваться только в последнее время. Надо полагать, что в результате этих исследований удастся выделить абстрактную семиотическую систему, надстраивающуюся над указанными подсистемами. В отношении изоморфизма большой интерес представляют идеи Л. Ельмслева и Е. Куриловича⁸.

Мы рассматриваем лингвистическую систему как сложный конструкт, состоящий из более простых конструктов: грамматической, фонологической и морфонологической подсистем. Эти последние в свою очередь распадаются на еще более частные конструкты — грамматические, фонологические и морфонологические единицы и отношения между ними. Сеть отношений между этими единицами образует структуру лингвистической системы.

Понимание лингвистической системы как конструкта в рамках эксплицитного разграничения уровня наблюдения и уровня теоретических конструктов имеет, как нам кажется, принципиальное значение для решения фундаментальных методологических проблем современной структурной лингвистики. Мы не считаем уместным рассматривать здесь эти проблемы. Ограничимся лишь беглыми замечаниями относительно двух проблем: 1) проблемы формы и субстанции и 2) проблемы значения статистических методов для познания лингвистической системы.

⁸ L. Hjelmslev. *Prolegomena to a Theory of Language*. Baltimore, 1953; J. Kuryłowicz. *La notion de l'isomorphisme*. — «Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague», V, 1949, стр. 48; J. Kuryłowicz. *Linguistique et théorie de signe*. — «Journal de Psychologie», 41, N 2, 1949.

1. Ф. де Соссюр в своем труде «Курс общей лингвистики» выдвинул тезис: «Язык есть форма, а не субстанция». Этот тезис оказал большее или меньшее влияние на все направления структурной лингвистики, но наиболее последовательно были выведены следствия из этого тезиса в глоссематике. Глоссематика представляет собой последовательную теорию языка, понимаемого в смысле чистой формы.

Тезис о том, что язык представляет собой чистую форму, следует признать бесспорно правильным, если его понимать в том смысле, что предметом структурной лингвистики служат не звуки и значения, а абстрактные элементы, которые манифестируются в звуках и значениях. Действительно, следует строго различать и не смешивать между собой фонемы и физические манифестанты фонем, морфемы и семантические манифестанты морфем⁹. В фонемах как таковых не содержится ничего физического, в морфемах как таковых не содержится ничего семантического. Система языка, понимаемая в качестве конструкта, представляет собой совокупность абстрактных элементов, связанных между собой чистыми отношениями.

Нужно, однако, иметь в виду, что система языка как конструкт должна быть связана с уровнем наблюдения путем определенных правил корреспонденции. Система языка — это не просто абстрактное гипотетическое построение, она должна обладать, как и всякое абстрактное гипотетическое построение, определенной эксплицитной функцией. Если подойти к системе языка с этой точки зрения, а эта точка зрения с неизбежностью вытекает из концепции дихотомической структуры абстрактных наук, изложенной нами выше, то мы должны признать, что на уровне наблюдения лингвист обязан заниматься звуками и значениями, то есть физической и семантической субстанциями.

Когда мы выше рассматривали проблему тождества, мы исходили из данных в прямом наблюдении семантических и физических тождеств и различий. Говоря, например, о классификации предложений на повествовательные и вопросительные, мы прежде всего констатировали, что поскольку речь идет об уровне наблюдения, то данная классификация является семантической. Однако задача состояла в том, чтобы отыскать формальное обоснование данной семантической классификации. И вот для решения этой задачи мы должны были сделать логический скачок от уровня прямого наблюдения на уровень конструктов, поскольку трансформации не даны нам в прямом наблюдении, а являются чистыми отношениями, имеющими гипотетический характер. В трансформациях и гипотетических грамматических единицах, между которыми постулируются отношения трансформации, нет ничего семантического, но вместе с тем трансформации и эти гипотетические грамматические единицы служат для объяснения данных на уровне наблюдения семантических тождеств и различий, а также и других прямо наблюдаемых отношений. Аналогичным образом обстоит дело и с вопросом о фонемах. На уровне наблюдения мы устанавливаем определенные прямо наблюдаемые отношения тождества и различия и другие отношения между звуковыми эле-

⁹ Под семантическими манифестантами морфем мы имеем в виду, прямо наблюдаемые реакции слушателей на эти морфемы. Именно к этим прямо наблюдаемым реакциям относится приведенная выше классификация английских предложений на изъявительные и вопросительные предложения. Подобного рода прямо наблюдаемые интуитивные семантические реакции манифестируют определенные формальные отношения (в данном случае определенные вопросительные трансформации), которые не даны в прямом наблюдении, но от которых зависят прямо наблюдаемые семантические реакции.

ментами. Но для того, чтобы отыскать формальное обоснование этих прямо наблюдаемых отношений, мы должны сделать логический скачок от уровня наблюдения к уровню конструктов. Поэтому мы постулируем фонемы и определенные гипотетические отношения между фонемами. В фонемах и гипотетических отношениях между фонемами, понимаемых в качестве конструктов, нет ничего физического, но вместе с тем они служат для объяснения данных в прямом наблюдении отношений между физическими элементами.

Таким образом, по вопросу о соотношении формы и субстанции мы приходим к следующему заключению. Форма языка, понимаемая в смысле чистой формы, дана нам на уровне конструктов. Физическая и семантическая субстанции языка даны нам на уровне наблюдения. Предметом структурной лингвистики является изучение чистой формы языка, но не в отрыве от физической и семантической субстанции, то есть не в отрыве от уровня наблюдения, а, напротив, в целях объяснения данных на уровне наблюдения определенных отношений между физическими и семантическими элементами.

Мы видим, что, изучая чистую форму, структурная лингвистика не может пренебрегать физической и семантической субстанциями. Это, однако, никоим образом не означает, что должны быть стерты принципиальные различия между фонологией и фонетикой, между грамматикой и семантикой. Следует со всей силой подчеркнуть, что структурная лингвистика должна иметь дело с физической и семантической субстанциями только под углом зрения решения своих специфических формальных задач и поэтому вопрос о фонетике и семантике как отдельных наук никоим образом не снимается. Фонетика и семантика должны опираться на структурную лингвистику, но вместе с тем они представляют собой самостоятельные области исследования.

2. Остановимся теперь на вопросе о значении статистических методов для познания лингвистической системы. За последние годы мы наблюдаем широкое развитие статистических исследований языка. Некоторые исследователи в своем увлечении статистическими методами пытаются противопоставить их структурным методам в качестве чуть ли не нового этапа в развитии науки о языке. Это мы видим, например, в известной книге Г. Хердана¹⁰.

Мы полагаем, что для познания системы языка статистические методы имеют только вспомогательное значение. Это объясняется следующими соображениями. Как известно, сущность статистических методов заключается в генерализации тех данных, к которым они применяются. Чем к большему числу данных применяются статистические методы, тем точнее оказывается генерализация, поэтому для применения статистических методов важно обеспечить по возможности большее количество исходных данных. Следует, однако, учесть специфическое свойство генерализации, заключающееся в том, что какое бы большое количество данных мы ни накопили, генерализация в принципе имеет силу только для того уровня абстракции, на котором мы работаем. Изучая язык, мы имеем дело прежде всего с уровнем наблюдения, то есть с физическими и семантическими элементами. Сколько бы мы ни применяли статистические методы к этим элементам, все равно самая точная генерализация не поднимает нас над уровнем наблюдения. Возвращаясь к нашему примеру с классификацией предложений на повествовательные и вопросительные, мы могли бы с помощью статистических методов установить относительную частоту

¹⁰ G. H e r d a n. Language as choice and chance. Groningen 1956.

употребления повествовательных и разных типов вопросительных предложений в английском языке и, может быть, установить интересные закономерности в этом отношении. Но ведь главная наша задача состоит в том, чтобы найти формальное обоснование указанной классификации предложений, а для этого мы должны перейти от уровня наблюдения к уровню конструктов. Вот для решения этой задачи статистические методы бессильны. Переход с уровня наблюдения на уровень конструктов представляет собой логический скачок, который возможно осуществить с помощью не статистических, а специальных логико-математических методов, одной из разновидностей которых является трансформационный анализ.

Статистический анализ может иметь значение для познания системы языка только после того, как она выделена с помощью методов структурной лингвистики. Только и лишь только после этого статистические методы, особенно в виде теоретико-информационных методов, могут с пользой применяться для изучения системы языка. Примером плодотворного применения теоретико-информационных методов к изучению языка, на наш взгляд, является известное исследование фонологической системы русского языка, осуществленное Э. Черри, М. Халле и Р. Якобсоном¹¹.

Статистическая лингвистика составляет особую область исследования, которая должна опираться на структурную лингвистику, подобно тому как на структурную лингвистику опирается фонетика и семантика.

Мы рассмотрели понятие лингвистической системы в рамках дихотомической концепции структуры абстрактных наук. В заключение нам хотелось бы высказать некоторые соображения, позволяющие перебросить мост между изложенным подходом к пониманию лингвистической системы и возможностью аналогичного понимания лингвистической системы с позиций кибернетики.

Мы имеем в виду указать на аналогию дихотомической концепции структуры абстрактных наук с теорией черного ящика (Black Box theory), представляющей собой один из важнейших разделов современной кибернетики¹².

Понятие черного ящика возникло первоначально в электротехнике. В электротехнике нередко бывают случаи, когда инженер получает опечатанный ящик, содержание которого недоступно прямому наблюдению. Опечатанный ящик имеет входные и выходные зажимы. Подводя к входным зажимам разные напряжения, импульсы и другие воздействия, инженер наблюдает результаты этих воздействий на выходных зажимах и таким образом пытается вывести заключение относительно содержимого ящика, не распечатывая его. Такого рода опечатанные ящики и называются черными ящиками.

По аналогии с электротехникой понятие черного ящика применимо к изучению тех областей действительности, где существенные данные скрыты от прямого наблюдения и заключение о них может быть выведено только косвенным путем через операции над определенным кругом фактов, доступных прямому наблюдению. В этом отношении наиболее характерной наукой является физика. А. Эйнштейн и Л. Инфельд характеризуют положение, в котором находится исследователь физических явлений, следующими яркими словами: «В нашем стремлении понять реальность мы

¹¹ E. Cherry, M. Halle, R. Jakobson. Toward the logical description of languages in their phonemic aspect. — «Language», 1953, N 1.

¹² Обстоятельное изложение теории черного ящика читатель может найти в книге: W. Ross Ashby. An Introduction to Cybernetics, L. 1956, Chap. VI, стр. 86—117 (русский перевод: У. Росс Эшби. Введение в кибернетику. М., 1959, стр. 127—169).

отчасти подобны человеку, который хочет понять механизм закрытых часов. Он видит циферблат и движущиеся стрелки, даже слышит тиканье, но он не имеет средств открыть их корпус. Если он остроумен, он может нарисовать себе некую картину механизма, которая отвечала бы всему, что он наблюдает, но он никогда не может быть вполне уверен в том, что его картина единственная, которая могла бы объяснить его наблюдения. Он никогда не будет в состоянии сравнить свою картину с реальным механизмом и он не может даже представить себе возможность или смысл такого сравнения. Но он, конечно, уверен в том, что по мере того как возрастает его знание, его картина реальности становится все проще и будет объяснять все более широкий ряд его чувственных восприятий»¹³.

На основании только что изложенного ясно видна аналогия между дихотомической концепцией структуры абстрактных наук и теорией черного ящика. Двум уровням абстракции — уровню наблюдения и уровню конструкторов — в теории черного ящика соответствуют входные и выходные данные черного ящика (уровень наблюдения) и внутреннее устройство черного ящика (уровень конструкторов). Отсюда в рамках кибернетической теории черного ящика лингвистическую систему можно рассматривать как генерирующее устройство, представляющее собой разновидность черного ящика, внутреннее устройство которого недоступно прямому наблюдению и о котором мы можем судить по входным и выходным данным.

II. ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЗНАК

В анализе понятия лингвистического знака мы вкратце остановимся на двух существенных вопросах: 1) есть ли знак односторонний или двусторонний элемент и 2) как следует рассматривать понятие знака в рамках дихотомической концепции структуры абстрактных наук, изложенной в первом разделе нашего доклада.

1. Как известно, согласно Ф. де Соссюру лингвистический знак представляет собой двусторонний элемент, состоящий из означающего и означаемого, тесно связанных друг с другом. Как показал Р. Якобсон в своей очень интересной статье, посвященной лингвистическому знаку, двустороннее понимание знака было известно и до Ф. де Соссюра: такое понимание лингвистического знака можно найти даже у Августина¹⁴. Но хотя двустороннее понимание лингвистического знака было известно задолго до Ф. де Соссюра, следует согласиться с Л. Завадовским, что до Ф. де Соссюра двустороннее понимание лингвистического знака не оказывало влияния на науку о языке¹⁵.

В связи с тем, что с разных сторон делаются попытки подорвать ценность двустороннего понимания лингвистического знака и заменить его пониманием лингвистического знака как одностороннего элемента (из последних работ можно указать на только что упомянутую интересную и содержательную статью А. Завадовского, а также на книгу Фёрса¹⁶), мы считаем целесообразным остановиться на данном вопросе.

¹³ А. Эйнштейн и Л. Инфельд. Эволюция физики. Перевод с английского. М., 1956, стр. 62, 63.

¹⁴ R. Jakobson. Linguistic glosses to Goldstein's «Wortbegriff». — «Journal of Individual Psychology», vol. 15, 1959, May, стр. 62—65.

¹⁵ L. Zawadowski. La signification des morphèmes polysèmes. — «Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego», zes. XVII, 1958, стр. 94.

¹⁶ J. R. Firth. Papers in linguistics. London, 1957.

Как известно, мы можем давать любому термину то определение, которое считаем для нас удобным. Определение того или иного термина нельзя рассматривать с точки зрения истинности или ложности, а только с точки зрения его плодотворности для науки. С этой точки зрения мы можем определить знак и как односторонний и как двусторонний элемент. С логической точки зрения оба определения равноправны. Вся проблема сводится к тому, какое из этих определений является плодотворным для науки о языке.

Нам представляется, что вопрос о двусторонности или односторонности знака следует связать с вопросом о том, как следует понимать морфему. Если понятие морфемы обязательно должно включать в себя фонологическую оболочку, то в этом случае можно ограничиться пониманием знака как одностороннего элемента.

Принимая понятие знака в качестве одностороннего элемента, мы можем характеризовать морфему как определенный фонологический комплекс, служащий элементарным знаком в языке. Но включение фонологической оболочки в понятие морфемы наталкивается на серьезные трудности. Возьмем, например, немецкое слово *Töchter*. Если включить в понятие морфемы фонологическую оболочку, то спрашивается, как отделить в этом слове друг от друга лексическую морфему и грамматическую морфему множественного числа. Именно аналогичные трудности и ряд других соображений побуждают нас, наряду с некоторыми другими лингвистами, рассматривать морфему только как элемент плана содержания, не включающий в себя фонологическую оболочку. В этом случае данный пример следует трактовать так: мы имеем две морфемы *Tochter* + *мн. ч.*, которые по определенным морфонологическим правилам соединяются с морфоидом [töxtər].

Итак, мы видим целесообразность рассмотрения морфемы как чистого элемента плана содержания. Такое понимание морфемы вступает в конфликт с пониманием лингвистического знака как одностороннего элемента, потому что в этом случае морфема должна оказаться за пределами языка.

Мы считаем необходимым рассматривать лингвистический знак именно как двусторонний элемент, состоящий из означающего и означаемого (из плана выражения и плана содержания), потому что только такое понимание лингвистического знака позволяет трактовать морфему как чистый элемент плана содержания.

2. Остановимся теперь на вопросе, как следует рассматривать понятие лингвистического знака в рамках дихотомической концепции структуры абстрактных наук.

Мы полагаем, что в рамках данной концепции необходимо расщепить понятие лингвистического знака на два связанных друг с другом, но вместе с тем принципиально отличающихся друг от друга понятия: на лингвистический знак₁ и лингвистический знак₂. Соответственно мы должны различать означающее₁, означающее₂ и означаемое₁, означаемое₂.

Лингвистический знак₁ дан нам на уровне наблюдения. На уровне наблюдения мы имеем означающее₁, представляющее собой определенную физическую субстанцию, и означаемое₁, представляющее собой определенную семантическую субстанцию.

Лингвистический знак₂ является конструктом, который не дан нам в прямом наблюдении. Означающее₂ и означаемое₂ представляют собой конструкты, не заключающие в себе ничего физического или семантического.

Следует со всей силой подчеркнуть, что только что указанное расщепление понятия лингвистического знака на лингвистический знак₁ и лингвистический знак₂ никоим образом не продиктовано априорными соображениями, а оправдывается существом дела.

Действительно, транспонирование означающего из акустической в графическую, цветовую, тактильную и другие виды физических субстанций может быть объяснено только в том случае, если мы расщепим означающее на означающее—конструкт (означающее₂) и означающее—физический субстрат (означающее₁). Означающее₁ является переменным по отношению к означающему₂.

Что касается расщепления понятия означаемого на означаемое₁ и означаемое₂, то необходимость такого расщепления вытекает из того, что семантические отношения между означаемыми на уровне наблюдения требуют, как показано выше, формального обоснования в виде постулирования конструктов. Эти конструкты мы и называем означаемыми₂ в отличие от семантических элементов наблюдения, которые мы называем означаемыми₁.

Все сейчас сказанное можно представить на следующей схеме:

Уровень конструктов	Знак ₂	Означающее ₂
		Означаемое ₂
Уровень наблюдения	Знак ₁	Означающее ₁
		Означаемое ₁

В. Н. Топоров

ФРАГМЕНТ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Состояние изучения древней славянской мифологии нужно признать малоудовлетворительным. У нас в последние десятилетия на эту тему почти ничего не писали, а те краткие разделы, которые иногда встречаются в общих курсах истории, поражают неосведомленностью их авторов в вопросах мифологии как таковой, незнанием достижений в области изучения славянской мифологии за последние полвека и, наконец, чересчур игривой фантазией. Достаточно сослаться на соответствующие разделы книги Н. С. Державина «Славяне в древности» (М., 1945) и на академические «Очерки по истории СССР. IX—XIII вв.» (М., 1953), чтобы убедиться в обоснованности самой суровой критики. Более того, иногда создается впечатление, что авторы разделов о мифологии древних славян включают эти разделы в свои труды скорее по традиции, не осознавая, что данные славянской мифологии позволяют обнаружить любопытнейшие сведения из истории контактов славян и праславян с другими народами, что они незаменимы для характеристики древнейшей культуры славян и, наконец, что они дают ценнейший материал для восстановления социальной структуры славянского общества в период, не отраженный (или почти не отраженный) в письменных памятниках.

За границей в последние годы появилось немало работ, так или иначе связанных с изучением древней славянской мифологии. Сюда относятся и труды общего характера (некоторые из них написаны с популяризаторскими целями)¹, и статьи, посвященные частным вопросам

¹ См. Th. Palm. *Wendische Kultstätten. Quellenkritische Untersuchungen zu den letzten Jahrhunderten slavischen Heidentums*. Lund, 1937; C. Clemen. *Die Religion der Balten und Slaven*. — «Zeitschrift für Missionskunde und Religionswissenschaft», Bd. 53, 1938, стр. 76—95; F. Haase. *Volks Glaube und Brauchtum der Ostslaven*. Breslau, 1939; E. Wienecke. *Untersuchungen zur Religion der Westslaven*. Leipzig, 1940; R. Van der Meulen. *De Godsdiensten der Slaven en Balten*. — В издании: G. Van der Leeuw. *De Godsdiensten der Wereld*, II, Amsterdam, 1941, стр. 193—212; G. Mal. *Contributi alla mitologia slovena*. — «Studi e materiali di storia delle religioni», XVIII, Bologna, 1942 (1943), стр. 20—35; R. Pettazzoni. *Osservazioni sul paganesimo degli Slavi occidentali*. — Там же, XIX—XX, 1943—1946, стр. 157—169; N. K. Chadwick. *The Beginnings of Russian History*. Cambridge, 1946; St. Urbanczyk. *Religia pogańskich Słowian*. Kraków, 1947; V. Machek. *Essai comparatif sur la mythologie slave*. — *RÉSL*, t. 23, 1947, стр. 48—65; B. O. Unbegaun. *La religion des anciens slaves*. — «*Mana*», 2, Les religions de l'Europe ancienne, III, Deuxieme partie, Paris, 1948. (Ср. его же статью о мифологии балтийских славян в «*Revue d'histoire et de philosophie religieuses*», XXV année, Strassburg, 1946, стр. 211—234); R. Jakobson. *Slavic Mythology*. — «*Funk and Wagnall's Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend*», vol. II, N. Y., 1950, стр. 1025—1028; V. Pisani. *Le religioni dei Celti*

славянской мифологии². Как ни важны эти работы сами по себе, подавляющее большинство их не выходит за пределы достигнутого и отобранного в течение «критического» и «сверхкритического» периодов в изучении славянской мифологии. Ощущение тупика знакомо многим исследователям, работающим в этой области. Они не могут не видеть, что этимологический метод в мифологии в том виде, как он применялся до сих пор, оказался малополезным, поскольку поисковая область исследователя лишь в незначительной степени определялась мифологическими реалиями, а недостаток последних существенно суживал возможности контроля тех или иных этимологий. С другой стороны, трудность заключается и в том, что количество материалов, относящихся к характеристике славянского пантеона, почти не увеличивается и их надежность остается по-прежнему весьма относительной.

Увеличить же степень надежности фактов, находящихся в распоряжении исследователя, чисто филологическими средствами или очень трудно, или иногда совсем невозможно, поскольку уже первые сообщения о славянских верованиях в древности, особенно о богах, в очень значительной степени отражают искажающую или адаптирующую роль авторов этих сообщений. Ясно, что старые русские летописцы или польские хронисты не только описывали современное им или известное из других источников состояние в развитии славянского «баснословия», но и сами создавали своего рода «мета-баснословие».

Помимо трудностей, связанных с недостатком источников или с их некомпетентностью, существуют и другие препятствия на пути к установлению четкой картины древнеславянского пантеона. Они заключаются в том, что введение христианства в разных славянских землях прерывало языческую традицию на совершенно различных стадиях

e dei Baltoslavi. Milano, 1950, стр. 49 и след. В. Meriggi. Il concetto del Dio nelle religioni dei popoli slavi. — «Ricerche slavistiche», I, 1952, стр. 148—176; V. Polák. Slovanské náboženství. — «Vznik a počátky Slovanů», I, Praha, 1956, стр. 119—132 и др.

² См. А. Н. Краппе. La chute du paganisme à Kiev. — REŚI, t. 17, 1937, стр. 206—218; G. Vernadsky. Svantevit, dieu des Slaves Baltiques. — «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», VII, 1939—1944, стр. 339—356; V. Machek. Slav. rarog «Würgfalte» und sein mythologischer Zusammenhang. — «Linguistica Slovaca», Bratislava, t. III, 1941, стр. 84—88; S. Pirchegger. Zum altrussischen Götternamen *Stribogъ*. — ZfslPh, Bd. 19, 1947, стр. 311—315; F. Specht. Der idg. Himmels-gott im Baltisch-Slavischen. — KZ, Bd. 69, 1948, стр. 115—123; М. Филиповић. Трагови Перунова култа код јужних Словена. — Земалски музеј у Босни и Херцеговини. Гласник Земалског музеја у Сарајеву. Друштвене науке. Нова серија, III, Сарајево, 1948, стр. 63 и след., 1954, стр. 181 и след.; F. Bezlaј. Nekaj besedi o slovenski mitologiji v zadnjih desetih letih. — «Slovenski etnograf», Letn. III-IV, 1951; V. Pisani. Slawische Miscellen. — «For Roman Jakobson». The Hague, 1956, стр. 390—394; R. Nahtigal. *Svetovitъ*. — Slav. Rev., letn. IX, 1956, стр. 1—9; В. В. Иванов. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома. — ВСЯ, № 3, 1958, стр. 101—111; V. Procházka. Organisaace kultu a kmenové zřizení polabsko-pobaltských slovanů. — «Vznik a počátky Slovanů», II, Praha, 1958, стр. 145—168; M. Veу. Hypothèse pour l'étymologie de vieux russe *Stribogъ*. — BSL, Bd. 53, 1958, стр. XLI (communications) и др.; М. Вей. К этимологии древнерусского *Стрибогъ*. — ВЯ, 1958, № 3, стр. 96—99 (об этом названии см. также: V. Pisani. «Paideia», XI, 1956, стр. 307; К. Н. Menges. Etymological notes on some non-Altaiic words in the Old Russian Igor-song. — «Oriens». Vol. IX, 1956, стр. 88—89; К. Moszyński. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1958, стр. 123; Š. Ondruš. Slovanské etymologie — «Sborník praci filosofské fakulty University Komenského», roč. X, 1958, стр. 90.

ее развития³. Поэтому в отношении южных славян, принявших христианство в течение VII—IX вв., едва ли можно говорить о наличии у них представлений о пантеоне; более того, возникают известные сомнения и относительно того, знали ли они языческих богов, по крайней мере, в том виде, как это было у восточных и балтийских славян. Во всяком случае, реально у южных славян можно говорить только о следах культа Перуна⁴, причем сам характер этого культа вовсе не предполагает с обязательностью Перуна-бога в отличие, скажем, от Перуна — покровителя возвышенных дубрав как одного из персонажей славянской демонологии (в связи с этим уместно вспомнить о *прѣгыньѣхъ* Супрасльской рукописи — слове, находящем ряд аналогий и за пределами южнославянских языков)⁵. Примерно то же можно, видимо, сказать о языческих представлениях чехов, словаков, лужичан и даже поляков, хотя о последних говорить труднее ввиду того обстоятельства, что не всегда ясно, насколько можно доверять данным польских хронистов. Таким образом, о славянских богах в строгом смысле этого слова и о попытках создать пантеон богов можно говорить лишь в отношении восточных и балтийских славян, принявших христианство позже, чем другие славяне. Впрочем, даже у них существовали скорее только некоторые предпосылки для создания пантеона, чем сам пантеон. Несомненно, что отсутствие четких функций у отдельных богов и, наоборот, своеобразное «дублирование» одной и той же функции, крайне слабая иерархичность внутри намечающейся системы богов, не всегда ясная граница между богами и их функциями, с одной стороны, и различными духами-покровителями и сферой их деятельности, с другой, препятствовали созданию целостного пантеона. Правда, надвигающаяся христианизация послужила своего рода катализатором и способствовала известной «иерархизации» внутри сонма богов⁶ и, видимо, сужению сферы собственно анимистических представлений более примитивного уровня. Однако есть серьезные основания считать, что интерпретация путей подобной «иерархизации» и определение функций отдельных славянских богов старыми авторами-христианами в известной степени отражают их познания в области античной мифологии и христианской агиографии. Поэтому, нужно думать, наши знания в этой области менее надежны, чем принято считать.

³ Об этих стадиях хорошо знали старорусские книжники. См. «Слово о том, како, первое погани суще, языци кланялися идолом: и ти начаша требы класи Роду и Роженцам прежде Перуна, бога их, а прежде того клали требы упирем и берегыням. См. Е. В. Аничков. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, стр. 385.

⁴ См. И. Иванов. Культ Перуна у южных славян. — ИОРЯС, т. VIII, 1903, стр. 140—174, и указанную выше статью М. Филиповича.

⁵ Тем не менее, общая тенденция к выделению некоей мифологической реальности на особое место существовала и раньше, о чем свидетельствует известное место из Прокопия: *θεὸν μὲν γὰρ εἶνα, τὸν τῆς ἀστρατῆς δημιουργὸν πάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομιζοῦσι εἶνα, καὶ θεοῦσιν αὐτῷ βόας τε καὶ ἱερεῖα ἀπαντα.* P. Gos. *De bello gothico*. III, 14 (ср. также Helmhold, I, 83). Однако остается во многом неясным реальный смысл слов Прокопия, в которых Брюкнер правдоподобно видит христианские и античные реминисценции. См. A. Brückner. *Mitologja słowiańska*. Kraków, 1918, а также V. Jagić. *Zur slavischen Mythologie*. — *AfslPh*. Bd. 37, 1920, стр. 501—502.

⁶ Попытки консолидации славянского пантеона со стороны официальной власти или использование создающегося пантеона в интересах власти отмечены в истории балтийских славян и в Киевской Руси (см. «Повесть временных лет», сообщение за 980 г.). Особенно любопытно стремление к созданию межплеменного пантеона.

Естественно, что все эти затруднения должны быть учтены исследователем славянской мифологии. И, наконец, еще одна трудность, особенно существенная для тех, кто изучает древнеславянскую мифологию преимущественно с лингвистической точки зрения или просто использует языковой материал в качестве отправной точки. Если не считать одной явной мифологической изоглоссы, объединяющей славян и балтийцев (слав. *Perunъ*, лит. *Perkūnas*, лтш. *Pērkonis*) и, кстати, выходящей далеко за пределы балто-славянской области, то окажется, что формирующийся славянский пантеон (прежде всего древнерусский), как и другие мифологические представления славян, обнаруживает преимущественные связи не с балтийской областью, а с иранской или даже древнеиндийской, что в известном отношении противоречит направлению языковых изоглосс. Славяно-иранские связи в области религиозных представлений преимущественно на материале лексики отмечались многими учеными (В. Ф. Миллер, А. Мейе, Я. Розвадовский, Г. Арнтц, В. Махек и др.). В 1950 г. синтетическую сводку достигнутого с большим количеством новых и чрезвычайно ценных наблюдений дал Р. О. Якобсон (см. указ. соч.). Несомненно, что и дальнейшие разыскания в области ирано-славянских мифологических и фольклорных связей, не говоря уж о языковых, сулят немало открытий, которые позволят уточнить и собственно славянскую картину. Но уже сейчас становятся очевидными перспективы, открывающиеся перед исследователем древнейших этапов в развитии мифологии у славян.

Если исходить из данных о системе мифологических представлений у восточных славян, то наиболее целесообразным был бы, видимо, следующий путь. Устранив из восточнославянской мифологии то, что развилось на ее почве в последние века перед принятием христианства и было обязано общему процессу «катализации», о котором говорилось выше, влиянию ранних христианских представлений и образов, просачивавшихся в славянскую среду, и некоторым другим процессам, можно, хотя бы отчасти, восстановить более раннюю картину. Сразу можно сказать, что такая «внутренняя» реконструкция в данном случае не даст больших результатов, но, тем не менее, и без нее нельзя обойтись. После этого нужно было бы провести последовательное сравнение славянского материала с иранским (и, вероятно, фрако-фригийским) с целью определить иранский вклад в славянскую мифологию. При этом важно было бы не только различать то, что является несомненным заимствованием, а что лишь результат интерференции более развитой иранской системы мифологических представлений на славянской почве, но и постараться определить хронологические и территориальные рамки этого влияния (кое-что в этом отношении ясно уже сейчас; в частности, можно, кажется, говорить о некотором ослаблении иранского влияния по направлению с востока на запад, ср. киевский и балтийский — славянский «круги» на уровне богов). Сняв результаты иранского вклада в славянскую мифологию у русских и у балтийских славян, мы сможем, во-первых, с большей точностью сравнить оба древних славянских мифологических цикла и лучше понять их особенности (между прочим, поучительно обратить внимание на противопоставление сложных и простых имен богов), во-вторых, поставить вопрос о реконструкции некоторых черт древнейшей славянской мифологии и, в-третьих, попытаться определить место, занимаемое последней в отношении к мифологическим идеям других индоевропейских народов. По-види-

тому, лишь на этом этапе станет оправданным сравнение славянских фактов с мифологическими образами балтийских племен; при этом подобное сравнение должно будет, вероятно, проводиться не на уровне названий богов, а на уровне изучения наименований духов — покровителей лесов, гор, болот, вод, скота, посевов, домашнего очага и т. п.; ср., между прочим, любопытную южнославянско-балтийскую мифологическую параллель: болг. *кук*, *кукир*, *кужер* при прусск. *lawh*, лит. *kaūkas*, лтш. *kūkis* (ср. еще лит. *kāukė*). Здесь же можно упомянуть о славянских и балтийских названиях оборотня: ст.-сл. *вѣкоулакъ*, *коурколакъ*, с.-хорв. *вукодлак*, *влокодлак*, словенск. *volkodlak*, *vikodlak*, болг. *връколак*, польск. *wilkołak*, русск. *волко(д)лак* и т. п. и лит. *vilkólakis*, *vilkātas*, *vilktrasa*, лтш. *vilkacis*, *vilkata* и др.; о возможной связи болг. *вила*, с.-хорв. *вила* и т. п. с балтийским корнем, представленным в лит. *vilióti*, 'манить, заманивать, прельщать, соблазнять, околдовать, очаровать' (ср. *viliote vilioja* 'так и манит'), *viliōnė*, *vylingas* и т. д., лтш. *vilināt*, *vilinošs* и т. д. и о многих других генетических и типологических параллелях из области мифологической терминологии.

При таком подходе получил бы объяснение тот факт, что балтославянские связи в названиях богов и в ритуальной терминологии менее значительны, чем славяно-иранские. Кроме того, подобный взгляд помог бы выяснению вопроса об известном разрыве между древними системами религиозных представлений славян и балтов, напоминающем отчасти распадение старого индо-иранского пантеона с расхождением некоторых ключевых понятий: др.-инд. *devá-* 'бог', но авест. *daēva* 'дэв, демон' (ср. у Гесихия: Δεῖαϛ: τοὺς κακούς θεούς, Μάγοι), др.-инд. *ásura-* 'асур, злой дух'⁷, но авест. *ahura-* 'господин', *Ahura Mazdā* 'Ахурамазда' и т. д. Возможно, что следы подобного же раскола можно видеть в соотношении балтийского слова для обозначения бога (ср. лит. *diēvas*, лтш. *dīevs*, прусск. *deiwis*, *deiws* 'бог') и славянского слова с тем же корнем, но с противоположным значением (ср. слав. *divъ*, *diva* и т. п.)⁸. Если изложенное нами выше оказалось бы верным, то вновь должен бы был привлечь к себе внимание ранее возникший вопрос о роли иранской экспансии в распаде балтославянского языкового единства⁹, хотя, конечно, связь между расхождением языковых и мифологических систем вовсе не обязательна.

В настоящей статье мы предполагаем заняться вопросом, относящимся, несомненно, к более позднему этапу в развитии славянской мифологии, в связи с которым в большинстве случаев трудно или просто невозможно говорить о генетическом родстве с соответствующими системами других индоевропейских народов. Конкретно — речь пойдет о названии бога Велеса, не имеющем аналогий в других языках. Несмотря на большое количество этимологий, пытающихся объяснить это слово, ни одна из них не может быть пока признана

⁷ Следы прежнего значения этого слова сохранены в др.-инд. *ásura-* 'могучий, господин' и в ряде переднеазиатских имен, содержащих элемент *asura-*. См. W. Brandenstein *Die alten Inder in Vorderasien und die Chronologie des Rigveda. — «Frühgeschichte und Sprachwissenschaft»*, Wien, 1948, стр. 134—145.

⁸ См. R. Jakobson. Указ. соч., стр. 1025.

⁹ См. J. Safarewicz. *Przyczynki do zagadnienia wspólnoty bałto-słowiańskiej. — Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU, XLVI, 1945, стр. 199—202, и критику Т. Лер-Сплавинского, см. Т. Lehr-Splawinski. Wspólnota językowa bałto-słowiańska a problem etnogenezy Słowian. — Sl. Ant., t. IV, 1953, стр. 1—21.*

удовлетворительной. Вполне возможно, что среди предложенных решений находится то, которое является правильным, однако выбрать его и обосновать этот выбор пока невозможно, так как нет или почти нет средств для проверки этого решения с точки зрения историко-мифологических реалий. Одно из существенных затруднений в исследовании лингвистическими средствами проблем славянской мифологии как раз и состоит в том, что скудные сведения о мифологической системе не могут сколько-нибудь точно определить поисковую область для этимолога. С другой стороны, нередкие случаи отсутствия соответствующих генетических параллелей славянским названиям божеств в других индоевропейских языках лишают исследователя еще одного средства для проверки правильности своих суждений.

В этих условиях чуть ли не единственная возможность увеличения степени надежности наших гипотез заключается в обращении к целому, т. е. к той слабоорганизованной системе мифологических представлений высшего уровня, которая развивалась на пути превращения в законченную систему пантеона, а также в типологическом сравнении ее с некоторыми другими системами, изоморфными ей или просто сходными с нею, хотя бы в частностях.

Типологическое тождество или типологическая близость между различными мифологическими системами коренится, между прочим, и в некоторых общих чертах, присущих социальной организации ряда обществ и моделируемых ими в виде мифологических построений. В силу этого обстоятельства данные из области мифологии и данные о социальных структурах в известной степени связаны и поэтому могут быть использованы для взаимной характеристики.

Убедительные примеры подобной связи данных, относящихся к двум различным сферам, и образцы использования этих данных как для выяснения социальных, так и мифологических структур у индоевропейских племен приведены в многочисленных трудах Ж. Дюмезиля, начиная с конца 20-х годов этого века. В своем последнем крупном исследовании о «трехчленной» идеологии индоевропейцев он приходит к выводу, что древние индоевропейцы отчетливо сознавали социальную структуру своего общества, основанную на различении и иерархизации трех функций¹⁰. Конкретное воплощение этих трех функций было связано с делением индоевропейского общества на три социальные группы — *prêtres*, *guerriers* и *producteurs* (частный случай последних — *pasteurs*). Одной из существенных опор этой концепции было сравнительное изучение древнейших мифологических традиций индоиранских, италийских, кельтских, отчасти греческих и германских племен, осуществленное самим Дюмезилем, и исследования Э. Бенвениста в области индоиранских социальных структур¹¹. «Трехчленная» идеология древних индоевропейцев, отражая три главных рода деятельности и три основные социальные группы, запечатлелась и в различных сферах духовной жизни, в частности, в религиозной. Отсюда три функции у старых индоевропейских богов — верховная (юридическая, магическая), военная, экономическая, — соответствующие трехчленному делению общества (ср. в индийском

¹⁰ См. G. Dumézil. L'idéologie tripartite des Indo-Européens. — «Collection Latomus», vol. XXXI. Bruxelles, 1958, стр. 17, 18.

¹¹ См. E. Benveniste. Les classes sociales dans la tradition avestique. — JA, CCXXI, 1932, стр. 117—134; его же. Traditions indo-iraniennes sur les classes sociales. — JA, CCXXX, 1938, стр. 529—549 и др. См. также G. Dumézil. La préhistoire indo-iranienne des castes. — JA, CCXVI, 1930, стр. 109—130 и др.

пантеоне: *Mitra, Varuṇa—Indra—Nāsatya*; в римском: *Dius, Juppiter—Mars—Quirinus*; в умбском: *Juve Grabouei... Marte Grabouei... Uofione Grabouei* (в дат. п. ед. ч.); в кельтском: *Esus—Taranis—Teutates*; в германском: *Odinn, Týr—Þórr—Freya* и т. д.). Разумеется, в разные периоды носители отдельных функций менялись или же, наоборот, две функции смешивались в одном носителе, однако, в принципе противопоставление именно трех функций определяло структуру древних индоевропейских пантеонов¹². Правда, были высказаны сомнения относительно целесообразности теории Дюмезиля в связи с тем, что такое же трехчленное деление и те же три функции можно обнаружить, исследуя и неиндоевропейские пантеоны или социальные организации¹³. Однако соображения такого рода не делают индоевропейскую картину менее убедительной и не могут дискредитировать методы, используемые Дюмезилем; другое дело, что картина, восстановленная французским исследователем, оказывается менее оригинальной, чем казалось вначале. Понятно, что для большей конкретизации индоевропейского состояния в этой области и для дифференциации его среди сходных систем других народов следовало бы искать в описываемых явлениях структуры большей сложности, которые исключали бы случайные совпадения¹⁴. К счастью, некоторые общегенетические элементы в мифологических представлениях индоевропейских народов связывают разрозненные системы (хотя бы в известной степени) и представляют гарантии, что во многих случаях речь идет не об исключительно типологической близости, а о сохранении индоевропейских архаизмов: ср. индо-иранско-греческие, индо-итало-кельтские, славяно-балтийские, балто-иллиро-венетские, ирано-фрако-фригийско-славянские и т. п. связи в области мифологии. Таким образом, сравнительное изучение мифологических представлений индоевропейских племен можно рассматривать как структурно-типологическое исследование систем, некоторые звенья которых обнаруживают генетические связи. Сказанное в известной мере применимо и при анализе древней религии славян. Если бы нам удалось показать, что и славянская мифологическая система отчасти близка к перечисленным выше трехфункциональным структурам, то в нашем распоряжении оказалась бы дополнительная информация, почерпнутая из анализа целого; она-то и помогла бы в определении места, занимаемого славянским Велесом, и его функций и, следовательно,

¹² Среди других работ Дюмезиля по этому вопросу особенно ценны следующие: «La préhistoire des flamines majeurs». — «Revue de l'Histoire des Religions», t. 118, 1938, стр. 188—200; «Mythes et dieux des germains. Essai d'interprétation comparative». Paris, 1939; «Naissance de Rome (Jupiter Mars Quirinus II)». Paris, 1944; «Tarpeia. Essai de philologie comparative indo-européenne». Paris, 1947; «Mitra-Varuṇa, Indra, les Nāsatya comme patrons des trois fonctions cosmiques et sociales». — «Studia linguistica», I, 1947, стр. 121—129; «Mitra-Varuṇa. Essai sur deux représentations indo-européennes de la souveraineté». Paris, 1948; «Jupiter Mars Quirinus», IV. Paris, 1948; «Le troisième souverain. Essai sur le dieu indo-iranien Aryaman et sur la formation de l'histoire mythique de l'Irlande». Paris, 1949; «Les dieux des indo-européens». Paris, 1952 и др.

¹³ См. J. Brough. The tripartite ideology of the Indo-Europeans: an experiment in methods. — BSOAS, XXII, 1959, стр. 69—85.

¹⁴ См. там же, стр. 84: «The more general we make our categories, the greater the probability will be that an impressive quantity of data can be classified under these categories; but at the same time the chance of our results being significant will be diminished. For this reason, the excellent principle is enunciated that we should seek for systems or structures of some degree of complexity, systems which are improbable, au sens que les statisticiens donnent à ce mot». The trouble is that the principle has been so frequently neglected in practice».

серьезно сузила бы круг приемлемых этимологических объяснений этого слова. Но сначала изложим несколько наблюдений, относящихся к Велесу, поскольку они опираются на существующие источники¹⁵.

В старых русских источниках, упоминающих имя Волоса¹⁶, с удивительным постоянством (исключения крайне редки) отмечается, что Волос — «скотий бог»: *кляшася оружиєм своимь, и Перуньмь, богьмь своимь, и Волосьмь, скотиемь богьмь...* «Пов. врем. лет.», 907 г.; *да имѣемъ клятву отъ Бога, въ нъже вѣруемъ, и отъ Перуна, и отъ Волоса, скотия бога...* Там же, 971 г.; *... Волоса идола, егоже именовашу скотіа бога, повелѣ въ Почаину рѣку вѣрѣщи...* «Повесть о крещении Владимира»¹⁷; *иже молятся огневи подѣ овиномъ, виламъ, Мокоши, Симоу, Ръглоу, Пероуноу, Волосу скотью богу...* «Слово некоего христороубца»¹⁸; *Волось, богъ скотій, бляше у нихъ во великой чести.* «Густынская летопись». ПСРЛ, II, 257. Без своего постоянного эпитета название этого бога встречается в «Хождении богородицы по мукам» (*Велеса вин. п.*), в «Слове о полку Игореве» (*вѣщей Бояне, Велесовъ внуце*) и в «Житии св. Авраамия Ростовского» (*Что ради скорбя сѣдиши близъ страстнаго сего идола Велеса?* и далее: *... молюся Господу Богу разорити многострастнаго сего идола Велеса*). В высшей степени показательно, что во всех случаях, когда «скотий бог» отсутствует, название выступает в форме *Велес*, а не *Волос*. Трудно сказать с определенностью, как объяснять это различие форм: наличием ли двух разных словообразовательных типов **veles-* и **vels-*, или диалектными вариантами (*volosъ* — восточнославянский, *velesъ* — южнославянский), или, как считал А. А. Погодин, наличием двух различных богов *Велеса* и *Волоса*¹⁹, или, наконец, превращением св. Власия, покровителя скота (Βλάσιος ὁ βορκόλος) в языческого Волоса, как думали Каченовский, Веселовский, Миклошич, Шишманов и Мансикка, или как-нибудь еще. Пока достаточно констатировать, что, хотя перенос ряда особенностей культа св. Власия на языческого Волоса несомненен, первый не был преемником функций последнего во всей их совокупности, и как раз это сделало невозможным полное смешение св. Власия с Волосом. С другой стороны, у нас едва ли найдутся серьезные основания отделять древнего Волоса до того, как он подвергся влиянию со стороны св. Власия, от Велеса.

Кем же был в таком случае Волос-Велес? Внимательное чтение источников настораживает. Почему нужно каждый раз объяснять, что Волос — «скотий бог», а Перун, Дажьбог, Стрибог и даже такие «темные» и малопопулярные божества, как Хорс, Мокошь, Семаргл, остаются без всяких объяснений? Наконец, почему «скотий бог» поясняет только название *Волос* и никогда — *Велес*? Наиболее правдоподобное

¹⁵ Нет необходимости перечислять все источники, в которых упоминается Велес-Волос. Читатель узнает о них, обратившись к трудам Аничкова, Гальковского, Мансикки, Нидерле и Унбегауна (о русском Волосе-Велесе) и к следующим работам о Велесе в чешских источниках: Jos. Jireček. O slovanském bohu Velesu. — Čas. Mus. Česk. 1875, стр. 405—416; Č. Zibrť. Něco o bohu Velesu. — «Slovanský Sborník», V, 1886, стр. 318—319; Zd. V. Tobolka. O Velesovi. — «Český lid», III, 1894, стр. 529—533; A. Fischer. Kult Welesa u Słowian. — «Mélanges V. Tille», Praha, 1927, стр. 46—51; L. Niederle. Slovanské starožitnosti. Život starých Slovanů, II, sv. 1. Praha, 1924, стр. 114.

¹⁶ О соотношении форм *Volos* — *Veles* см. ниже.

¹⁷ См. текст, восстановленный А. А. Шахматовым и опубликованный в «Сборнике статей, посвященных В. И. Ламанскому», т. II, стр. 1143.

¹⁸ См. Е. В. Аничков. Язычество и Древняя Русь, СПб., 1914, стр. 377.

¹⁹ См. также М. Vasmer. — REW, Bd. I, стр. 179 и 221.

объяснение сводится, по нашему мнению, к тому, что уже составители летописи не вполне понимали (а может быть, вполне не понимали) функции Волоса на языческой Руси и приравнивали их к функциям св. Власия, о котором было известно, что он *ὁ ἅγιος Βλάσιος ὁ βουκόλος* и *βοῶν φροῦρός μέγας*²⁰. Языковые особенности трансформации имени св. Власия на восточнославянской почве способствовали такому переносу функций в отношении Волоса и препятствовали переносу в случае с Велесом. Также лингвистические особенности сделали невозможным смешение *sv. Blažeja* с Велесом в чешском языке (ср. старое учение о мифологии как о патологии языка). Позднее в русской фольклорной и обрядовой традиции имя Волоса еще теснее связалось с культом св. Власия, о чем хорошо известно из многочисленных работ на эту тему²¹. Поэтому не случайно, что исследователи при объяснении проблемы Волоса-Велеса склонны были использовать ассоциации более поздней эпохи. Вместе с тем уже давно было подмечено, что старые русские источники, по сути дела, не дают никаких серьезных оснований, чтобы считать Волоса «скотским богом»²². Поэтому и раньше многие считали возможным (хотя тоже без оснований) видеть в Волосе солнечное божество (Срезневский, Крек, Иречек, Гальковский), атмосферное (Афанасьев, Потебня) или даже бога мертвых (Добровский и особенно Брюкнер), никак не связывая его со скотом.

Как бы то ни было, но Волос занимал в древнерусской мифологии совершенно особое место; в этом отношении с ним мог бы сравниться лишь Перун, наиболее известный бог в славянском мире и, во всяком случае, бесспорно верховный и самый официальный персонаж складывавшегося при Владимире русского пантеона. Тексты договоров русских с греками в 907 г. (позднейший характер этой вставки в данном случае несуществен), в 945 и 971 гг. очень поучительны как для определения отношения Волоса к Перуну, так и для уяснения некоторых характеристик, связанных с Волосом. Прежде всего возникает вопрос, поставленный еще Аничковым и Брюкнером, почему Олег, заключая договор с греками, клянется и Перуном, и Волосом, а Игорь только Перуном (в 971 г. Святослав опять клянется и Перуном и Волосом). По-видимому, правы были те, кто подметил, что с Олегом и Святославом клянется «Русь вся» и что именно Волос выступает в клятве ее представителем. В этой же связи, может быть, оказалось бы существенным подчеркивание разницы между *Перунъмь, богъмь своимь*, и *Волосъмь*, который представлял не княжескую дружину, а более широкие слои населения²³. Наконец, нельзя пройти и мимо сообщения летописца за 980 г., в котором Волос не упомянут, что, конечно, не может быть простой случайностью: *И нача княжити Володимерь въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на хълмѣ, вѣнѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сьребряню, а усъ златъ и Хърса и Дажьбога и Стрибога и Сѣмарьгла*

²⁰ Предположение, согласно которому все более поздние источники повторяли выражение «скотий бог», заимствовав его из «Повести временных лет», не может объяснить всех случаев. См. Е. В. Аничков. Указ. соч., стр. 228.

²¹ Впрочем, и здесь не обошлось без фантазий. См. А. Кримський. Волосова борода, з учено-кабинетної мітології ХІХ віку. — «Ювілейний збірник на пошану Д. Я. Багалія», Київ, 1927, стр. 74—91.

²² Ср. А. Вгүскнер. *Mitologija slowiańska*, стр. 77, 87.

²³ Поэтому мы не можем полностью согласиться с определением функций Волоса, данным Б. О. Унбегауном. См. В. Унбегаун. Указ. соч., стр. 402.

и Мокошь. И жьряху имъ, наричюще я боги... Поэтому кажется вполне правдоподобным мнение, согласно которому идол Волоса находился не на княжеском дворе, а в торговой части Киева — на Подоле. В связи с этим выдвигалось предположение, что с Волосом соединяли представление о богатстве, тем более, что эпитет «скотий» мог дать для этого некоторые основания (ср. употребление слова *скоть* в древнерусских текстах в значении 'имущество, деньги', эквивалентном греч. κτήματα, и более или менее обычный переход типа лат. *pecus* — *pecunia*, гот. *skatts* 'деньги' при некоторых словах того же корня, но со значением 'скот' в других германских языках)²⁴. Разумеется, что в X в. с Волосом могли уже связывать функции покровителя богатств или функции «скотьего» бога. Изменения в области социальной структуры восточнославянского общества делают весьма вероятным именно такое направление в эволюции функций Волоса. И, тем не менее, мы не можем признать эти функции первоначальными или просто основными для более раннего периода, в частности именно потому, что нам более или менее ясны пути превращения Волоса в «скотьего» бога, покровителя богатств. Устранив целый ряд внешних по отношению к мифологической системе, в которую входил Волос, причин, вызвавших эволюцию функций этого божества, мы придем к состоянию, когда наличие особого «скотьего» бога в числе самых главных богов было бы в высшей степени странным, особенно если привять во внимание крайнюю бедность славянского пантеона. В нем определенно отсутствовали боги, покровительствующие земледелию (хотя последнее было более существенно для восточных славян, чем скотоводство); в лучшем случае можно было бы говорить о духах, оберегающих пашню или связанных с некоторыми видами сельскохозяйственных работ. С другой стороны, предположить существование «скотьего» бога или бога богатств в условиях, когда почти все остальные боги, насколько мы знаем, относились к числу солнечных или атмосферных (Перун, Сварог, Стрибог, Дажьбог, Хорс и т. д.), маловероятно. Наконец, общетипологические соображения относительно генеалогии богов, ведающих богатством или скотом, делают сомнительным мнение о первоначальности этих функций у славянского Волоса.

Поскольку древнерусские источники не содержат сколько-нибудь надежных данных о функциях бога Волоса, уместно попытаться определить его место среди других богов, во-первых, и социальную среду, в которой он был популярен, во-вторых. Хотя неполнота источников делает все заключения в области славянской мифологии проблематичными, все же кажется бесспорным, что, если только возможно определение места Волоса среди других богов, оно объясняется противопоставлением Перун — Волос (ни о каких других противопоставлениях в системе древнерусской мифологии говорить нельзя). Есть основания полагать, что в этой паре с Перуном, помимо некоторых других функций, нужно связывать и военные функции (им клянется дружина), а с Волосом — мирные (источники не позволяют уточнить их характер, хотя все-таки можно думать о функциях, имеющих отношение к благополучию коллектива). С другой стороны, некоторые контексты, дополненные соображениями исторического свойства, делают вероятным предположение, что Волос был чисто славянским божеством, к которому обращалась «Русь вся»,

²⁴ См. В. Унбегаун. Указ, соч., стр. 402.

в то время как Перун, будучи первоначально также славянским божеством и оставаясь им в значительной степени и позже, отразил и инославянские влияния, как это было показано С. Рожнецким и некоторыми другими учеными²⁵. Несомненно, что норманские дружинники прежде всего должны были признать славянского Перуна. Этому способствовал ряд обстоятельств, из которых здесь сто́ит упомянуть лишь самые основные. Во-первых, уже до появления норманских дружин на Руси Перун был одним из наиболее значительных мифологических персонажей; он, судя по разным данным, являлся общеславянским (или, по крайней мере, общевосточнославянским) божеством, специально не связанным с этнической славянской или русской идеей. Во-вторых, хорошо известно, что из всех богов, которые в ходе эволюции становятся носителями военной функции, более всего для этого приспособлены те, что первоначально были исключительно богами грома (ср. Индру или Тора). Такое развитие можно предполагать и для славянского Перуна, который еще до норманского влияния наряду с основной функцией бога грома мог иметь и другую производную от первой — военную²⁶. Это обстоятельство должно быть учтено при решении вопроса о том, почему именно Перун стал главным богом норманских дружинников. При этом, конечно, нужно считаться с тем, что дальнейшее развитие военной функции у Перуна в свою очередь могло явиться результатом аккомодации Перуна норманами. В-третьих, усвоение Перуна варяжскими дружинниками было связано и с тем, что еще до появления их на Руси они знали изофункционального бога — скандинавского Тора, совмещавшего функции бога грома и войны. Два факта заслуживают быть отмеченными в связи с функциональной параллелью Тор — Перун: первый — так называемые «молотки Тора», неперменный атрибут этого бога, которые были найдены в могилах скандинавского типа недалеко от Смоленска (Гнездовский могильник); второй — древнеисландское имя матери Тора — *Fjörgyn* — восходит к форме **perkunī-*, имеющей общий корень со словом *Перун*.

Все эти соображения, относящиеся к Перуну и его функциям в их развитии, небезразличны и для характеристики Волоса, поскольку мы исходим из предположения о наличии элементарной системы Перун — Волос. Каким образом можно расширить эту микросистему за счет других известных нам богов, остается неизвестным, так как наши сведения о других богах еще более скудны. Кроме того, нет уверенности, что в эпоху, предшествующую принятию христианства, Перун и Волос были системно связаны с другими богами. Дело в том, что только в отношении Волоса и отчасти Перуна можно говорить о функциях, являющихся некоторым отражением социальной дифференциации внутри древнерусского общества. Другие же боги относятся, по-видимому, к предшествующему этапу в развитии мифологических представлений (солярные, атмосферные и другие такого же рода божества). Поэтому попытка Владимира создать пантеон из

²⁵ См. St. Roźniecki. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie. — *AfslPh*, Bd. 23, 1901, стр. 462—520.

²⁶ Предположение Р. О. Якобсона, согласно которому военные функции были свойственны также Сварогу (именно поэтому его имя не упоминается в мирных договорах с греками), не кажется нам достаточно убедительным, хотя бы из-за совершенно неясного положения этого бога в мифологии восточных славян.

столь разнородных и малосвязанных друг с другом богов едва ли могла увенчаться успехом.

Пожалуй, из числа остальных богов лишь Стрибог мог бы дать некоторые основания для включения его в систему Перун—Волос. Правда, эти основания — чисто этимологические. Если верна гипотеза М. Вея²⁷, согласно которой *Stribogъ* восходит к **patri-bhagos* (где **patri*-дат.-лок. ед. ч. от **patēr* 'отец') через стадию **ptri-* > **stri-*²⁸, то возникает возможность сравнения с индоевропейским богом сияющего неба **patēr dīeus*, в названии которого славяне, как и иранцы, заменили **dīeus* на **bhagos*. Верховное положение этого божества в мифологии целого ряда индоевропейских народов очевидно. Поэтому, если *Stribogъ*, действительно, в конечном итоге восходит к названию бога неба²⁹, то можно и для славянской мифологической системы предположить выделение особой триады — *Стрибог, Перун, Волос*, с которыми было связано (хотя и не так четко, как в индоиранском, италийском, кельтском или германском пантеонах) различение трех функций. Здесь важно отметить, что название Волоса — исключительно славянское, тогда как название Перуна, не говоря уже о Стрибоге, имеет ряд индоевропейских мифологических параллелей.

Таким образом, суть излагаемой тут гипотезы сводится к тому, что древняя славянская (уже — древнерусская) мифология позволяет, по-видимому, наметить некоторые системные отношения, связанные с различением трех функций, которые характеризовали мифологические системы и ряда других индоевропейских народов. Однако степень выявленности этих системных отношений, как и четкость намечающихся противопоставлений, была у восточных славян несравненно более слабой, чем у ряда других индоевропейских народов.

Помня это и внося соответствующие коррективы, мы сможем сопоставить славянскую триаду с типологически изоморфными ей или просто напоминающими ее триадами, установленными Дюмезилем для других индоевропейских племен. Подобное сравнение могло бы дать некоторые указания на правильность выделения именно такой триады, которая представлена выше, а также позволило бы в известной степени уточнить функции Волоса в славянской мифологии. Сопоставление соответствующих триад выглядело бы примерно так (см. стр. 26).³⁰

Первые члены во всех указанных триадах, кроме, разумеется, Стрибога, о котором нам почти ничего неизвестно³¹, являются бесспорными носителями верховной функции, воплощающейся с некоторыми небольшими вариациями в зависимости от степени развитости мифологических представлений. Особенно поучительно сравнение слав. *Stribogъ* с лат. *Juppiter* и умбр. *Juue* (ср. *Jupater*) в связи

²⁷ См. М. Вей. Указ. соч., стр. ХLI.

²⁸ Подобные фонетические изменения предполагают и в слове **stryjъ*. См. J. J. Mikkola. Zur slavischen Etymologie. — IF, Bd. 23, 1908—1909, стр. 124—125; М. Вей. *Slave st-provenant d'i.-e. pt.* — BSL, t. 32, 1931, стр. 65 и след.; А. Vaillant. *Grammaire comparée des langues slaves*, t. I. Paris—Lyон, 1950, стр. 82 и др.

²⁹ Известное место из «Слова о полку Игореве» — *се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы* — не может ни подтвердить, ни опровергнуть соображения о старых функциях Стрибога.

³⁰ Таблица дана с некоторыми упрощениями.

³¹ В связи с этим можно предполагать, что в известный период и в качестве бога первой функции выступал Перун,

системы функция	славянская	римская	умбрская	кельтская	герман- ская	индийская
Первая	<i>Stribogъ</i>	<i>Juppiter</i>	<i>Juve *</i>	<i>Esus</i>	<i>Odinn</i>	<i>Varuna- Mitra</i>
Вторая	<i>Perunъ</i>	<i>Mars</i>	<i>Marte *</i>	<i>Taranis</i>	<i>Fórr</i>	<i>Indra</i>
Третья	<i>Volosъ</i>	<i>Quirinus</i>	<i>Uofone*</i>	<i>Teutates</i>	<i>Freya</i>	<i>Násatyā</i>

* Формы дат. п. ед. ч., засвидетельствованные в Игувинских таблицах.

с др.-инд. *pitā dyāuh*, греч. Ζεῦ πάτερ. Все они выражают понятие 'отец-небо', в то время как *Stribogъ* должен был обозначать 'отца-благо' или 'отца-даятеля'. Что славянский элемент *bogъ* — в этом слове относительно поздний и связан, возможно, с иранским влиянием, хорошо известно. Поэтому с достаточной степенью вероятности можно бы было и для древнейшего славянского бога первой функции реконструировать форму со значением 'отец-небо'. В частности, такое предположение подтверждалось бы наличием в славянских языках явно антитетического образа — 'мать, сыра земля', подкрепленного древнеиндийской (*mātā pṛthivī*) и более конкретной древнеиранской (*arədvī sūrā anāhitā*) параллелями, ср. также слав. *Мокошь*³².

Вторые члены перечисленных триад представлены богами, совмещающими функции грома и войны, причем в некоторых случаях вторичность военной функции довольно очевидна. Характерно кельтское название *Taranis* (собственно 'гром').

Наиболее интересным для наших целей представляется анализ богов третьей функции. Кстати, он относительно несложен из-за того, что третья функция более дифференцирована, а состав божеств, которые выступают в ней, более подвижен, чем в двух предыдущих группах, а это как раз и дает возможность проверить ряд спорных вопросов.

Обратимся прежде всего к данным латинской мифологии. Они, как известно, весьма архаичны и, кроме того, отражены не только в структуре самого пантеона, но и (косвенно) в особенностях чрезвычайно детализированного римского ритуала. В качестве бога третьей функции в римской мифологии выступает *Quirinus*. Его суть выясняется из серии противопоставлений, в которые он входит. С одной стороны, Квириин противопоставлен Юпитеру и Марсу в целом; о его разнородности по сравнению с двумя последними достаточно подробно писал Дюмезиль³³; в частности, указывалось, что, в отличие от Юпитера и Марса, Квириин выглядит малоактуальным божеством; далее, в римской триаде богов лишь название Квирина представляет собой прилагательное, четко противопоставленное именам существительным *Juppiter* и *Mars*; наконец, если Юпитер и Марс являются богами общими не только для римского, но и для умбрского пантеонов, то латинский *Quirinus* и изофункциональный ему умбрский *Vofionus* — единственные боги в этих двух триадах, которые характеризуют соответственно римский и умбрский пантеоны.

³² См. R. Jakobson. Указ. соч., стр. 1026.

³³ См. G. Dumézil. Naissance de Rome (Jupiter Mars Quirinus II), Pa 1944, стр. 194—195.

С другой стороны, Квириин противопоставит Марсу как выразитель мирного начала (о нем говорят, что он *praeest paci*) выразителю военного начала; их божественные функции отражают два рода деятельности, которым отвечает двойная классификация римских граждан — *milites* и *quirites*³⁴ и противопоставление двух соответствующих фламингов. Взаимная обратимость *milites* и *quirites* в зависимости от условий (война или мир) подчеркивает тесную связь носителей функций войны и мира и объясняет особенности социальной организации древнеримского общества, столь отличные от особенностей древнеиндийской системы общественных отношений, при которых не могло быть и речи о взаимной обратимости *кшатриев* и *вайшьев*³⁵.

Таким образом, выясняется, что Квириин — исключительно римское божество, он имеет отношение к социальной организации римлян, собранных в *курии*³⁶; он их охранитель и покровитель; его актуальность возрастает по мере того как мы углубляемся в период, когда социальная структура древнеримского общества (до начала экспансии) отчетливо осознавалась самими римлянами, и, наоборот, значение Квирина уменьшается в связи с преобразованием старой социальной структуры римского общества. Несомненно, что из функции покровительства и охраны членов римской курии возникли новые функции бога, дарующего богатства и приносящего изобилие. Если добавить, что к божествам третьей функции относились также пенаты, лары, *Ops, Flora, Vesta*, то можно достаточно конкретно представить объем третьей функции в римской мифологии. В частности, установлено, что Квириин имел отношение и к земледелию³⁷. Во всяком случае, *flamen quirinalis* заботился об охране и обработке зерна. Любопытно, что праздник Квирина приходился на 17 февраля и, следовательно, совпадал с так называемыми *stultorum feriae*, содержание которых было связано с одним из сельскохозяйственных мероприятий (обжиг зерна, предназначенного на хранение)³⁸.

Остальные боги третьей функции, названные в таблице, в той или иной степени подтверждают данные, извлеченные из анализа функций Квирина и примыкающих к нему низших божеств: одни — этимологически (*Vofionus, Teutates*), другие — по существу [*Freya* и особенно *Nāsatya*; здесь нужно также напомнить, что в древнеиндийской мифологии в качестве носителей третьей функции выступали также *Vasu* (ср. *vasu* 'имущество, благо') и *Ашвины*, с которыми связывались представления о богатстве и здоровье]. Сказанное выше о богах третьей функции и особенно о Квирине, как нам кажется, очень близко к тому, что удалось установить относительно славянского Волоса на основании анализа источников. Учитывая сходство в строении и в распределении функций в римской и славянской триадах

³⁴ См. G. Dumézil. La préhistoire des flamines majeurs, стр. 194—198; его же. Mythes et dieux des germains, стр. 127 и след.; его же. Naissance de Rome, стр. 194 и след. и другие работы того же автора.

³⁵ G. Dumézil. La préhistoire des flamines majeurs, стр. 197—198.

³⁶ G. Dumézil. Tarpeia. Paris, 1947, стр. 112; его же. Les dieux des indo-européens. Paris, 1952, стр. 32 и др.

³⁷ Ср. третью социальную группу в авестийском обществе — *vāstryō. fšuyant* — наряду с *ādravan*-жрецы и *radāēstar* 'воины'. См. E. Benveniste. Les classes sociales dans la tradition avestique, стр. 117—134.

³⁸ G. Dumézil. La préhistoire des flamines majeurs, стр. 195; его же. Jupiter Mars Quirinus, стр. 90—93; его же. Naissance de Rome, стр. 195—96 и др.

в общем, можно с большей определенностью говорить о сходстве функций Квирина и Волоса, намеченных выше. И тот и другой — мирные боги, лишённые военных функций, во-первых, и покровители тех форм социальной организации, которые сложились в Риме и на Руси, во-вторых. Аналогии могут быть продолжены, если напомнить об отношении Волоса к богатству и изобилию (см. об этом выше), о том, что день св. Власия православная церковь отмечает 11 февраля (католическая — 3 февраля); о славянских праздниках, связанных с переходом зимы к весне и во многом напоминающих римский праздник дураков. И еще одна типологическая параллель, на правомерности которой трудно, конечно, настаивать из за недостатка данных: в «Слове о полку Игореве» Боян называется *Велесовым внуком*, а сам Волос вообще нередко отождествляется с Аполлоном; с этим фактом можно сравнить особое предпочтение, оказываемое римскими поэтами Квирину³⁹.

Подобно тому как Квирин был связан с духами — покровителями родов (и покровителями умерших членов рода), в славянской мифологии, как подметил Р. О. Якобсон, к Волосу были особенно близки *Родъ* и *Рожаница* (ср. с.-хорв. *Rođenica*, слов *Rojenica* и т. д.), сопоставляемые как раз с кельтским *Teutates*, умбрским *Vofionus* и латинским *Quirinus*. Нам, однако, кажется, что, несмотря на действительную близость Волоса и Рода, в синхронном плане они существенно различались: в то время как Волос вполне оформился в бога с довольно широкими и общими функциями, Род и Рожаница остались в ранге духов-покровителей, причем, видимо, их функция заключалась в облегчении родов. Возможно, что на более ранней стадии в развитии славянской мифологии Род выступал и как покровитель рода; впоследствии же, когда организация по родовому принципу стала менее актуальной и уступила место более крупным социальным группам, Род был оттеснен Волосом, имевшим отношение именно к этим крупным коллективам людей. Поэтому, в отличие от Р. О. Якобсона, нам казалось более целесообразным сравнение Волоса, а не Рода с итальянскими и кельтскими богами третьей функции.

Теперь, когда функции Волоса стали более определенными, естественно, сузился круг возможных этимологических объяснений этого слова, а его возможная семантическая нагрузка стала одним из средств контроля правильности той или иной этимологии. Выше мы попытались путем типологического анализа определить место Волоса в мифологической системе и его функции. Сейчас можно продолжить подобный типологический анализ, но уже на этимологическом уровне с тем, чтобы еще более сузить круг возможных этимологий слова *Волос*.

Если обратиться к названиям богов, изофункциональных Волосу, то окажется, что многие из них построены по одному принципу. Анализируя умбр. *Vofionus*, Бенвенист в 1945 г., отвергнув старое объяснение Вандриеса, сравнившего это слово с лат. *voveo*, *votum*,

³⁹ «Il n'y a que les poètes qui se sentent à l'aise avec lui (sc. *Quirinus*. — В. Т.), parce qu'ils ont tous les droits». См. G. Dumézil. Naissance de Rome, стр. 195. Хотя связь славянского Велеса с поэзией и магией в принципе возможна, она не может быть признана первичной. Поэтому нам кажется ошибочной до сих пор популярная этимология, связывающая Велеса-Волоса с названием поэта-пророка, волхва и т. п. См. V. Pisani. Le religioni dei Celti e dei Baltoslavi... стр. 61.

доказал, что оно точно отражает более старое **leudhyon-* или **loudhyon-* со значением 'возрастание, увеличение' или же со значением 'коллектив людей'⁴⁰; ср., с одной стороны, лат. *liber* (из **leudheros-*)⁴¹, с другой, слав. *ljudiје*, англо-сакс. *leōd*, нем. *Leute* и т. д. После этого еще более убедительной стала разделяемая, видимо, всеми этимология лат. *Quirinus* (из **co-viri-nos*, ср. *cūria* из **co-viriā*, *quirites*, польск. *covehriu* — отлож. п. ед. ч.), в котором скрыт корень *vir* 'человек, муж, гражданин'. Следовательно, подобно умбр. *Vofionus* 'бог людей', лат. *Quirinus* обозначает также бога определенным образом организованного коллектива людей. По такому же принципу образовано кельтское название бога третьей функции *Teutates*, ср. распространенный индоевропейский корень **teut-*: **tout-* в значении 'народ'. В этой же связи уместно заметить, что древнеиндийское название третьей касты *vaiśya-* образовано от *viś* 'дом, жилище; 'семья, род' (ср. греч. οἶκος, гот. *weihs* и т. д., а также очень показательные сложные слова типа др.-инд. *viśpāti-*, авест. *višpaiti-*, лит. *višpats*, прусск. *waispattin* и т. п.). Следовательно, по крайней мере теоретически, можно восстановить цепь переходов, связывающую название бога третьей функции со словом, обозначающим коллектив людей, и далее — с названием определенной территориальной единицы (ср. *Quirinus* — *vir*, *quirites* — *cūria*)⁴².

Именно в этом направлении мы и предлагаем искать разгадку этимологии слав. *Volosъ*—*Velesъ*. Предварительно, однако, следует сделать замечание о природе этих дублетных форм. Хотя происхождение и конкретная связь этих двух вариантов в деталях остается не совсем ясной, очевидно, что аргументов в пользу единого происхождения гораздо больше, чем могут выдвинуть противники этой точки зрения. Обе формы в принципе соответствуют имеющимся в русском языке сочетаниям типа *tolot*:*telet*; более того, есть, видимо, некоторые примеры, когда последовательности *-olo-*, *-ele-* встречаются в пределах однокоренных слов⁴³. По сути дела, основным аргументом сторонников разделения этих двух слов приходится считать тот факт, что *Volos* — «скотий» бог, а *Veles* не знает подобного определения и, наоборот, часто характеризуется как идол. В свете сказанного выше можно думать о позднем происхождении этого различия. Поэтому нам кажется наиболее целесообразным считаться с наличием двух вариантов **vels-* (>**volos-*) и **veles-*, как это предполагают некоторые ученые. Разумеется, можно бы было думать о реконструкции единой формы, давшей впоследствии два варианта, однако это привело бы к некоторым дополнительным трудностям, практически никак не помогая выяснению этимологии слова.

По нашему мнению, в праславянском **vels-*:**veles-* целесообразно видеть тот же корень, который с иным расширителем выступает в праславянском **volstь*, **volděti*. Слово **volstь*, которое широко

⁴⁰ См. E. Benveniste. Symbolisme social dans les cultes gréco-romains. — «Revue de l'Histoire des Religions», t. 129, 1945, стр. 15 и след. К этому объяснению сразу же присоединились многие ученые (в том числе и Дюмезиль).

⁴¹ Ср. также A. Gätters. Die baltische *Lauma* bzw. *Laumė* und die venetische *Louzera*. — KZ, Bd. 73, 1955, стр. 52—57.

⁴² О реальном (а не этимологическом) соотношении определенных социальных групп с территориальными подразделениями см. E. Benveniste. Les classes sociales dans la tradition avestique, стр. 125 и след.

⁴³ Поэтому едва ли можно согласиться с категорическим замечанием М. Фас-
W, I, стр. 180) о невозможности связи между названиями *Волос* и *Велес*.

известно по его наследникам в разных славянских языках и по балтийским параллелям, по-видимому, обозначало некогда вполне определенную ячейку социальной организации славян и, как это очень часто бывает, одновременно и собственность этой организации. При этом, конечно, следует учитывать, что в разные периоды по мере изменения социальной организации у славян слово **volstь* обозначало различные формы общественных объединений (иногда перенесенные в географический план) от русск. *волость* 'округ, волость' *область* (из **ob-volstь*) до чешск. *vlast* 'отечество, родина'. Точно так же нужно остерегаться перенесения в далекое прошлое целого ряда абстрактных значений, возникших у этого слова в ходе его развития (*власть* и т. д.). Учитывая сложности такого рода, можно, кажется, считать праслав. **volstь* древнейшим термином общественного устройства, ориентированным на состав членов этого объединения, а не на его внешний вид, как это было в другом праславянском термине такого же рода **obstjь*⁴⁴. С другой стороны, **volstь* могло обозначать и собственность, имущество, принадлежащее одноименной общественной организации. Следы подобного состояния, вероятно, сохранены в словенск. *last* 'собственность, владение', чешск. *vlastnictví* 'собственность', болг. *властник*, с.-хорв. *властник*, чешск. *vlastník* и т. д. со значением 'собственник', в наречных образованиях типа чешск. *vlastně*, польск. *właściwie* и т. п., а также в целом ряде других слов из разных славянских языков⁴⁵. Вопрос о хронологическом соотношении между **volstь* в значении ячейки социальной организации и в значении собственности этой ячейки остается пока открытым. Однако нужно заметить, что его решение вовсе не обязательно должно быть таким, как то, которое предложил О. Н. Трубачев в отношении **obstjь*⁴⁶. Дело в том, что понятие 'общая, общинная собственность' может определяться не только из противопоставления 'частной собственности', но из противопоставлений другого рода. Между прочим, как показали исследования последних лет по социальной антропологии «примитивных» народов, во многих случаях существует противопоставление типа «община» — «не-община» (в географическом плане — прилегающая территория, используемая данной общиной с целью охоты, собирательства и т. д.). В соответствии с этим делением можно говорить и о противопоставлении общинного имущества тем продуктам в широком смысле этого слова, которые добывались вне общины⁴⁷.

Очевидная для праславянского языка связь термина общественного устройства с обозначением имущества, принадлежащего соответствующей организации, подтверждается весьма многочисленными примерами из самых разных языков. Поэтому нет надобности в их перечислении; достаточно сослаться на одну из новейших работ на эту тему⁴⁸.

⁴⁴ См. О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 167—168.

⁴⁵ Ср. также И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. М., 1958, стр. 294.

⁴⁶ О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 167.

⁴⁷ См. С. Lévi-Strauss. Les organisations dualistes existent-elles? — «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», Deel 112, 2-e aflevering, 1956, стр. 99—128.

⁴⁸ См. В. В. Иванов. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным. — «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 1, стр. 43—45.

Более важно сейчас отметить связь, существующую между обозначением данной социальной ячейки и обозначением члена этой ячейки (ср., например, слав. **sebrъ* — *seťja* и т. п.). Часто к этой паре присоединяется еще один член — слово, обозначающее верховное лицо в данной организации⁴⁹. Возможно, что все эти связи отражены и в славянском материале: **volstь* — **voldyka* — **velijь*. Наше предположение о том, что слово **velijь* некогда было термином, обозначающим члена определенной социальной организации, помимо собственно лингвистических соображений, могло бы быть подтверждено как хорошо известным противопоставлением *veliji* — *maliji*, *вяхици* — *молодыши* и т. п., засвидетельствованным в относительно позднюю эпоху и, возможно, продолжающим соответствующее противопоставление более древнего периода, так и наличием в праславянском языке терминов, коррелятивных слову **velijь*: ср. слав. **orb-*, **orbent-*, из которых последнее обозначало самостоятельного члена общины, строго говоря, даже не члена (ср. др.-русск. *робл*, русск. *ребенок*, *робенок* и т. д.), а первое — раба, т. е. опять-таки не члена общины (**volstь*). Показательно, что, если **velijь* как-то связан с названием общественной собственности, то **orb* — с правом наследования (ср. др.-чеш. *rob* 'наследник', нем. *Erbe* и т. д.⁵⁰). Убедительность предлагаемой интерпретации слова **velijь* могла бы, видимо, увеличиться, если привести еще два аргумента. Первый из них — чисто лингвистический, относящийся к словообразовательным связям: **velijь* : **volděti*⁵¹, **orb-* : **orběti* (> *roběti*), **mold-* : **molděti* (при и.-е. корне **mel-*, обозначающем нечто мелкое, маленькое). Второй — историко-семантический: название социальной организации и ее членов часто связано с корнем, обозначающим нечто большое, великое, многочисленное (ср. хотя бы хеттск. *pankur*- 'род' с глаголом *pangarita-* 'увеличиваться', синонимичным с *takkeš-*, ср. *mekki-*, греч. μέγας и т. д., а также с и.-е. корнем **bheng'h-*⁵²).

Выход за пределы славянских языков позволил бы привести еще целый ряд фактов, подтверждающих связь **velijь* с указанными словами. Вместе с тем, по-видимому, открылась бы возможность связать перечисленную семью слов с другой группой, которая пока не привлекалась к сравнению⁵³. Однако и приведенные соображения, основанные на анализе исключительно славянского материала, как нам кажется, доставляют довольно надежные доказательства. На их основании нам представляется заманчивым сопоставление группы

⁴⁹ Там же, стр. 47.

⁵⁰ О. Н. Грубачев. Указ. соч., стр. 39—40.

⁵¹ Отсутствие расширителя *-d-* в **velijь* не должно смущать как ввиду ряда индоевропейских параллелей (ср. тох. *A wäl*, *B walo* 'царь' и др.), так и ввиду того, что элемент *-d-* в **volděti* (ср. лит. *vāldyti*) несет определенную грамматическую нагрузку, которой, естественно, нет в **velijь*. Поэтому, строго говоря, ближайшая словообразовательная связь слав. **velijь* не с **volděti*, а с соответствующим глаголом без расширителя *-d-* и с вокализмом *-e-*, см. сн. 53.

⁵² В. В. Иванов. Происхождение и история хеттского термина *panku* 'соборание' — ВДИ, 1957, № 4, стр. 25.

⁵³ Важный намек сделан Ф. Мецгером. См. F. Metzger. Zur Frühgeschichte von «Wille». — KZ, Bd. 75, 1958, стр. 225—233 (ср. др.-англ. *wela*, др.-сакс. *welo*; др.-в.-нем. *welo*; др.-англ. *welig*; др.-в.-нем. *welag* и т. д.). Если идти в этом направлении еще дальше, то могли бы представить известный интерес не только такие *nomina propria*, как пелигн. *Ualesies* = лат. *Valerius*, но и венетские и иллирийские имена с корнем *Volt-* : *Vols-* (хотя их связи с интересующими нас примерами очень косвенны). См. M. Lejeune. *Voltiomnos, Volsomnos, Volsounos*. — BSL, t. 49, 1953, стр. 41—51.

терминов, относящихся к общественному устройству славян (**volstь*, **volděti*, **voldyka*, **velijь*), с названием бога Велеса-Волоса (**veles-*: **vels-*)⁵⁴, который имел отношение и к социальной организации древних славян и к имуществу, принадлежащему этой организации (при этом только следует иметь в виду расширение функции Волоса, связанное с изменением старых форм общественного устройства и с превращением Волоса в бога, который представляет «всю Русь»). Таким образом, соотношение *rod* — *Род* дополняется парой **volstь* — *Velesъ* (любопытно также сравнение слав. *mirъ* в значении особой формы общественной организации и иран. *Miθra-*, др.-инд. *Mitra-*).

В заключение — еще несколько замечаний и вопросов. Чешские тексты XV—XVI вв. содержат ряд упоминаний о Велесе (*Veles*), отмеченных у Ткадлечка, в тексте из Литомержиц от 1471 г., в переводе Томашем Реселем книги «Иисус Сирах» в 1561 г.⁵⁵ Все эти свидетельства крайне отрывочны и неполны. Однако они дают основания заключить, что *Veles* был чем-то вроде демона, чёрта (в этом отношении интересна парафраза Мартина Замрского в Постилле 1592 г. выражения *k velesu* — *k d'asu*). Если только *Veles* чешских источников не является заимствованием, встает вопрос: отражает ли чешский *Veles* в функции чёрта старое состояние или же это обычная судьба языческого бога в условиях христианства? В случае, если бы было доказано, что уже в древности *Veles* выступал в функции чёрта, представило бы интерес решение вопроса о хронологии расхождений древнерусских и древнечешских представлений о Велесе-Волосе. С другой стороны, в таком случае снова стало бы оправданным предложенное еще И. Добровским сопоставление с литовским названием чёрта *vėlinas*, *vėlnias* (ср. лтш. *velns*). Точно так же дальнейшие разыскания могли бы окончательно разрешить вопрос о том, насколько был прав Брюкнер, сравнивавший слав. *Veles* с лит. *vėlės* 'души умерших' (ср. также лтш. *veļi* с тем же значением, *Vėlionis*, чья связь с культом мертвых кажется несомненной, и т. п.), хотя сам он не сумел показать, что *Велес-Волос* в качестве бога третьей функции мог выступать и как покровитель умерших членов опекаемого им коллектива. Однако для сколько-нибудь серьезных суждений в этой области следовало бы иметь в распоряжении более надежные этимологии соответствующих балтийских слов, а также достаточные материалы из области балтийской мифологии и, в частности, демонологии (к сожалению, исследование И. Балиса о чёрте⁵⁶ обнаруживает весьма значительную эволюцию этого образа, связанную уже с церковными представлениями). Пока же вопрос, поднятый Брюкнером, продолжает оставаться вопросом.

⁵⁴ Не исключено, что указанные формы адекативного происхождения.

⁵⁵ Глосса из «*Mater Verborum*» (*veless* — *pan*, *imago hircina*) в высшей степени сомнительна.

⁵⁶ См. J. Baly s. Griaustinis ir velnias baltoskandijos kraštų tautosakoje. — «*Tautosakos darbai*», VI, Kaunas, 1939, стр. 3—236.

В. А. Дыбо

УДАРЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА И ФОРМЫ СТАРОСЛАВЯНСКОГО АОРИСТА

Сербский язык сохранил старое (вероятно, праславянское) интонационное различие в тематических глаголах с основами на гласные и сонанты:

<i>I тип</i>	<i>II тип</i>
Инф. <i>пѣти</i>	Инф. <i>бѣти</i>
аор. 1 л. <i>пѣх</i>	аор. 1 л. <i>бѣх</i>
2 и 3 л. <i>пѣ</i>	2 и 3 л. <i>бѣ</i>
Сюда относятся также глаголы: <i>жѣти, вѣти, лѣти, пѣчѣти, нѣпѣти, ѡтѣти</i> и некоторые другие	Сюда относятся также глаголы: <i>тѣти, рѣти, клѣти, чѣти, крѣти, гѣти</i> и некоторые другие

Это различие наблюдается и в причастии на *-лѣ* (серб. *пѣла* : *бѣла*), его рефлексy проявляются также в словенском супине и в причастии на *-лѣ* в русском языке¹.

Сравнение со старославянским языком показывает, что глаголы I типа образовывали 2 и 3 л. ед. ч. аориста посредством окончания *-тѣ* (*житѣ, вѣтѣ, литѣ, начатѣ, ѡтѣ, пѣтѣ, жрѣтѣ*), а глаголы II типа имели во 2 и 3 л. ед. ч. формы корневого аориста² (*ви, кры, трѣ, клл, ю, жрѣ*)³.

Циркумфлексовая интонация во 2 и 3 л. ед. ч. аориста I типа глаголов не может быть исконной, так как факты балтийских языков (лит. *gŷti, gėrti, vŷti, lieti, pinti, spirti*) дают акутовую интонацию корня. Единственный пример литовского циркумфлекса (лит. *iŷti*) ненадежен, ввиду свидетельства лтш. *iŷti* (с рефлексом акута). Сравнение с другими индоевропейскими языками показывает, что корневые гласные этих глаголов восходят или к «долгим дифтонгам» или к «тяжелым

¹ См. L. Bulachovskij. Die Intonation des slavischen Supinums. — ZfslPh Bd. IV. Leipzig, 1927.

² Аорист I типа глаголов в дальнейшем называется сигматическо-дентальным, аорист II типа глаголов — сигматическо-корневым.

³ Эта дистрибуция форм впервые была установлена Ван-Вейком, но он пытался связать ее с исконностью циркумфлексовой интонации в глаголах первого типа. (N. van Wijk. L'accentuation de l'aoriste slave. — RESL, t. III, fasc. 1-2, Paris, 1923; его же. Die slavischen Partizipia auf -t- und die Aoristform auf -t-. — IF, Bd. XLIII, H. 3-4, Berlin—Leipzig, 1926; его же. Zu den slavischen und baltischen Präteritalstämmen auf -a-, -ŷ-. — TŹ, kп. IV, Kaunas, 1926).

базам» («корни с ларингальными»): **жити**: др.-инд. *jīvāh*; **пити**: греч. πίνω, πίνω; **вити**: др.-инд. *vītāh*; **лнти**: валл. *lliant* < **lianto-*, что также исключает первичный циркумфлекс.

Обратившись к фактам латышских диалектов с системой трех интонаций, можно видеть, что первому типу славянских глаголов (тип *piti*) соответствуют латышские глаголы с прерывистой интонацией корня (*liēt, vīt, dzīt, jeñt, pīt, speñt, dzeñt*), указывающей на первоначально окситонированную парадигму (по крайней мере, в целом ряде форм)⁴.

Глаголам второго типа (тип *biti*) в латышском языке, напротив, соответствуют глаголы с плавной интонацией (*šūt, kŗaūt, mīt, kalt, malt, baŗt, dziŗt*), что указывает на изначальное накоренное ударение в формах этого типа глаголов.

Эти факты позволяют выдвинуть следующие положения:

1. Определенная часть славянских глаголов с исконно акутированными коренными гласными и дифтонгическими сочетаниями была первоначально окситонирована (по крайней мере, в ряде форм) и испытала метатонию в аористе и в некоторых других формах при переносе ударения с окончания (в аористе *-tъ*) на корень⁵.

2. Первоначально окситонированные глаголы с исходом корня на гласный или сонант образовывали сигматическо-дентальный аорист (с *-tъ* во 2 и 3 л. ед. ч.), баритонированные глаголы этого типа образовывали сигматическо-корневой аорист (без *-tъ* во 2 и 3 л. ед. ч.)⁶.

Предположение о первоначальной окситонезе в глаголах первого типа (*piti*) согласуется с конечным ударением настоящего времени этих глаголов (ср. словен. *lijem* < **lijé-*, *živem* < **živé-*, *rijem* < **rijé-*, *vijem* < **vijé-*, русск. диал. *имѣм* < **jъmé-*, но слов. *krījem* < **krījé-*, *šījem* < **šīje-*, *mījem* < **mījé-*, *bījem* < **bīje-*, *čūjem* < **čūje-* и др.).

Две акцентные парадигмы (окситонированная и баритонированная) вскрываются и в тематических глаголах с основами на согласный:

I тип (Окситонированная парадигма)

1. Серб. *прѣсти*, аор. *прѣде*, наст. *прѣдѣм*; словен. *prédet*; русск. *пряду́, прядѣшь*.
2. Серб. *мўсти*, аор. *мўзе*, наст. *мўзѣм*; словен. *mólzet*.
3. Серб. *грїсти*, аор. *грїзе*, наст. *грїзѣм*, словен. *grīzet*; русск. *грызү́, грызѣшь*.
4. Серб. *кљдсти*, аор. *кљде*, наст. *кљдѣм*; словен. *kládet*; русск. *клядү́, клядѣшь*.
5. Серб. *стрићи*, аор. *стриже*, наст. *стрижѣм*; словен. *strižet*; русск. *стригү́, стрижѣшь*.
6. Серб. *сѣћи*, аор. *сече*, наст. *сечѣм*; словен. *sečet*; русск. *секү́, сечѣшь*.

II тип (Баритонированная парадигма)

1. Серб. *слѣсти*, аор. *слѣзе*, наст. *слѣзѣм*; словен. *lêzet*; русск. *лѣзү́, лѣзѣшь*.

⁴ J. Endzelin. Über den lettischen Silbenaccent. — BB, Bd. XXV, Göttingen, 1899; его же. Заметки к латышской акцентовке. — ИОРЯС, т. VI, СПб., 1903; его же. Weiteres zu den lettischen Intonationen. — IF, Bd. XXXIII, Berlin—Leipzig, 1913—1914

⁵ Подробнее см. В. А. Дыбо. О древнейшей метатонии в славянском глаголе. — ВЯ, № 6, 1958.

⁶ Материал см. в вышеупомянутых статьях Н. Вав-Вейка. Дистрибуция при-аориста в старославянском языке точно соответствует дистрибуция *-tъ*- и *-enъ-* причастий, но это соответствие, вероятно, вторично.

2. Серб. *срѣсти*, аор. *срѣте*, наст. *срѣтѣм*.
3. Серб. *сѣсти*, аор. *сѣде*, наст. *сѣдѣм*; словен. *sēdet*; русск. *сяду*, *сядешь*.
4. Серб. *врѣти*, аор. *врѣже*, наст. *врѣжѣм*; словен. *vřžet*
5. Серб. *пѣсти*, аор. *пѣде* (наст. *пѣднѣм* — вторично); чак. *pāden* (о. Нвар, Вгусје)⁷; русск. диал. *упадет*⁸.

Метатония в формах 2 и 3 л. ед. ч. аориста в окситонированной парадигме хорошо согласуется с сохранившимся наконечным ударением форм настоящего времени. С другой стороны, отсутствие метатонии во II типе глаголов соответствует накоренному ударению в настоящем времени этих глаголов.

Исходя из ударения форм настоящего времени, можно распределить глаголы с краткостными и циркумфлектированными корнями также по двум акцентным парадигмам:

I. Окситонированная парадигма

1. Серб. *бѣсти*, наст. *бѣдѣм*; болг. *бодá*; русск. (диал.) *бодѣт*; серб. аор. *бѣдох*, *бѣде*.
2. Серб. *довѣсти*, наст. *довѣдем*; болг. *ведá*; русск. *ведѣт*; серб. аор. *довѣдох*, *дѣведе*.
3. Серб. *довѣсти*, наст. *довѣзѣм*; болг. *везá*; русск. *везѣт*; серб. аор. *довѣзох*, *дѣвезе*.
4. Серб. *вѣти*, наст. *вѣчѣм*; болг. *влекá*; серб. аор. *вѣкох*, *вѣче*.
5. Серб. *врѣсти се*, наст. *врѣзѣм се*; укр. *верзѣ*; серб. аор. *врѣзох*, *врѣзе се*.
6. Серб. *вѣсти*, наст. *вѣзѣм*; русск. (диал.) 3 л. мн. *вzзѣт* (везуть, Даль III изд.); серб. аор. *вѣзох*, *вѣзе*.
7. Серб. *грѣсти*, наст. *грѣбѣм*; болг. *гребá*; русск. *гребѣт*; серб. аор. *грѣбох*, *грѣбе*.
8. Серб. *жѣти*, наст. *жѣжѣм*; болг. (диал.) *жегá*; серб. аор. *жѣгох*, *жѣже*.
9. Серб. *зѣсти*, наст. *зѣбѣм*; русск. (диал.) *зyбѣ*; серб. аор. *зѣбох*, *зѣбе*.
10. Серб. *мѣсти*, наст. *мѣтѣм*; болг. *метá*; русск. *метѣт*; серб. аор. *мѣтох*, *мѣте*.
11. Серб. *мѣсти*, наст. *мѣтѣм*; русск. *мятѣтся*; серб. аор. *мѣтох*, *мѣте*.
12. Серб. *нѣсти*, наст. *нѣсѣм*; болг. *несá*; русск. *несѣт*; серб. аор. *нѣсох*, *нѣсе*.
13. Серб. *пѣти*, наст. *пѣчѣм*; болг. *пекá*; русск. *печѣт*; серб. аор. *пѣкох*, *пѣче*.
14. Серб. *плѣсти*, наст. *плѣтѣм*; болг. *плетá*; русск. *плетѣт*; серб. аор. *плѣтох*, *плѣте*.
15. Серб. *рѣти*, наст. *рѣчѣм*; болг. *рекá*; укр. *речѣ*; серб. аор. *рѣкох*, *рѣче*.
16. Серб. *тѣти*, наст. *тѣчѣм*; болг. *текá*; русск. *течѣт*; серб. аор. *тѣкох*, *тѣче*.

⁷ М. Нгасте. *Crítica o bruškom dialectu*. — ЈФ, VI, Београд, 1926—1927, стр. 201.

⁸ В славянских языках также широко распространена и форма *радѣтъ*, которая может быть или древним вариантом или результатом параллельного перехода из баритонированной в окситонированную парадигму. Это же относится к форме *крадѣтъ*. В результате распада баритонированной парадигмы ряд баритонированных глаголов могли стать затем окситонированными.

17. Серб. *тѣпсти*, наст. *тѣпѣм*; русск. (диал.) *тепѣт*; серб. аор. *тѣпох*, *тѣпе*.
 18. Серб. *трѣсти*, наст. *трѣсем*; болг. *треса́*; русск. *трясе́т*; серб. аор. *трѣсох*, *трѣсе*.
 19. Серб. *цвѣсти*, наст. *цвѣтѣм*; русск. *цветѣт*; серб. аор. *цвѣтох*, *цвѣте*.

II. Баритонированная парадигма

1. Серб. *мѣћи*, наст. *мѣжем*; болг. *мо́га*; русск. *мо́жет*; серб. аор. *мо́гох*, *мо́же*.
 2. Серб. *ѣћи*, наст. *ѣдем*; болг. *ѣда́*; русск. *ѣдет*; серб. аор. *ѣдох*, *ѣде*.
 3. Серб. *лѣћи*, наст. *лѣжем*; слов. *ležet*; русск. *ля́жет*; серб. аор. *лѣ́гох*, *лѣ́же* (акут в серб. *ѣдем*, *лѣжем*, слов. *ležet*, очевидно, по аналогии).

В эту парадигму входили следующие изначально акутированные глаголы:

4. Слов. *krásti*, наст. *krâdem*; русск. *кра́дет* (наряду с, возможно, древним вариантом **kradétъ*).
 5. Русск. *ѣдет*; укр. *іду*, *іде*, блр. *ѣду*.

Как показывают эти примеры, различие между окситонированной и баритонированной парадигмами проходит в формах 2 и 3 л. ед. ч. аориста и в глаголах с краткостным и циркумфлектированным корнем: в окситонированной парадигме наблюдается сдвинутое на корень ударение, место ударения во 2 и 3 л. ед. ч. аориста баритонированной парадигмы соответствует месту ударения инфинитива, т. е. сдвинуто на конец слова, что является (в конечном счете) результатом действия закона Фортунатова—де Соссюра и в значительной степени продуктом более позднего морфологического развития.

Таким образом, распространение правила А. Мейе⁹ на глагол позволяет установить древнюю акцентную дихотомию славянских тематических глаголов с основами на согласные. Вместе с тем, в этом типе глаголов известен факт и морфологической дихотомии: древнейшие памятники старославянского языка дают от этих глаголов два типа аориста:

I. Простой аорист:

ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1. <i>ндъ</i>	<i>ндовѣ</i>	<i>ндомъ</i>
2. <i>нда</i>	<i>ндѣта</i>	<i>ндѣтѣ</i>
3. <i>ндаѣ</i>	<i>ндѣте</i>	<i>ндѣж</i> (инф. нти)

II. Сигматический аорист

ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1. <i>вѣсъ</i>	<i>вѣсовѣ</i>	<i>вѣсомъ</i>
2. <i>вѣдѣ</i>	<i>вѣдѣта</i>	<i>вѣдѣтѣ</i>
3. <i>вѣдѣѣ</i>	<i>вѣдѣте</i>	<i>вѣдѣж</i> (инф. вѣсти)

Каждый из этих типов аориста засвидетельствован лишь от определенных глаголов.

Расположив формы старославянского аориста по типу акцентной парадигмы, получим:

⁹ Метатония по правилу Мейе рассматривается при этом как результат передвижения ударения.

I. Окситонированная парадигма

1. Серб. *цвѣсти, цвѣте*; наст. *цвѣтѣм*; русск. *цветѣт*: ст.-сл. *цвѣсѣ, процвѣсѣ*.
2. Серб. *вѣћи, вѣче*; наст. *вѣчѣм*: ст.-сл. *квѣхъ, съквѣша*.
3. Серб. *врѣсти се, врѣе се*; наст. *врѣем се*; укр. *верзѣ*: ст.-сл. *врѣсѣ, отъврѣсѣ*.
4. Серб. *сѣћи, сѣче*; наст. *сѣчѣм*; русск. *сечѣт*: ст.-сл. *сѣхъ, расѣша*.
5. Серб. *грѣсти, грѣбе*; наст. *грѣбѣм*; русск. *грѣбѣт*: ст.-сл. *грѣсѣ, погрѣсѣ*.
6. Серб. *рѣћи, рѣче*; наст. *рѣчѣм*: ст.-сл. *рѣхъ, рѣша*.
7. Серб. *нѣсти, нѣсе*; наст. *нѣсѣм*; русск. *несѣт*: ст.-сл. *нѣсѣ, принѣсѣ*.
8. Серб. *тѣћи, тѣче*; наст. *тѣчѣм*; русск. *течѣт*: ст.-сл. *тѣхъ, тѣша*.
9. Серб. *жѣћи, жѣже*; наст. *жѣжѣм*: ст.-сл. *жѣхъ, раждѣша*.
10. Серб. *бѣсти, бѣде*; наст. *бѣдем*: ст.-сл. *басѣ, провасѣ*.
11. Серб. *мѣсти, мѣте*; наст. *мѣтѣм*; русск. *мятѣтся*: ст.-сл. *масѣ, съмасѣ сѣ*.
12. Серб. *довѣсти, дѣведе*; наст. *довѣдем*; русск. *ведѣт*: ст.-сл. *вѣсѣ, вѣсѣ*.
13. Серб. *трѣсти, трѣсе*; наст. *трѣсѣм*; русск. *трясѣт*: ст.-сл. *трасѣ*.

II. Баритонированная парадигма

1. Серб. *врѣћи, врѣже*; наст. *врѣжѣм*: ст.-сл. *врѣгъ, отъврѣгъж*.
2. Серб. *пѣсти, пѣде*; русск. (диал.) *упѣдет*: ст.-сл. *падѣж*.
3. Серб. *сѣсти, сѣде*; наст. *сѣдѣм*; русск. *сѣдет*: ст.-сл. *сѣдѣ, сѣдѣж*.
4. Серб. *лѣћи, лѣже*; наст. *лѣжѣм*; русск. *лѣжет*: ст.-сл. *лѣгъж*.
5. Серб. *срѣсти, срѣте*; наст. *срѣтем*: ст.-сл. *сърѣтъ, сърѣтъж*.
6. Серб. *идѣћи, иде*; наст. *идѣм*, русск. *идет*: ст.-сл. *идѣ, идѣж*.
7. Русск. *ѣду, ѣдешь, ѣдет*: ст.-сл. *-ѣдѣж*.
8. Слов. *кѣдѣт*; русск. *кѣду, кѣдет*: ст.-сл. *-кѣдѣж*.
9. Серб. *мѣћи, мѣже*; наст. *мѣжѣм*; русск. *мѣжет*: ст.-сл. *могъж*.
10. Серб. *слѣсти, слѣде*; наст. *слѣдѣм*; русск. *лѣзет*: ст.-сл. *-лѣзѣж*.

Наблюдаются лишь два несоответствующих примера: *трасѣж* (наряду с *трасѣ*) и *сп(а)ж сѣ* (в «Толковой Псалтыри» Исихия, сохранившейся в среднеболгарских памятниках), которые являются, вероятно, фактами позднейшего смешения, чему способствовал *-s*-исход основ этих глаголов.

Этот обзор позволяет предположить, что в старославянском языке в период, предшествующий появлению письменных памятников, существовало акцентно-морфологическое правило распределения форм аориста: баритонированные тематические глаголы с основами на согласный образовывали простой аорист, окситонированные глаголы того же типа — сигматический аорист.

Очевидно, что это правило теснейшим образом примыкает к первому акцентно-морфологическому правилу распределения (стр. 34) и может быть объединено с ним: непрямые баритонированные глаголы с равносложными основами¹⁰ образовывали простой аорист, если основа оканчивалась на согласный, и сигматическо-корневой аорист, если основа оканчивалась на гласный или сонант.

¹⁰ Тематический гласный в основу не включается.

Непроизводные окситонированные глаголы того же типа образовывали сигматический аорист типа *кѣсѣ* — *ведѣ*, если основа оканчивалась на согласный, и сигматическо-дентальный аорист, если основа оканчивалась на гласный или сонант.

Надо думать, что эта закономерность могла сложиться лишь в период до распада двух акцентных парадигм глагола. Это заставляет относить ее возникновение к очень раннему праславянскому периоду¹¹.

Падение этой акцентно-морфологической связи приводит к постепенной ликвидации баритонированной парадигмы и к переходу ряда ранее баритонированных глаголов в окситонированную парадигму (*iděť*, *kraděť*, *raděť*). С другой стороны, наличие у них форм простого аориста, который долгое время оставался продуктивным у глаголов на *-ne/-nŏ-*, способствует втягиванию их в парадигму глаголов на *-ne-/-nŏ-* (*vŏgnetŭ*, *rādnetŭ*, *sědnetŭ*, *lěgnetŭ*, *srětnetŭ*)¹².

¹¹ Вероятно, лишь отталкиваясь от факта существования такого рода дистрибуции в праславянском, нужно рассматривать такие древнечешские формы, как *něsu*, *vědu* и др.

¹² Аорист **rěchŭ*, сохраняясь долгое время после падения форм первичного сигматического аориста, вероятно, стал ощущаться в ряду форм простого аориста, что привело к образованию в сербском языке дублетной формы настоящего времени на *-n-* (*rěknēm*) и к перестройке ударения других форм (аор. *rěče*). Весьма возможно, что этим объясняется и настоящее время *rěčēm* (ср. выше приводимые формы окситонированной парадигмы).

М. И. Ермакова

**ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
В НИЖНЕЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ
(по памятникам XVI—XVIII вв.)**

§ 1. Серболужицкие языки сохранили формы простых и сложных прошедших времен, утраченные большинством славянских языков.

Соотношение простых и сложных форм, образующих систему прошедших времен, претерпело, однако, значительные изменения в серболужицких языках. В статье Ст. Слоньского «Tak zwane perfectum w językach słowiańskich» находим следующее замечание общего характера: «В лужицких языках сохранились формы аориста и имперфекта — обе уже в разговорном языке стали вытесняться формами прошедшего сложного, подобно тому, как в сербохорватском; однако происходил ли этот процесс таким же образом, как и в другом месте, — этого я не имею возможности утверждать»¹. На факт изменения в употреблении форм прошедших времен в серболужицких языках есть многочисленные ссылки в исторической грамматике К. Э. Муки². В лужицкой литературе по глаголу, представленной в основном специальными разделами грамматик, вопросам, связанным с употреблением временных форм, обычно отводится незначительное место. Основное внимание уделяется морфологии форм времени. Сказанное относится и к современным грамматикам, и к работам более раннего периода.

Из специальных работ, посвященных рассмотрению значений и употребления лужицких временных форм, укажем на раздел книги Г. Либша, посвященной синтаксису верхнелужицкого языка, «Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausitz»³.

Определение значения отдельных форм времени дано здесь с точки зрения их соответствия значениям латинских и греческих форм времени. Факты замены простых прошедших времен перфектом в работе не нашли объяснения.

Категории времени в лужицких языках были посвящены также отдельные статьи И. Смолера, М. Гурника, Э. Пфуля, опубликованные в журнале «Časopis (Towarstwa) Maćicy Serbskeje»⁴.

¹ St. Słoński. Tak zwane perfectum w językach słowiańskich. — PF, t. X, стр. 33.

² K. E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch — wendischen) Sprache mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des Obersorbischen. Leipzig, 1891, стр. 525, 549, 587 и др.

³ G. Liebsch. Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen, 1884.

⁴ J. E. Smoler. Přichodny čas serbskeho słowjesa. — ČMS, lětn. XII, zeš. 3, 1859, стр. 7—14; E. T. Pful. Wo našim futuriskim «du». — ČMS, lětn. XXXIV, zeš. 1, 1881, стр. 11—13; M. Hórnik. Přitomnosť a minylosć serbskeho słowjesa. — ČMS, lětn. XLVI, zeš. 1, 1893, стр. 33—47.

Основной целью специальных разделов по временным формам глагола в общих курсах и грамматиках было установление норм употребления отдельных форм времени, в частности, простых прошедших — аориста и имперфекта — с точки зрения соотношения категории вида и времени и утверждение их в языковом общении. Так, в грамматике Муки аорист рассматривается как прошедшее время перфективных (моментальных) глаголов (*momentanpreteritum*), имперфект — как прошедшее время имперфективных (дуративных, итеративных и фреквентативных) глаголов (*durativpreteritum*). При этом всякое отступление от такого «нормального» с точки зрения грамматистов употребления рассматривается как «неправильное», явившееся в результате «ошибочного» смещения форм аориста и имперфекта.

Значение этих форм определяется следующим образом: «хотя имперфект, как и аорист, является прошедшим временем, однако они имеют резко выраженные различия, так как имперфект обозначает продолжительность или повторяемость действия, а аорист — совершенные действия в прошлом, которое было сконцентрировано на одном моменте»⁵. Подобную же характеристику значения форм простых прошедших времен находим и в современных грамматиках⁶. Вследствие такого одностороннего нормативного подхода к языковым фактам история описываемых форм обычно оставалась в стороне. До сих пор не выяснен характер изменений, произошедших в употреблении форм прошедших времен в лужицких языках, что и дает нам основание специально остановиться на этом вопросе в настоящей статье.

§ 2. При исследовании значения форм прошедшего времени в нижнелужицком литературном языке интересующего нас периода мы исходим из факта существования в нем категории вида. Большинство глаголов выступает здесь или в значении совершенного или в значении несовершенного вида. Объективное существование вида в нижнелужицком языке обнаруживается в различных морфологического и синтаксического порядка у форм совершенного и несовершенного вида. Сюда относятся следующие факты.

Противопоставление глаголов по виду, хотя и не всегда четкое, осуществляется в видовых парах.

Наши наблюдения позволяют определить наличие нескольких типов видовых пар уже для книжного языка XVIII в. Видовые пары, подобные этим, существовали и в других славянских языках.

Первый тип — древний — охватывает пары бесприставочных глаголов и глаголов с суффиксом *-nu-*, например: *duš — dunuš*, *bzizaš — bziznuš*. Ко второму типу относятся видовые пары, составленные из бесприставочного и приставочного глаголов, например: *cyniš — hucyniš*, *třeš — zatřeš*, *žodaš — požedaš*.

Третий тип составляют пары, члены которых являются приставочными глаголами, отличающимися суффиксом и корневой гласной. Например: *dokonaš — dokonawaš*.

Четвертый тип дают глагольные пары, состоящие из двух бесприставочных глаголов с отличиями в суффиксах и корневых гласных. Например: *chopis — chapjaš*, *skóbcyš — skokaš*.

Глаголы, указывающие на начало, конец или продолжение действия, сочетаются в лужицких языках, как и в других славянских

⁵ К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 590.

⁶ См., например, P. Wowčerk. *Kurzgefasste obersorbische Grammatik*. Budyšin, 1951; Bogumił Śwela. *Grammatik der Niedersorbischen Sprache*. 2-te Aufl., bearbeitet und herausgegeben von D-r Frido Mětšk. Bautzen, 1952.

языках, лишь с глаголами несовершенного вида, такими, например, как *choriś sekaś, kóńcowaś cuniś*. Как во всех славянских языках, форма настоящего времени совершенного вида имеет значение будущего времени, но в ряде контекстов для этой формы можно отметить и значение конкретного настоящего.

§ 3. По вопросу о взаимоотношении категории вида и категории времени мы придерживаемся в настоящей статье взглядов тех исследователей, которые рассматривают эти категории как независимые, имеющие каждая самостоятельную сферу значений⁷. В частности, сферой значений форм времени, что нас здесь интересует в первую очередь, является грамматическая хронология действий. В качестве системы отсчета при определении грамматической хронологии действий берется момент высказывания. Время совершения действия, определяемое по отношению к моменту высказывания, принято называть абсолютным грамматическим временем.

Однако отношение действий к моменту высказывания — это лишь одна из возможных характеристик хронологии действий. Действия, выступающие не как изолированные друг от друга, а связанные в процессе своего совершения, представляют и другую возможность их хронологической характеристики. Хронология действия может определяться относительно другого действия или ряда действий, хронологические отношения которых к акту высказывания уже установлены. При использовании такого способа определения хронологии действий можно так же, как и в первом случае, установить три типа отношений: предшествование, одновременность и следование. Время совершения действий, определяемое по такой системе отсчета, обычно называют относительным грамматическим временем.

Среди славянских языков есть такие, в которых два указанных способа определения грамматического времени действия получают особое грамматическое выражение. В таких языках, как, например, старославянский, современный болгарский, имеется два ряда форм: формы абсолютных времен и формы относительных времен, которые находятся между собой в коррелятивных отношениях⁸.

Из форм прошедших времен к абсолютным временам относятся формы аориста, к относительным — формы перфекта, плюсквамперфекта и имперфекта.

Формы относительных времен характеризуются одним общим признаком — указанием на связь обозначаемых ими действий с действиями того же или иного временного плана, или, другими словами, указанием на актуальность данного действия для действий, обозначенных формами какого-либо абсолютного времени.

Сами же формы абсолютного времени, обозначающие основные события рассказа, при отсутствии дополнительных показателей выражают лишь отнесенность действия к определенному временному плану и в корреляции с формами относительного времени являются неотмеченными по признаку актуальности-неактуальности действия.

При наличии двух рядов форм прошедшего времени в старославянском языке форма аориста выступает в качестве неотмеченного члена в корреляции с другими формами прошедшего времени (перфекта, плюсквамперфекта и имперфекта). Последние сами по себе указывают

⁷ В. Наврашек. Aspect et temps du verbe en vieux slave. Mélanges de linguistique offert à Ch. Bally. Genève, 1939.

⁸ И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1960, стр. 11.

на возможные различия в хронологических отношениях действий, относимых к плану прошлого.

Перфект указывает на предшествование действия плана прошлого периоду настоящего. Плюсквамперфект — на хронологическое предшествование прошедших действий действиям того же временного плана. Имперфект — на одновременность прошедшего действия с действиями того же временного плана.

Таким образом, мы исходим из того, что различия между глагольными формами времени носят чисто временной характер.

§ 4. Система прошедшего времени представлена в лужицких языках теми же формами, что и в старославянском языке. Здесь употребляются следующие формы: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Аорист представлен только формами, образованными от глаголов совершенного вида, остальные времена — образованиями и совершенного и несовершенного вида. Как уже сказано выше, в литературе имеются указания на то, что в употреблении этих форм времени в лужицких языках произошли сдвиги. Есть также некоторые сведения и о том, когда именно произошли эти сдвиги.

Эти сведения находим в упомянутой уже нами грамматике К. Э. Муки. Они касаются замены форм простых прошедших времен формами перфекта обоих видов. К. Э. Мука отмечает, что нижнелужицкому языку времен Г. Фабрициуса (XVIII в.) не свойственна эта замена; наоборот, для языка перевода «Нового Завета» Н. Якубицы (XVI в.) он считает характерным явление широкой замены форм аориста и имперфекта формами перфекта.

Чисто статистические данные как будто бы с очевидностью подтверждают этот вывод. В самом деле, преобладание форм перфекта в переводе «Нового Завета» Н. Якубицы достаточно выразительно (формы перфекта встречаются здесь 810 раз, формы аориста и имперфекта 493 раза⁹, в переводе же Г. Фабрициуса такого преобладания форм перфекта над формами простых прошедших времен не наблюдается.

Таким образом, может сложиться представление о расширении сферы употребления не столько перфекта, сколько аориста и имперфекта, что явно противоречит современным диалектным данным, свидетельствующим о безраздельном господстве форм перфекта. Анализ значений форм прошедших времен в указанных памятниках не подтверждает наблюдений К. Э. Муки относительно перевода «Нового Завета» Г. Фабрициуса. Здесь, как и в переводе «Нового Завета» Н. Якубицы, можно наблюдать факты замены форм простых прошедших времен формами перфекта, а также факты, свидетельствующие об ином соотношении форм прошедшего времени, чем в старославянском или современном болгарском языках.

§ 5. Значение и употребление форм прошедшего времени в нижнелужицком языке рассматривается в настоящей статье на материале произведений литературного языка и данных тех диалектов Нижней Лужицы, которые нашли отражение в известных публикациях лужицких диалектных записей.

Мы располагали тремя нижнелужицкими текстами, относящимися к XVI в. От первой половины XVI в. известен лишь небольшой отрывок из перевода «Нового Завета» (часть 26 главы евангелия от Матвея),

⁹ Эти данные касаются употребления форм прошедшего времени в евангелии от Марка в переводе Н. Якубицы.

вписанный в экземпляр первого издания «Нового Завета» М. Лютера¹⁰. Один из первых памятников лужицкой письменности — «Вольфенбюттельская псалтырь» — относится исследователями ко второй половине XVI в.¹¹ Он представляет собой перевод с немецкого текста М. Лютера. Диалектная основа памятника не вызывает разногласий у исследователей: перевод возник в юго-западной части нижнелужицкой языковой области (приблизительно между Злым Коморовым и Добролугом). Основой языка перевода служил один из вымерших диалектов этой части Нижней Лужицы, относительно близкий, как отмечает Р. Траутман, диалекту Коттбуса¹².

Жанровые особенности псалтыри, однообразие стиля обусловили преимущественное распространение одних глагольных форм за счет других. Наиболее употребительны здесь формы повелительного наклонения; из форм прошедшего времени самой распространенной является перфект.

Третьим известным нам памятником нижнелужицкого языка XVI в. является перевод «Нового Завета» Н. Якубицы 1548 г.¹³ По вопросу о языковой основе перевода Н. Якубицы имеется большая литература. Большинство исследователей считает язык перевода нижнелужицким и расходится лишь при определении конкретной диалектной основы памятника¹⁴. Другая (немногочисленная) группа исследователей определяет диалект памятника как мужаковский, считая его одним из пограничных диалектов, в котором верхнелужицкие элементы преобладают над нижнелужицкими¹⁵.

В результате исследований Л. В. Щербы было установлено, что мужаковский диалект — особый диалект, отличный от верхнелужицкого и нижнелужицкого языков. Исследования, проведенные З. Штибером¹⁶ и М. Грухмановой¹⁷, уточняют диалектные особенности языка памятника и область распространения диалекта. На основании этих данных можно предположить, что диалект Н. Якубицы — переходный между нижнелужицким и польским (диалект Крамска). По-видимому, он располагался к северу от области жаровского диалекта. Есть все основания, как нам представляется, считать перевод «Нового Завета» Н. Якубицы нижнелужицким памятником.

¹⁰ См. W. Nehring. Ein alter niedersorbischer Text. — AfsI Ph, Bd. 4, N. 3, 1880, стр. 514.

¹¹ Мы пользовались первым изданием этого памятника: R. Trautmann. Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter. Leipzig, 1928.

¹² Там же, стр. VII, IX; A. Frinta. Lužičtí srbové a jejich písemnictví. Praha, 1955, стр. 163.

¹³ См. A. Leskien. Das sorbische Neue Testament von 1548. — AfsI Ph, Bd. I, N. 2, 1876, стр. 161—249; H. Lotze. Der Brief des Jakobus. Leipzig, 1867, стр. 11.

¹⁴ См. К. Е. Мукке. Указ. соч., стр. 9; М. Ногник. W kotrej podryci pisaše Tharaeus w lécie 1610? — ČMS, lětn. XXII, zeš. II, стр. 118; A. Leskien. Указ. соч., стр. 162; Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, т. I. Пр., 1915, стр. 7; Zd. Stieber. Dyspalatalizacja *e ≥ o i *e ≥ a w dawnych dialektach pogranicznych łużycko-polskich. — SO, t. II, 1930, стр. 498; B. Šwela. Słowjanske stopy w dołnoserbskem pismowstwie. — «Sbornik prací 1. sjazdu slovanských filologů v Praze», 1929, стр. 394; M. Gruchmanowa. Związki językowe dialektu Kramsk z łużycami. — JP, rocz. XXXVII, zes. 4, стр. 242—252.

¹⁵ H. Lotze. Указ. соч., стр. 10.

¹⁶ Zd. Stieber. Указ. соч.

¹⁷ M. Gruchmanowa. Указ. соч.

Основными источниками изучения нижнелужицкого литературного языка являются перевод «Нового Завета» Г. Фабрициуса (1709) и «Ветхого Завета» Фр. Фрица (1796)¹⁸. Языковая основа этих памятников — Коттбусский диалект. Оба перевода сделаны с немецкого перевода библии, осуществленного М. Лютером. На этом же диалекте написаны «Prjatkaŕske knigŕy» (1792) и «Prjatowaŕske knigŕy» (1797) Фр. Фрица.

В жанровом отношении исследуемые памятники однородны, поскольку представляют собой библейские тексты или другие произведения религиозного содержания.

§ 6. Основное внимание в настоящем исследовании обращено на материалы переводов библии Г. Фабрициуса и Фр. Фрица, относящиеся к XVIII в., поскольку именно данные этих памятников, как указывалось выше, не соответствуют сложившемуся в литературе представлению о характере употребления в них форм прошедших времен.

Материал памятников XVI в. используется попутно в сравнительном плане. Иногда для сравнения привлекаются данные верхнелужицкого языка¹⁹. В некоторых случаях мы прибегаем к сравнению со старославянским языком, пользуясь при этом Маринским евангелием²⁰.

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА

§ 7. Формы плюсквамперфекта в исследуемых памятниках XVI и XVIII вв. характеризуются определенно очерченной сферой употребления. Они последовательно выполняют функции относительного грамматического времени. С помощью форм плюсквамперфекта выражается хронологическое предшествование одного прошедшего действия другому.

Период совершения действия, обозначенного плюсквамперфектом, находится за границами периода совершения действий, ставших основным предметом рассказа и выраженных формами аориста или формами других времен, выступающих в функции аориста, а именно — предшествует ему. Например: «Gaž te nezyste duchy wen schli bëchu, žëchu woñi do tych ßwini nutsch; a ta kopiza wali ße s'napschystego mësta dołoj do morja... a salachu ße we morju. Te ßwiñaŕe pak hubegachu, a sawowedachu jo do togo mësta a doj ßow. A woñi pschizochu wen hoglëdat, zož ße stalo bëšcho» (Mark V, 13, 14)²¹.

В переводе Н. Якубицы находим также форму плюсквамперфекта — *se było stalo*. Семантически *stalo bëšcho* является обобщением целого эпизода, включающего цепь последовательно развивающихся событий, связанных с действиями Иисуса. Основным предметом изложения

¹⁸ Ten Nowi Testament naschogo knësa a wumožnika Jesuša Kristuša do Berbskeje Rezi pschestawony wot Gottlieb Fabriziuša nabogogo huschego Farara a Inspectara Cjoschobusu. Halu, 1868.

To boze pišmo wot Johana Friedrich Fryza, najajschego farara Gołkojceach a Gołbië. Halu, 1868.

¹⁹ Biblia, das ist die ganze Heilige Schrift Alten und Neuen Testaments, vormahls in die Deutsche, von D. Martin Luthern, jetzo aber in die Ober-Lausitzische Wendische Sprache mit aller Freu und Fleiße von einigen Evangelischen Predigern übersetzt. Budišin, 1728.

²⁰ Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд Ягича И. В. СПб., 1883.

²¹ В дальнейшем при цитировании перевода библии Фабрициуса ссылки на переводчика не даются.

в данном отрывке является рассказ о том, как Иисус излечил человека, одержимого нечистым духом. Поэтому основными являются действия, указывающие на то, как это исцеление произошло ('бесы, одолеваящие человека, вошли в свиней, и одержимое бесами стадо потонуло в море'). Действие же, выраженное формой *stalo béscho*, носит второстепенный характер. В действительности оно произошло раньше того момента прошлого, когда совершались действия, выраженные формами *hubégachu*, *sapowédachu* и т. д. В рассказе же события изложены в иной последовательности, но хронология событий выражается благодаря употреблению специальной формы — плюсквамперфекта.

Хронологическое предшествование выражено формой плюсквамперфекта и в следующих отрывках. «A won žascho k'βwojim huknikam aby jomu łožizku žaržali tego ludu dla, aby jogo néschischczali. Pschêto won béscho jich wele hustrowił, tak až na ňogo padachu schykne, kenž plogu mējachu, aby jogo dotyknułi» (Mark, III, 9—10). В переводе Н. Якубицы находим форму перфекта — *wuzdrowował*. «A won wotejže, a sachopi huwołasch we tych žaβeschich městach, kak welike węzy Jesus jomu zynił béscho, a schykne βe žiwowachu». (Mark, V, 20). В переводе Н. Якубицы здесь наблюдаем форму перфекта — *sczynił ie*.

В обоих примерах действия, обозначенные формами плюсквамперфекта, оказываются так или иначе связанными с действиями, обозначенными формами аориста. Характер этой связи может быть самым разнообразным.

Так, в следующем примере действия, обозначенные формами плюсквамперфекта, имели место за временными рамками рассказа, но в период совершения событий рассказа они характеризуют действующее лицо: «A gaž Jesus we tej loži βe saβej pschewjadł béscho na wonu stŕonu, sgromaži βe wele ludu k'ňomu, a won béscho pschi morju... a tam béscho žeńska we kschawnem hupławe dwanasczo lét, a béscho wele scherpeła wot wele gojzow, a schykno to swojo natožyla, a nêbéscho glich s'ňeju βe polépschyło, ale wele wêzej gorej buwało» (Mark, V, 21, 25, 26). В переводе Н. Якубицы — форма плюсквамперфекта от других глаголов. Формы плюсквамперфекта *béscho natožyla* и *nêbéscho βe polépschyło* указывают здесь на состояние, характерное для действующего лица в тот момент плана прошлого, о котором идет речь. Подобное значение свойственно формам плюсквамперфекта от глаголов совершенного вида, дающих понятие перехода данного субъекта из одного состояния в другое.

Заметим, однако, что тот же самый глагол в той же самой форме плюсквамперфекта может и не иметь указанного выше значения; это зависит от условий контекста. Ср., например, употребление формы *béscho polépschyło* в следующем отрывке: «Gaž won nêto dołoj žéscho, smakachu jogo jogo βužabňiki, sapowédachu jomu, a žachu: twój golz jo żywy. Togodla husgoňowascho won wot ňich tu schtundu, we kotarejž βe s'ňim béscho polépschyło: a woni žachu k'ňomu: zora hokoło teje βedymeje schtundy spuszczi jogo ta symniza» (Jan, IV, 51, 52).

Формами плюсквамперфекта могут быть обозначены действия, от совершения которых зависит возможность или невозможность совершения ряда других действий в данный момент прошлого. В подобной ситуации употребляются глаголы как совершенного, так и несовершенного вида. Например: «Te βlowa groňascho Jesus pschi tom Božem kaszczu, huzezy we tom tempļu; a nicht jogo nêpschime, pscheto jogo schtunda nêbéscho hyszczu pschischta» (Jan, VIII, 20); «Ga pschiže žeň-

ska se Samarije wodu pozerat. K'tej żejo Jesus: daj mē pisch. Pscheto jogo hukniki *běchu* do tego mēsta *schli*, aby jēž kupowali» (Jan, IV, 7, 8). «Gaž won togodla do Galilejskeje pschize, wesechu jogo te Galilejske gorej, kotarež schykne *běchu wizeli*, zož won we Jerusaleme na tom βwēžeŋu *běscho zynit*: pscheto woni *běchu tež* na βwēžeŋ *pschischli*» (Jan, IV, 45).

Во всех трех случаях действие, обозначенное формой плюсквамперфекта, отделено от данного момента прошлого большим или меньшим периодом времени. Длительность последнего может быть в отдельных случаях выражена специальными средствами. В некоторых случаях из самой ситуации рассказа становится ясным, что речь идет о непосредственном предшестве действия, выраженного формой плюсквамперфекта. Например: «Ale te rišmahuzone a Farisejaře pschiwězechu żeŋsku k'ŋomu we maŋželstwołamaŋu popadŋonu; a gaž ja do βreža *běchu stawili*, žeju woni k'ŋomu: huzabŋik, ta žeŋska jo we statku tego maŋželstwołamaŋa sałarjona» (Jan, VIII, 3, 4).

Непосредственное предшество действия, обозначенного формой плюсквамперфекта, может быть специально подчеркнуто. Например: «Won sapora te huβoknosczi, a sesłamowa te βłupy, a hurodowa te lēβa, a sbi tego kuprowego huža na kuβy, kotaregož Mojsas *běscho higotował*; pscheto až do tego zaβa *běchu* jomu te Israelske zischi *kazili*, a woni jomu groŋachu Ne hustan» (Makk. I, 20).

Действие, обозначенное плюсквамперфектом *běchu kazili*, имело место до данного момента прошлого, т. е. до воцарения Езекии в Иерусалиме, но события, связанные с действиями Езекии, на которые указывают формы аориста, положили конец упомянутому выше действию *běchu kazili*. Контекст прямо указывает на этот предел: do tego zaβa 'до самых тех дней'.

Возможны, наконец, такие случаи, когда формой плюсквамперфекта обозначается действие, которое, начавшись до начала совершения основных событий, продолжается и в период совершения этих событий. Например: «Potom *běscho βwēžeŋ* tych Żydow, a Jesus *žeŋscho gorej do Jerusalema*. We Jerusaleme pak jo pschi tom wojžeŋzu gat, na Hebrejsku rēz pschimēŋony Betesda, ten ma pēsč pschitwarkow. We tych βamych lažascho wēlika maŋ chorych, βlepych, chromych, βuchych, kenž na teje wody gibaŋe zakachu... Jaden złowek pak *běscho tam woβym* a tschizascza lēt chory *lažał*. Gaž Jesus tego βamego wižescho lažezego a sgoni, až won južo dłujki zas tak *běscho lažał*, žejo won k'ŋomu: zosch strowy hordowasch?» (Jan, V, 1—3, 5, 6).

Имперфект *lažascho* обозначает действие, которое, хотя и имело место еще до того момента, о котором идет речь, т. е. до прихода Иисуса в Иерусалим, однако наряду с *zakachu* оно включается в контекст, дающий представление об обстановке событий этого эпизода. Упоминание о действиях, выраженных формами плюсквамперфекта *běscho chory lažał* и *běscho lažał*, непосредственно связано с основным событием этого эпизода — исцелением больного Иисусом. Из контекста ясно, что эти действия имели место задолго до начала событий рассказа, но продолжают и в момент начала событий.

Однако значения непосредственного или не непосредственного предшества являются частными значениями форм плюсквамперфекта. Основное значение плюсквамперфекта состоит в указании на относительное предшество времени совершения действия периоду совершения действий, относящихся к основному плану изложения.

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ ИМПЕРФЕКТА

§ 8. В исследуемом тексте время действия, обозначенного имперфектом, может определяться двояко: относительно момента высказывания и относительно другого действия. Использование имперфекта в функциях абсолютного или относительного грамматического времени зависит от конкретной ситуации рассказа.

§ 9. В функции относительного грамматического времени имперфект указывает на действие, время совершения которого в плане прошлого определяется относительно другого действия того же временного плана. В этом случае мы имеем дело с хронологическим соотношением двух прошедших действий, из которых время действия одного является точкой отсчета при определении времени действия второго.

Действие, выраженное имперфектом, может быть действительным в течение всего периода прошлого, о котором идет речь, или может продолжаться только известную часть времени этого периода. Однако одновременность здесь обязательна.

Действие, выраженное имперфектом, может быть и обобщенным и конкретным. Приведем некоторые примеры.

а) Имперфект обозначает действие обобщенное, происходящее в течение всего периода прошлого, о котором идет речь. Например: «Jan béscho we pusczińe, *dupjascho* a *pratkowascho* wot dupeńa teje pokuty k'wodawańu tych grěchow... Jan pak *béscho* hoblazony s'kamelowymi łobami a s'kožanym rašom hokoło šwojeju lažwowu, a *jejascho* skozki a polski mjod... A wono še stanu we tych šamych dnach, až Jesus wot Nazaretha Galilejskeje semjě pschize, a bu dupjony wot Jana we Jordanu» (Mark, I, 4, 6, 9).

Таким образом, рассмотренные выше формы имперфекта указывают на действия, одновременные основным событиям рассказа, обозначенным аористными формами. В сходном отрывке Марииинского евангелия, так же как в переводе Фабрициуса, употреблен имперфект. В переводе же Якубицы в соответствии с данными формами имперфекта находим перфект несовершенного вида: *kszył, predgował, gadł* и т. д. «A béscho hudowa na styri a wošymžašet lét, ta nepschize wot tego templa, *šlužascho* Bogu se sposchenim a modlenim wedno a pozu» (Lukaš, II, 37). Действия, обозначенные имперфектом, как ясно из контекста, совершались регулярно на всем протяжении рассказа, однако сами по себе эти действия имеют второстепенное значение для развития основных событий. Они определенным образом характеризуют одно из эпизодических действующих лиц, присутствовавших в храме, куда принесли маленького Иисуса.

«A won pschize do Kapernauma do tego města Galilejskeje, a *huzascho* jich na sabatach» (Lukaš, IV, 31). В Марииинском евангелии — **вѣ суча**. Имперфект *huzascho* указывает на действие, которое имело место всегда в определенное время в течение известного периода (когда Иисус был в Капернауме). Основные события происходили именно тогда, когда Иисус учил в синагогах (например, излечение человека, одержимого нечистым духом). Таким образом, действие, обозначенное имперфектом *huzascho*, является своего рода фоном.

В указанном выше относительном значении формы имперфекта употребляются и в переводе Н. Якубицы. Например: «A won wokolo *wobchawascho* po mestkach wokolnich a *wuczasche*. A won zawola tich dwanadzich a chopu se a possla hich» (Mark, VI, 7).

б) Имперфект обозначает действие конкретное, осуществляющееся в данный момент прошлого, одновременное действиям основной цепи событий определенного эпизода. На конкретность действия, выраженного имперфектом, указывает или контекст, или ситуация в целом, как в следующих примерах: «A wono stanu be na jaden zeñ, až won *huzascho*, a te Farisejare a kasnowniki *bejžechu* tam, kotarež sew schykných městkow Galilejskeje a Žydojskeje a s'Jerusalema pschischli bėchu... A glėdaj, nekotare muže pschiñasochu na łožyszczu złoweka, kotaryž bėscho pschisajety» (Лукаш, V, 17, 18). (В Мариинском евангелии — **Ѣ҃ оуча, вѢ҃ах҃ сѢ҃даштє**); «Wono pak be stanu, gaž be ten lud k'nomu schischčascho, pośluchat to Bože błowo, až won *stojascho* pschi tom jasore Genezaret, a hupyta dwė łozi na jasore stojezej. . .» (Лукаш, V, 1—2). (В Мариинском евангелии — **Ѣ҃҃ сто҃а**).

В обоих примерах формы имперфекта входят в описание обстоятельств, при которых произошло действие, являющееся основным предметом сообщения. В первом отрывке речь идет об исцелении Иисусом больного, которого принесли во время одной из проповедей Иисуса, в присутствии фарисеев и каноников. Во втором отрывке рассказывается о проповеди Иисуса на Генисаретском озере, когда к нему собралось множество народу. Иисус, стоявший на берегу, заметил на озере две лодки и, войдя в одну из них, стал проповедовать. И в том, и в другом примере формы имперфекта обозначают второстепенные по своему характеру действия, дающие представление об обстановке основных событий рассказа.

В подобном же значении формы имперфекта выступают и в переводе Н. Якубицы. Например: «A chopu se hich wuczitz. . . A won te slowa zgewne *molwasche*; a Petr iogo ksebe wesmu a chopu iogo tronitz» (Mark, VIII, 31, 32). «Jak pak Jesus wupitta, asch rozsumne wotmolwy, vzascha won knomu: ty neysy daleko wot tego kralostwa boschedo. A wono iogo nicht *nesmeiasche* daley neczo wiczej woprasschatcz» (Mark, XII, 34). В Мариинском евангелии данной форме имперфекта соответствует также имперфект — **нѢ҃ сѢ҃мѢ҃ашє**.

§ 10. В функции абсолютного грамматического времени имперфект указывает на действие, законченность которого определяется относительно момента высказывания. В этом употреблении форма имперфекта выполняет функцию аориста.

Имперфект обозначает действие единичное, конкретное, составляющее звено в цепи последовательно развивающихся событий. Например: «A wono be stanu we tych βamych dnach, až Jesus wot Nazareta Galilejskeje semje pschize, a bu dupjony wot Jana we Jordanu. A won stupi ned s'teje wody wen, a *wizescho* te nebja wotworone a togo Ducha, ako goľubja, na ñogo doľoj stupezego. A gľoß stanu be s'nebja: ty βy moj βyn, ten lubwany, na kotaremž ja dobre spodobañe mam» (Mark, I, 9—11). В Мариинском евангелии находим аорист **видѢ҃ развѢ҃дашта сѢ҃ нѢ҃са**. Действия, выраженные формами аориста **видѢ҃** и формой имперфекта *wizescho*, тождественны с точки зрения отношения к моменту высказывания. Имперфект указывает здесь на действие, совершившееся однажды в прошлом. Речь идет о ряде последовательно совершающихся основных событий; интересующие нас формы имперфекта употреблены рядом с формами аориста в качестве однородных сказуемых.

Заметим, что глагол *wizeti* встретился нам лишь в форме бесприставочного глагола. Возможно, что, как и в старославянском, бес-

приставочный глагол *viděti* в лужицком языке мог быть двувидовым²². Контекст говорит именно в пользу совершенного вида.

Интересно, что в переводе Якубицы на месте интересующей нас формы имперфекта стоит аорист совершенного вида *wupitta*.

Аористная функция рассмотренных выше форм имперфекта особенно ясно проявляется на фоне имперфекта, выступающего в значении действия, одновременного основным событиям рассказа, как в следующем примере: «A woni pschizochu na wonu stionu togo morja do teje semé tych Gadareńskich. A gaž won s'teje loži wen žescho, smakascho jogo ned s'row' złowek, s'nezystym duchom hobšejzony, ... A won béscho pschéze, žeń a noz, na gorach a we rowach, wołascho a bijascho že žamego s'kameňami. Gaž won pak Jesuše snasdalá hupyta, bežascho won, a pokłoni že jomu, a wołascho s'welikim głoßom, a žascho» (Mark, V, 1, 2, 5, 6).

Время совершения действий, обозначенных формами имперфекта *žescho*, *smakascho*, *bežascho*, *wołascho*, определяется относительно момента высказывания; сами действия представляют собой в данной ситуации звенья развивающейся цепи событий. Действия же, обозначенные формами имперфекта *wołascho*, *bijascho že*, входят в описание обстановки, предшествующей появлению Иисуса. Они дают представление о постоянных свойствах действующего лица, при наличии которых развиваются события данного эпизода.

Перевод Якубицы дает следующие формы в сходном контексте: «... A iak won steye loeschy *wystupy*, y hned tomu *potkal* ieden zloweg... Jak won pak Jesusa sdala *wupitta*, *besasche* knomu a padnu pred nym doloj, nyasno *sawola* a *rekl*...», т. е. в соответствии с формами имперфекта в переводе Фабрициуса *žescho*, *smakascho* у Якубицы находим форму аориста совершенного вида *wystuppy* и форму перфекта совершенного вида *potkal*, а в соответствии с формами имперфекта *wołascho* и *žascho* — форму аориста совершенного вида — *zawola* и форму перфекта совершенного вида — *rekl*, но и у Фабрициуса и у Якубицы наблюдается форма имперфекта *bežascho* — в абсолютном значении. В Мариинском евангелии в соответствии с формой лужицкого имперфекта находим аорист **тече**. Другой пример: «A won *prátkowascho* we jich schulach psches zełu Galilejsku semju, a goňascho tych zartow wen. A jaden husazny *pschize* k'ňomu, *pschořascho* jogo, a *pokłoni že* jomu, a *žascho* k'ňomu: gaž ty zosch, ga możosch mño huzyszczisch. A Jesušu bu jogo luto, huztré swoju ruku, a dotyknu jogo, a žascho k'ňomu; ja zu, buž huzyszczony. A gaž won to žascho, žescho ten hužazned wot nogo, a won hy huzyszczony» (Mark, I, 39—42). В Мариинском евангелии — **приде, мола, падла, глагола**.

Действия, выраженные формами аориста *pschize*, *pokłoni že* и имперфекта *pschořascho*, *žascho*, с одной стороны, и формами аориста *buluto*, *huztré*, *dotyknu* и имперфекта *žascho*, с другой, образуют ряд последовательно совершающихся действий. С точки зрения отношения к моменту высказывания они тождественны друг другу. В переводе Якубицы находим формы имперфекта *prossasche* и *vsasche* и аориста *pokliknu*, а на месте формы аориста *pschize* форму перфекта *prozisschel*.

Еще некоторые примеры, где форма имперфекта имеет значение аориста и употреблена наряду с имперфектом в относительном значении: «Na drugi žeń stojascho Jan naspet a dwa wot jogo huknikow, a gaž won *glidascho* na Jesuša chojżezego po morju, *žascho* won: lej, to jo Bože

²² A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954, стр. 140.

jagne» (Jan, I, 35, 36). Действия, обозначенные имперфектом *glidascho* и *zascho*, совершаются последовательно друг с другом, а соответствующие глаголы являются однородными членами предложения. В Мариинском евангелии здесь наблюдаются формы аориста: *оу зьрѣ* и *гѣа*. «A gaž tam tschochu dalěj wotejže, *wižescho* won Jakuba, Zebedejowego сына, a Jana, jogo bratscha, we łoži βwoje βēschi płatajuzej, a ned *wolascho* won jeju. A wonej wostawischtej βwojogo nana Zebedejuša we tej łoži s'tymi najamnikami, a zēchu nutsch do Kapernauma, a ned na sobotach zēscho won do tejej sgromażiny, a huzascho» (Mark, I, 19—21). (В переводе Якубицы соответственно *zazree*, *powola*, т. е. формы аориста совершенного вида; в Мариинском евангелии находим также аорист *оу зьрѣ*, *вѣнидж*.)

В некоторых случаях различные условия контекста и ситуации определяют различное содержание одной и той же формы имперфекта от одного и того же глагола. Например: «A jogo starejschej *zēschtej* kužde lēto gorej do Jerusalema, na ten jatschowny βwēzeñ. A gaž won dwanaszco lēt stary bēscho, *zēschtej* wonej gorej do Jerusalema, sa nałogom togo βwēzeña. A gaž te dny dokoñzowane bēchu, a wonej βe domoj roschischtej, sawosta to žische Jesus we Jerusaleme» (Lukaš, II, 41—43). Действие, обозначенное имперфектом *zēschtej*, в первой фразе совершалось регулярно в течение всего периода прошлого в определенные моменты времени — *kužde lēto na ten jatschowny βwēzeñ* — и является характерным для действующих лиц. В дальнейшем речь идет о конкретном событии, о том, как отрок Иисус посетил Иерусалим и остался там. Это событие как раз и произошло в праздник пасхи, когда родители Иисуса пришли по обычаю в Иерусалим — *zēschtej wonej gorej do Jerusalema*. Таким образом, действие, выраженное второй формой имперфекта *zēschtej*, во второй фразе носит единственный, конкретный характер и оказывается непосредственно связанным с основным действием рассказа, а действие, обозначенное упомянутой выше формой имперфекта, имеет значение уточняющего обстоятельства, косвенным образом определившего возможность совершения данного события в один из моментов прошлого.

Употребление имперфекта в значении аориста наблюдается и в переводе Н. Якубицы. Приведем примеры: «Nauposlesej pak, gdisch te jednadzce k stolu sednuly, zgewy se won, a *swarasche* hich nedoweru a tu twardosc hich sercza... a *vzasche*...» (Mark, XVI, 14, 15); «A Jesus pohleda na nogoa *lubowasche* iogo a reknul knomu» (Mark, X, 21).

В обоих случаях интересующим нас формам имперфекта у Н. Якубицы в Мариинском евангелии соответствуют формы аориста *реуе* и *вѣзлюбѣ*.

Наблюдения над употреблением форм имперфекта в значении аориста там, где идет речь о ряде последовательно совершающихся основных событий рассказа, позволяют утверждать, что в этих случаях вид данных глаголов можно определить как совершенный, тем более, что интересующие нас формы употреблены рядом с аористными формами, указывающими на другие звенья той же развивающейся цепи событий. Следовательно, в этих случаях можно говорить о формах имперфекта, образованных от основ глаголов совершенного вида. Необходимо также учесть, что в переводе Якубицы этим формам соответствуют формы аориста или перфекта, образованные от глаголов, совершенный вид которых не вызывает сомнений.

Остановимся еще на одной группе случаев, где формы имперфекта выступают в функции аориста. При этом имперфект образуется от

основы совершенного вида приставочных глаголов. Подобные образования в произведениях нижнелужицких авторов отмечены в грамматике Муки²³, который приводит ряд конкретных форм «неправильного» имперфекта преимущественно для глаголов первого спряжения, однако вне контекста: *hugojach* вместо *hugojich*, *husmejachu se* вместо *husmjachu se*. Особенно многочисленны примеры такого рода в формах 2, 3 л. ед. ч. Мука рассматривает эти случаи, как неправильные образования аориста по типу имперфекта («Falsche Aorist mit Imperfektform»). Так же по существу трактует эти формы и Ю. С. Маслов, полагая, что в данных образованиях мы имеем дело с так называемыми мнимыми формами имперфекта, вернее с аористом совершенного вида, оформленным по типу имперфекта²⁴. В нижнелужицком надо различать два ряда случаев. В одних «неправильным» является само образование формы, имеющей значение аориста, поскольку к основе аориста присоединяется окончание имперфекта. Сюда следует отнести такие формы, как *zachopišo*, *skócyšo*, *scinišo*. В других случаях «неправильным» является только значение формы имперфекта, образованной от приставочного глагола совершенного вида (*Hoslepjach*, *zgasnjašo*, *husmějachu se*), поскольку имперфект выступает здесь в функции аориста. Приведем некоторые из упомянутых форм в контексте: «A won žascho k'nim, nutsch pschiduzu: zo wy sogolischo a pľazoscho? Ta goliza nějo samrěła, alě wona spi. A woñi *hubmejachu se* jomu» (Mark, V, 39). В Маринском евангелии в сходном отрывке употреблена форма имперфекта **ржгаахж**; в переводе Н. Якубицы находим форму имперфекта *se wusmewaly*; в верхнелужицкой библии 1720 г. — имперфект бесприставочного глагола *βmijachu*. «A ja to βłyschach, ale ja *ńerosmejach* jo, a žach: moj kněs, zo ga potom bužo?» (Daniel, XII, 8). В библии 1728 г. употреблена форма аориста — *nesrosenich*. «Ten Midianski merschnik pak mejascho sedym żowkow, te pschižechu wodu pozerat, a nalewachu te kopyta... Ga pschižechu te pastyrě a wotstarzychu je. Ale Mojsas stanu a pomogascho jim, a *napowascho* jich wojze... Woni žachu: jaden Hęgyptojski muž humozascho nas wot tych pastyrów, a napozera nam, a *napowa* te wojze» (Fr. II kn. Mojsašowe, II, 16—19). В этом отрывке один и тот же глагол совершенного вида употреблен в форме имперфекта и в форме аориста. По значению и та и другая форма тождественны и выполняют аористную функцию. То же можно наблюдать и в следующих примерах из второй книги Моисея в переводе Г. Фрица (IV, 1—3; IV, 29, 30; V, 10, 11).

Рассмотренные нами случаи «неправильного» образования форм (*pišo*, *požedašo* и т. д.) могут свидетельствовать о смешении аориста и имперфекта, которые в живой речи, по-видимому, и тогда уже не употреблялись.

В переводе Н. Якубицы нам не удалось отметить подобных «неправильных» образований, что можно объяснить также и тем, что мы располагаем лишь сравнительно небольшой частью перевода Н. Якубицы.

§ 11. Рассмотренные выше случаи употребления форм имперфекта позволяют сделать некоторые выводы относительно значения данной формы в библейских памятниках нижнелужицкого языка XVI—XVIII вв. Употребление имперфекта в памятниках XVI—XVIII вв. ничем принципиально не отличается. И в тех, и в других памятниках в функции

²³ См. К. Е. Миске. Указ. соч., стр. 594.

²⁴ Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. — ВСЯ, вып. 1, 1954, стр. 130—132.

относительного грамматического времени имперфект указывает на действие, одновременное цепи развивающихся событий рассказа на протяжении всего периода прошлого (обобщенное действие) или в течение известного отрезка времени в рамках этого периода (конкретное действие).

Условия контекста, а также характер ситуации сообщают действию, выраженному имперфектом, различные семантические оттенки, благодаря которым в одних случаях можно говорить о действии, актуальном для всего периода прошлого, в других — о действии повторяющемся (регулярно или нерегулярно). Но во всех этих случаях речь идет о действиях, одновременных совершению тех событий, которые составляют предмет повествования.

В функции абсолютного времени имперфект выступает лишь при наличии ряда непосредственно следующих друг за другом действий, среди которых и имеет место действие, выраженное имперфектом. Как абсолютное время имперфект выполняет функции аориста.

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ АОРИСТА

§ 12. Время совершения действия, выраженного формой аориста, определяется только относительно момента высказывания и, следовательно, аористная форма выполняет функции абсолютного грамматического времени.

а) Аорист дает представление о прошлом действии, единичном и конкретном в своем проявлении. Речь идет об осуществлении действия, законченного в данный момент прошлого, хронологически предшествующего моменту высказывания и включаемого во временные границы периода рассказа: «Złowek bėscho wot Boga poślany, s'měnom Jan. Ten pschize k'snankstwu, aby wot tego śwětła snañil, aby schykne psches ñogo wėrili. Ten bamy ñebėscho to śwětło, ale aby won snañil wot tego śwětła» (Jan, I, 6—8).

Такого рода единичные, конкретные действия могут составить цепь последовательно совершающихся основных событий рассказа, которые развиваются на фоне других действий, носящих второстепенный характер. Например: «A tych Żydow jatschu bėscho blisko, a Jesus zescho gorej do Jerusalema, a namaka we tom templu tych, kenż woły a wojze a gołubje pschedawachu, a tych wotmėnarow ñejżezych. A won huzyni kschud wot powrosow, a hugna schyknych s'togo templā, też wojze a woły, a rofupa tych wotmėnarow peñese, a sroschi te blida» (Jan, II, 13—15). Действия, обозначенные аористами — *namaka*, *huzyni*, *hugna*, *rofupa*, *sroschi* — относятся к одному из эпизодов, связанных с именем Иисуса. Когда пасха была уже близко, Иисус пришел в Иерусалим и в одном из храмов произошло то, о чем рассказывается в приведенном отрывке. В переводе Н. Якубицы форма аориста выполняет ту же функцию. Например: «A won chym pszykasa aby sednuly natu selonu trawu. A wony sednuchu po rydowy, stoo a stoo, petschesud a petschesud. A won wesmu te pietcz pokrut chleba a tey dwe riebe, a pogczywni de nebes a poschikowa se» (Mark, VI, 39—41). Здесь каждое из действий, обозначенных формами аориста, совершилось в один из конкретных моментов плана прошлого относительно момента высказывания, и самые действия носят единичный характер.

Ряд единичных конкретных действий связывается в цепь последовательно совершающихся действий, составляющих линию разви-

вающихся событий. Каждое из действий, совершающихся в один из моментов прошлого, выражено здесь одной и той же формой времени — аористом. Время совершения действия определяется, таким образом, лишь относительно момента высказывания, и с этой точки зрения все действия, связанные отношениями непосредственной последовательности, тождественны друг другу; при наличии такой непосредственной последовательности в совершении действий фактическое хронологическое предшествование не находит грамматического выражения.

Аористная форма и в памятниках XVIII в. и в переводе Н. Якубицы не является единственной формой, с помощью которой обозначаются прошедшие последовательные действия. Наряду с ней употребляются и формы перфекта. Однако и в этом случае хронологическое предшествование при наличии непосредственной последовательности действий остается грамматически не выраженным. Отметим, что в памятниках XVIII в. форма аориста распространена более широко по сравнению с «Новым Заветом» Н. Якубицы:

«A někotre pschižechu k'nomu, a pschińašechu pschisajetego, wot styrich nasonego. A gaž wońi ƚe ņamožachu k'nomu pschibližasch lůzi dlā, wotkschychu wońi to kschyschē, žož won bēscho, a roskopowachu jo, a puszczichu to łožyszczo dołoj, na kotaremž ten chwatny lāžascho» (Mark, II, 3, 4).

Пример взят нами из перевода Г. Фабрициуса. В сходном отрывке из перевода Н. Якубицы ряд последовательно совершавшихся действий выражен формами перфекта совершенного вида — *psczysschly, wotkryly, puszczylu* и т. д.

В рассмотренных нами примерах формы аориста употребляются там, где есть противопоставление двух рядов действий. Одни действия, выраженные формами аориста, являются основными для данного эпизода рассказа; в наших примерах эти действия совершаются главным образом Иисусом. Время совершения действий определяется относительно момента высказывания. Другие действия составляют фон этих основных событий. Они дают представление об обстановке совершения событий или характеризуют других действующих лиц, участвующих в главных событиях рассказа.

В некоторых случаях форма аориста используется в таком контексте, где есть указания на отнесенность одного из основных действий к определенному периоду прошлого, относительная хронология которого определена не в грамматической системе отсчета, а выражена специальными лексическими средствами, а именно обстоятельствами времени. Например:

«A ten knēs zyńascho take na žajtscha, a wono hušléze wele sboža tych Hęgyptarow, ale wot tego sboža tych Israelskich žischi něhumře tež niz jadne» (Fr., II kn. Mojšašowe, IX, 1—3, 6).

Обстоятельство *na žajtscha* 'на завтра', 'на другой день' дает представление о времени совершения действия, выраженного формами аориста, в пределах периода прошлого, определяемого относительно момента высказывания. В данном случае это дополнительное лексическое средство уточняет временную характеристику действия, грамматически представленную формой аориста. Одновременно оно устанавливает и определенную последовательность в совершении одной группы действий относительно другой группы.

б) В некоторых случаях ситуация употребления форм аориста такова, что даже несмотря на отсутствие специальных обстоятельств

времени можно говорить о том, что формы аориста обозначают прошедшие одновременные действия. Например: «Ga žascho ten Knès k'Mojšaβoju: ... Ssłysch, ja zu witsche hokoło togo zaβa welizke kschupy dasch napadasch, ako we Hegyptajskej hyszczei neβu byli... Chtož nète wot tych Faraonowych βłužabnikow βe togo Knèsowego βłowa bojascho, ten da βwojim βłužabnikom a sbožu do chromow *hubenusch*, kotarychž hutschoba pak s'tym Knèsowym βłowom nerožescho, te wostawichu βwoje βłužabniki a sbožo na poli» (Fr., II kn. Mojšaβowe, IX, 13, 17—21). Формы *hubenusch*, *wostawichu* обозначают действия, совершившиеся в один и тот же период: те из слуг фараоновых, которые убоялись слов господних, собрали своих рабов и скот в домах. Те же, сердца которых вняли словам господним, оставили рабов и скот в поле. Хронологическая соотнесенность действий, выраженных аористом, оказывается неотмеченной, поскольку они обозначены одной и той же формой, указывающей лишь на отнесенность к периоду прошлого.

в) Наконец, в некоторых случаях порядок следования действий, обозначенных формой аориста, не имеет значения. Важно лишь, что эти действия совершались в прошлом, в период, о котором идет речь. Например: «Ga *puschczy* togodłá ten huschy togo młoženza wot βe, a *pschikasa* jomu, aby níkomu negronił, až won jomu to béscho sjawił» (Pobolske statki, XXIII, 22).

Во всех рассмотренных нами случаях употребления форм аориста [а), б), в)] речь шла или о главных событиях, развивающихся на фоне второстепенных для рассказчика действий, или о таких, которые не противопоставляются каким-либо другим действиям.

§ 13. Отметим еще один случай употребления аориста, который мы наблюдали в переводе «Ветхого Завета» Г. Фрица.

Иногда контекст, в котором встречается форма аориста, оказывается типичным для имперфекта, и сама форма аориста употребляется здесь в ряду с формами имперфекта. Например: Wono se sta to βámi žeń, až Sara... szokana bu wot jadneje βłubńize βwojogo nana... A žascho: Zosch ti mè teke husmerschisch, kaž ti tich βedimjoch múžow βi husmerschiła?... žescho wona do jadneje komori... a neježascho a nepijascho czi dni a czi nozi, a *nepschesta* smodleńim a splákańim... Potom na czeschi žeń, ako βwoju pschosbu bescho dokoižowała, chwalascho wona Boga (Fr., Tobias, III, 7, 11—13). Действие, обозначенное аористом *nepschesta*, совершалось регулярно на протяжении известного периода времени (*czi dni a czi nozi*), подобно другим действиям, выраженным в этом отрывке формами имперфекта — *neježascho a nepijascho*. Действия, выраженные глаголами *nepschesta*, *neježascho*, второстепенны по своему характеру, так как характеризуют лишь обстоятельства, связанные с одним из главных событий рассказа. Поэтому можно говорить о том, что форма аориста *nepschesta* в данном контексте выполняет функции имперфекта.

§ 14. Таким образом, формами аориста могут обозначаться прошедшие действия, находящиеся в различных хронологических отношениях. Характер последних выясняется или благодаря соответствующим обстоятельствам времени, или из ситуации высказывания. Сама же форма аориста не выражает различий в хронологических отношениях прошедших действий, на которые может указывать относительная форма времени — плюсквамперфект. Из этого следует, что аорист в корреляции с плюсквамперфектом выступает в качестве неотмеченного члена.

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ ПЕРФЕКТА

§ 15. Форма перфекта как в памятниках XVIII в., так и в памятниках XVI в. выполняет функции относительного и абсолютного времени.

Рассмотрим вначале те случаи употребления этой формы, когда она выступает в функции относительного грамматического времени и имеет собственно перфектное значение. В этом случае форма перфекта указывает на относительное предшествование действия плану настоящего, в пределах которого развиваются основные события рассказа. Прошедшее действие, выраженное перфектом, обычно так или иначе оказывается связанным с действиями плана настоящего, т. е. актуально для действий этого плана. Характер и степень этой связи могут быть различными. Укажем лишь некоторые, наиболее распространенные ситуации, при которых оказывается возможным употребление перфекта в относительном, собственно перфектном значении.

а) Перфект употребляется при описании таких ситуаций, где речь идет о прошедшем действии, направленном на достижение определенной цели в период настоящего: целью является совершение некоторого действия. Например: «A won džascho k'nim: dajscho nam do tych blischych městkow hysch, aby ja tež tam přatkował; pschěto k'tomu *βom* ja *hwjschet*» (Mark, I, 38): «Jesus pak to *βłyschezy* džascho k'nim: te mozne žednogo gojca *ņepoderbé* alé te chore; ja *ņejβom pschischet* wołat tych pschawych, alé tych grěschńikow k'pokusché» (Mark, II, 17). В переводе Н. Якубицы и в том, и в другом отрывке употреблена также форма перфекта — *sem pczyschel*; в Мариином евангелии в обоих случаях аорист **придѣ**.

б) В других случаях перфектной формой выражается прошедшее действие, являющееся условием возможного совершения ряда других действий, относимых к плану настоящего. Например: «Gaž pak Jan powdany bėscho, pschize Jesus do Galilejskeje, přatkowascho to ewangeliom wot Božego kralějstwa, a žascho: ten zaβ jo dopoľňony, a to kralějstwo Bože jo *βe pschlibižato*; cyńschó pokutu, a wěrscho we to ewangeliom» (Mark, I, 14, 15).

В соответствии с формой перфекта *pschibližato* — у Фабрициуса в переводе Якубицы находим форму настоящего времени — *pczybli-schuie*, в Мариином евангелии — аорист **приближи сѧ**.

Такое употребление форм перфекта наблюдается и в переводе Якубицы и в «Вольфенбюттельской псалтыри». Формы перфекта в таком случае встречаются здесь обычно в сложноподчиненных предложениях с придаточным причины. Например: «Nusche, ninto wie Boghaczy placze a kwiesche nad waschim wubogstwem, kotore na was prczihita bucze. Wasche bogatstwo je *zknjło*, a wascha drasta ie wod molou zgeschona, a nich porsenyňa bycze wam k poznankowy bitz, a wasche musso bucze zgeschone bitz yako woogen. Wy *scze* wam posobk tego gnawa *sgromaschily* k poslednomu drogy» (B. Jak. V, 1—3); «Ja zu sse mohdlihtch k twojomu temploju, a twojomu mēhnü sse shėkawasch sa twoju dobrosch a wēhrnostz; pscheto ty *ssy*/twojo mēh nawschom kschassne, *hutzinihl* s twohim sslowom» (Wolf. Ps. CXXXIIX, 2). Действия, которые действующее лицо в настоящий момент намерено осуществить в ближайшем будущем *zu sse mohdlihtch*, или те действия, к которым рассказчик призывает других лиц (*placze*

a kwieszcze), причинно обусловлены тем, что другое действие, совершившееся в прошлом, актуально для настоящего момента.

Актуальность действия, обозначенного перфектом, для настоящего момента очевиднее тогда, когда в тексте имеются формы настоящего времени. Например: «A wële wecej wërachu jogo ßlowa dlà a zachu k'tej žoñe: my wëcej ñewërimy twojogo grona dla, pscheto my ßmy ßami ßtyschali, a wëmy, až ten jo sawërñe Kristus, togo ßwëta humožnik» (Jan, IV, 41, 42). Действия *ßmy ßtyschali* и *wëmy* оказываются взаимосвязанными по смыслу всей ситуации: первое причинно обуславливает возможность осуществления второго, выраженного формой настоящего времени (ср. также Jan, IV, 20).

«Na ten zcas przysschla powescz wot Jesussa pred Herodassa stwërofurstu. A won rekl k swochim sluschebnikom: ten tu ye Jan ten ksczenig, won ie wottich vmarlich zgorustanul, tegodla won take statky czyni» (Matth. XIV, 1, 2). Действие, обозначенное перфектом *ie zgorustanul*, предшествует событиям рассказа, о которых действующее лицо сообщает в форме настоящего времени. О действии, обозначенном перфектом, упоминается именно в связи с основным предметом сообщения, так как оно объясняет и причинно обуславливает основные события рассказа, связанные с именем Иисуса.

в) Перфект может употребляться и в относительном значении. В этом случае логически оказывается подчеркнутым не самое действие, а источник или объект его. Хронологически действия, обозначенные перфектом, предшествуют «настоящему моменту». Например: «Jesús wotgroni ... Ja deru hudbasch te statki togo, kenž mño *poßtał jo*, tak dłužko ako žen jo; nos pschizo, zož nicht ñamožo žeļasch» (Jan, IX, 3, 4). В Мариинском евангелии — причастие прошедшего времени.

Действие, обозначенное перфектом *poßtał jo*, полностью относится к плану прошлого, предшествующему «настоящему моменту», т. е. хронологически предшествующего событиям рассказа.

Еще пример: «A rowno ako Mojsas we tej pusczone huža jo pochuschył, tak dej togo złoweka ßyn pohuschony hordowasch, aby kuždy do ñogo wërecy sgubjony ñehordował, alë to ñimërñe žyweñe mèł. Pscheto tak jo Bog ten ßwët lübowal, až won ßwojogo jаднопорожного ßyna dał jo, aby schykne, doñogo wërece, sgubjone ñebyli, ale to ñimërñe žyweñe mèli» (Jan, II, 14—16).

В немецком переводе Лютера на месте лужицкой формы перфекта *dał jo* находим в первом случае имперфект, а во втором — также перфект. Интересно, что в Мариинском евангелии в сходных отрывках вместо перфекта нижнелужицкого перевода находим или действительное причастие прошедшего времени *посълавшаго, посълавъ* или аориста — *слѣпъса роди, дастъ*.

§ 16. Перфект в нижнелужицких памятниках XVIII в., как и в памятниках XVI в., может выступать в функции других относительных времен — в функциях относительного имперфекта или плюсквамперфекта.

Так, в ряде случаев форма перфекта указывает на второстепенные по своему характеру действия, сопровождающие основные события рассказа, о которых повествуется в формах аориста, или в других формах, имеющих значение аориста. Следовательно, форма перфекта выполняет здесь функцию относительного имперфекта. Например:

«Na styri a dwanasty žen prednego mjaßeza bèch ja pschi tej wëlej woze Hidekel, a postavich mojej wozy a glëdach, a lej, tam sto-

jaŕ jaden złowek we rubjanej drascze a mēł stoty paß hokolo ßwojich lažiwow» (Daniel, X, 4—6). Заметим, что в верхнелужицком переводе Библии 1728 г. употребление форм прошедшего времени более последовательное. Так, например, в сходном отрывке на месте форм перфекта *stojal* и *mēł* в нижнелужицком тексте мы находим соответствующие формы имперфекта *stejesche* и *mejesche* при совпадении остальных форм прошедшего времени. Нижнелужицкие формы перфекта *stojal* и *mēł*, а также верхнелужицкие формы имперфекта *stejesche* и *mejesche* тождественны по своему значению: они обозначают конкретные действия, одновременные основным событиям рассказа.

Приведем еще некоторые примеры, где ситуация, в которой мы наблюдаем формы перфекта, типична для имперфекта в относительном значении: «Ale ten wěrch Persiskego kralejstwa jo mé jaden a dwašacša dñow *sadoral*; a lej, Michael, jaden tych woßešnňschych wěrchow pschiže mé na pomoz s'takim wostach ja tam podla Persisich Kralow» (Daniel, X, 13); «We tom ßamem zaßu béch ja, Daniel, tužny ho tschi tyžeñe dľujko; ja ñejědł žedneje ľěbgodneje jězi, měšo a wino *nepschischtej* do mojih hust, a ja *ße* teker žedne *ñežalbowal*, až te tschi ñezele mimo buch» (Daniel, X, 2, 3; см. также Jonas, II, 1; Makk., III, 56). Формы перфекта в приведенных примерах — *jo sadoral ñejědł*, *nepschischtej* и *ñežalbowal ße* — обозначают действия, распространяющиеся лишь на определенный отрезок времени, границы которого ясны из контекста. Из ситуации, при описании которой употреблен перфект, ясно, что речь идет о действиях, сопровождающих другие действия, составляющие основной предмет рассказа. Они характеризуют обстановку развития основных действий. В первом отрывке рассказывается о том, что князь Михаил один пришел на помощь Даниилу, и в тот самый момент, когда борьба шла уже двадцать один день. Во втором отрывке формы перфекта употреблены для характеристики поведения действующего лица — Даниила — в течение определенного периода времени (*we tom ßamem zaßu*), когда развивались основные события рассказа.

В переводе Н. Якубицы такое употребление форм перфекта наблюдается очень часто. Например: «Wono pak se je stało, jak ja *sem* tam *signul* a *psibližowal se* k Damaskowi wokoło poľudña, na nagle mñe vosweši z ñebes jedno vilike swětlo. A ja padnuh na zeñu a zasłyšach jeden glos... Te pak, což ze mnu *su byli*, *viželi* to švětlo a *strošili se* ten glos tego pak, kotory ze mnu *mołwił je*, *ñe stýšali* to *strowni»* (Apostelgesch., XXII). Формы перфекта *sem signul*, *psibližowal se* обозначают действия, о которых упоминается при описании того, как одному из действующих лиц — рассказчику — явился Иисус: это произошло тогда, когда рассказчик шел в Дамаск и уже приближался к нему. Те же, кто был с ним, не слышали голоса Иисуса, а видели лишь свет.

§ 17. В некоторых случаях форма перфекта в значении относительного времени выполняет функции плюсквамперфекта. Ср., например, следующий отрывок из первой книги Маккавеев. Содержание последней представляет собой рассказ о событиях, связанных с именем Антиоха Эпирана. В интересующем нас отрывке речь идет лишь об обстоятельствах, непосредственно предшествующих началу царствования Антиоха: *Alezander, Filipowy ßyn, Mazedoñski Kral, ten předny Erichiski kněžar, jo huschenul s'Ehitimskeje semje, a jo welike wojny wiadł, te twarde města dobył, a tego Persiskego krala Dariuša*

sbit; potom *jo won drugich kralow wew schykných landach pod β e sporat*; a *jo pscheze dalej schenuł*, a *schykne landy a kralejstwa wotbit*» (I Knigły Makk, I., 1—3; см. также IV Makk., I, 10). В приведенном отрывке рассказана предыстория событий, совершившихся в период жизни Александра Македонского и предшествующих воцарению Антиоха: Александр Македонский покорил Элладу, провел множество войн и стал обладателем огромного царства. Почувствовав, что умирает, он разделил царство между своими слугами. Сын одного из них, Антиох Эпифанес, воцарился в Элладе.

Поскольку основным предметом рассказа является царствование Антиоха, а все предшествовавшие события составляют лишь его предысторию, объясняющую и уточняющую рассказ об Антиохе, то можно полагать, что формы перфекта в данном отрывке имеют значение плюсквамперфекта.

§ 18. Наконец, подобно аористу, форма перфекта может указывать просто на хронологическую отнесенность действия к периоду, который определяется как прошедший относительно момента высказывания. Например: «A ja sawostach β am a krinuch na wozu to welike wizeŋe... A ja β u β schach jogo réz, a gaž ju hu β u β chał, p \acute anuł ja do sezinka ksemi» (Fr., Daniel, X, 8, 9).

Форма перфекта в значении действия, совершившегося в прошлом относительно момента высказывания, употребляется и в памятниках XVI в., где она наблюдается наряду с формами аориста, иногда даже в рамках одного предложения: «Pilatus pak chczesche temu luedu doscz sczynitz, a do chym lich Barrabassa, a poda chim Jesussa, aschby kezudowany a gczyschowany byl. Te zoldnare pak iogo wedly do tego sudnego duoma a gromadu zwolachu schiczku syllu. A woblekly iomu ieden purpur; a wupleczechu czernowu kronu a postawyly tu na n \ddot oga a chopichu iogo pozdrowowatz» (Mark, XV, 16—18). Здесь рассказывается о том, как Иисус был распят. Формы аориста и перфекта обозначают основные действия рассказа, совершавшиеся последовательно друг за другом.

Приведем еще пример из перевода Н. Якубицы: «Tegdy p \acute išli su jogo u \acute edlnici a vezuli jogo šało a zakopachu jogo... Gdyž Jesus wusłyšał, wustupi von, wottul do jedneje łoži sam do jedneje pusćiny» (Matth., XIV).

В текстах XVIII в. такое употребление перфекта является довольно редким. В переводе Н. Якубицы формы перфекта распространены гораздо шире. Об этом свидетельствуют и статистические данные²⁵. В евангелии от Марка в переводе Г. Фабрициуса мы совсем не наблюдаем употребления перфекта в данном значении, а в переводе Н. Якубицы — только в первой главе. Однако численное превосходство форм перфекта не меняет существа дела. Главное, что и в переводах XVIII в., и в переводах XVI в. формой перфекта могут обозначаться не только прошедшие действия, связанные с настоящим, но и прошедшие действия, связанные с действиями прошедшего периода. Что еще важнее, эти формы могут употребляться для обозначения не связанных прошедших действий, составляющих основную цепь событий.

§ 19. Таким образом, и в памятниках XVI, и в памятниках XVIII в. формы перфекта могут употребляться вместо форм любых из прошед-

²⁵ См. стр. 42.

ших времен. И там, и здесь перфект лишь генетически, по форме, может быть связан с прежним перфектом, по значению же он уже ничего общего с ним не имеет, выступая в качестве новой формы прошедшего времени, подобной форме прошедшего времени в современном русском, польском и чешском языках. Если в последних процесс конкуренции форм прошедших времен давно закончился, то в лужицких языках XVI—XVIII вв. он еще имел место. Этим объясняется то обстоятельство, что в рассматриваемых лужицких памятниках наряду с формами перфекта еще употребляются формы простых прошедших времен.

Следует полагать, что процесс конкуренции форм прошедших времен, нашедший отражение в исследуемых памятниках, проходил по лужицким диалектам неравномерно — в одних более интенсивно, в других медленнее. Напомним, что перевод Нового Завета Н. Якубицы, относящийся к XVI в., осуществлен на диалекте, отличным от диалекта, положенного в основу переводов Г. Фабрициуса и Фр. Фрица. В основе последних переводов лежит коттбусский диалект.

Необходимо также учесть, что памятники XVIII в. являются памятниками литературного языка. Литературный же язык всегда отличается известной консервативностью: в нем часто сохраняются в силу традиции формы, давно выпавшие из употребления в разговорном языке. Напомним, что и в современном литературном нижнелужицком языке до сих пор употребляются формы аориста и имперфекта, утраченные в народном разговорном языке района Коттбуса. Именно этой консервативностью литературной традиции можно объяснить такое широкое по сравнению с памятниками XVI в. употребление форм аориста и имперфекта в памятниках XVIII в.

§ 20. Проведенное выше исследование позволяет сделать некоторые выводы о соотношении простых и сложных форм в системе прошедших времен нижнелужицкого языка.

В памятниках нижнелужицкого языка XVI и XVIII вв. нет того противопоставления двух рядов форм прошедшего времени, какое характерно было для старославянского языка. Это противопоставление оказалось здесь нарушенным. Из всех относительных времен, употреблявшихся и в старославянском языке, только плюсквамперфект продолжает употребляться в соответствии со старыми нормами. Что касается других относительных времен, то их употребление характеризуется фактами смешения, широко представленными не только в памятниках XVI в., как полагали до этого исследователи, но и в памятниках XVIII в.

Процесс вытеснения форм простых прошедших времен формами перфекта есть, как мы старались показать, лишь одно из проявлений произошедшего сдвига в системе прошедших времен лужицких языков, но оно, пожалуй, самое показательное, поскольку дает представление о направленности процесса конкуренции форм прошедших времен, утративших уже свою специфику. Как и в других славянских языках, переживших подобный сдвиг в системе прошедших времен (русский, польский и чешский), побеждающей в этом процессе формой является перфект. Об этом могут свидетельствовать не только более широкое, по сравнению с имперфектом и аористом, употребление форм перфекта, нашедшее отражение в исследованных нами памятниках XVI в., но и функциональные возможности этих форм. Последние оказываются в сравнении с другими формами прошедших времен гораздо более широкими, что и находит отражение не только

в памятниках XVI в., но также и в памятниках XVIII в., характеризующихся сравнительно с первыми значительно меньшим распространением форм перфекта.

В памятниках XVI и XVIII вв. нашли отражение различные этапы процесса конкуренции форм прошедших времен. При этом памятники XVIII в. отражают более ранний сравнительно с памятниками XVI в. этап, когда формы перфекта в употреблении не получили еще заметного численного преобладания над формами других прошедших времен.

Сходное с нижнелужицким употребление форм прошедших времен для периода XVI—XVIII вв. можно также наблюдать в древнерусских памятниках XIII—XVI вв.²⁶ и в древнечешских памятниках XIV в.²⁷

Всё сказанное свидетельствует о том, что система прошедших времен в нижнелужицком языке, как, впрочем, и в верхнелужицком, пережила изменения, аналогичные тем, которые происходили во всех западно- и восточнославянских языках. В большинстве лужицких говоров, как и в этих языках, из всех прежних форм прошедших времен теперь употребляются только формы перфекта, которые по своему содержанию, как уже замечено выше, ничего общего не имеют со старославянским или болгарским перфектом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Makk. — I Knigly tich Makkabejarow. To bože pišmo wot J. F. Friza, najaschego farača Gołkojcach a Gołbińe. Halu, 1868.
 Wolf. Ps. — Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter. Leipzig, 1928.
 В. Jak. — Н. Lotze, Der Brief des Jakobus. Leipzig, 1867.
 Fr. — To bože pišmo wot Johana Fryza, najaschego farača Gołkojcach a Gołbińe. Halu, 1868.

²⁶ С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности 2-й половины XVI в. М., 1952.

²⁷ Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého. Praha, 1909.

З. Н. Стрекалова

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ XVI ВЕКА

Разнообразие семантики и широта использования свойственны формам настоящего времени больше, чем другим временным формам глагола. Этим объясняется та длительная полемика, которая ведется по вопросу о значении настоящего времени в славянских языках и, в частности, в польском языке.

Традиционное понимание, согласно которому «настоящее время показывает, что время действия совпадает с моментом высказывания о действии»¹, не является общепринятым в литературе о польском глаголе. Г. Граппен, например, пишет: «Настоящее время обозначает факт, состояние или действие, которое констатируется в данную минуту»². З. Клеменевич по этому поводу указывает, что «данная минута», это, видимо, не только момент высказывания, но также и какое-то другое время, так как сказуемое в форме настоящего может обозначать действие, одновременное прошедшему или будущему»³. К. Неттеберг пришла к выводу, что «основной функцией настоящего является указание на одновременность целой ситуации»⁴. Наряду с этим она пишет, что «нельзя установить сходство между настоящим и хронологически определимым временем»⁵, т. е. по существу оказывается, что значение формы настоящего носит не временный характер.

В работах, посвященных изучению значения настоящего времени, часто содержатся указания на то, что форма настоящего может обозначать действие, одновременное какому-либо другому действию. Поэтому в данном случае заслуживает особого внимания вопрос об относительном и соотносительном употреблении временных форм глагола, который разрабатывается в лингвистической литературе последних лет. Можно отметить две основные линии в толковании термина «относительность».

С одной стороны — теория А. Белича и его последователей, согласно которой относительное значение («синтаксический релятив») имеет место тогда, когда время действия определяется по отношению к некоторому моменту в прошедшем или будущем. Н. С. Поспелов перенес эту теорию на систему времен русского глагола; он, как и

¹ St. Szober. Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1953, стр. 239. Wydanie trzecie, opracował W. Doroszewski.

² H. Grappin. O pewnym staropolskim typie użycia czasu teraźniejszego. — JP XXXVII, Kraków, 1957, стр. 330.

³ Z. Klemensiewicz. — JP XXXVII, Kraków, 1957, стр. 343.

⁴ K. Netteberg. Etude sur le verbe polonais. Copenhagen, 1953, стр. 82.

⁵ Там же, стр. 82.

Белич, пытался доказать, что глагольные формы в релятиве утрачивают, якобы, свое собственно-временное значение.

С другой стороны — более узкое понимание относительности, которое связывает относительное употребление с определенными синтаксическими конструкциями, а именно — со сложноподчиненными предложениями.

П. С. Кузнецов отмечает, что «в дополнительном (изъяснительном) придаточном предложении настоящее время по нормам русского языка имеет относительное значение, определяя время не по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени, выраженному сказуемым главного предложения. Настоящее время выражает в данном случае действие, одновременное с действием главного предложения»⁶.

Из польских лингвистов вопрос о зависимости значения временной формы глагола от условий ее употребления в различных типах придаточных предложений рассматривает А. Красновольский⁷. Он разбирает придаточные предложения на три группы.

В большинстве придаточных предложений (следствия, сравнительных, причинных, условных, уступительных) «употребляется то время, которое было бы употреблено, если бы предложение было главным»⁸. В этих придаточных употреблении формы времени зависит от того, в каком отношении данное действие находится к моменту речи.

Специфическую группу представляют собой дополнительные придаточные, зависящие от глагола, обозначающего знание или говорение. «В этих предложениях формы настоящего, будущего, прошедшего обозначают обычно настоящее, будущее, прошедшее не относительно момента речи, а относительно действия главного предложения»⁹.

Самостоятельную группу составляют временные придаточные, где глагол несовершенного вида за редким исключением обозначает одновременность, а глагол совершенного вида как прошедшего, так и будущего времени — предшествование. В этом типе придаточных предложений время, по мнению Красновольского, является относительным.

Ф. Травничек также считает, что «относительное время» имеет место в придаточных предложениях. Однако, в отличие от Красновольского, он понимает под «относительным временем» все случаи выражения одновременности, предшествования или последовательности по отношению к действию, о котором идет речь в главном предложении. В большинстве случаев, — отмечает Травничек, — относительное время совпадает с основным, т. е. определяется относительно момента речи. Однако иногда «относительное время действия в придаточном предложении не совпадает с основным и выражается иначе, чем основное время»¹⁰. Это бывает, в частности, тогда, когда форма настоящего времени в придаточном дополнительном выражает одновременность с прошедшим или будущим главным предложением.

При анализе употребления форм настоящего времени представляется важным последовательно учитывать это разграничение, пред-

⁶ «Современный русский язык». Морфология Курс лекций под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1952, стр. 296.

⁷ A. Krasnowolski. Systematyczna składnia języka polskiego. Kraków, 1909, стр. 286—288.

⁸ Там же, стр. 286.

⁹ Там же, стр. 288.

¹⁰ F. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny, č. II, Skladba. Praha, 1951., стр. 1381.

ложенное Травничком, и обозначить указанные случаи различными терминами.

Относительным употреблением мы будем называть лишь такое употребление, когда форма утрачивает свое собственно-временное значение в силу того, что она употреблена в придаточном предложении и выражает одновременность действию главного предложения (например: *Powiedział, że nie rozumie tych słów; Przedewszystkim do-wiem się, czy jesteś w domu*).

От относительного употребления следует отличать соотносительное употребление, когда сочетание временных форм глагола служит для выражения соотношения ряда действий во времени; при этом временные формы не теряют своего собственно-временного значения¹¹. Сфера соотносительного употребления не ограничивается сложноподчиненными предложениями; оно может иметь место в различных типах предложений.

С другой стороны, относительное употребление отличается от переносного употребления временных форм, в частности, в настоящем историческом, которое будет рассмотрено ниже.

В качестве источников материала для наблюдений были использованы памятники польского языка XVI в. и прежде всего произведение Л. Гурницкого «*Dworzanin polski*»¹². Были привлечены и другие прозаические произведения Л. Гурницкого: «*Rzecz o dobrodziejstwach*»¹³ и «*Dzieje w koronie polskiej*»¹⁴. Использовано также одно из прозаических произведений М. Рея — «*Żywot człowieka poczciwego*»¹⁵, драматическое произведение «*Postępek prawa czartowskiego*»¹⁶, а также «*Poncjan*»¹⁷.

Использованные тексты значительны по объему и достаточно разнообразны по своему характеру.

1. ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Изучению соотносительного и относительного употребления должно предшествовать рассмотрение собственно-временного значения настоящего времени.

Прямое, собственно-временное значение форм настоящего времени нагляднее всего представлено в примерах, содержащих изолированные, единичные формы рассматриваемого времени.

Прежде всего отметим такие случаи, где формой настоящего времени обозначается действие, реально происходящее в момент речи действующего лица, протекающее в конкретных условиях времени и

¹¹ Ср. аналогичное понимание термина «соотносительное употребление» в работах Е. А. Иванчиковой «Соотносительное употребление форм будущего времени глагола в современном русском языке» (канд. диссертация, М., 1954), а также «Соотносительное употребление форм будущего времени глагола в составе частей бессоюзного сложного предложения» (сб. статей «Исследования по синтаксису русского литературного языка», М., 1956).

¹² Ł. Górnicki. *Dworzanin polski*. Kraków, 1928 (принятое сокращение — D).

¹³ Łukasza Górnickiego dzieła wszystkie, t. II. Warszawa, 1886 (принятое сокращение — Rz).

¹⁴ Ł. Górnicki. *Dzieje w koronie polskiej*. Sanok, 1885 (принятое сокращение — Dz).

¹⁵ M. Rej. *Żywot człowieka poczciwego*. Warszawa, 1902, cz. I (принятое сокращение — Ż).

¹⁶ *Postępek prawa czartowskiego*. Kraków, 1892 (принятое сокращение — P).

¹⁷ *Poncjan, historia o Siedmiu mędracach przekładowania Jaua z Koszyczek*, 1540 (принятое сокращение — Po).

места и ограниченное во времени рамками данной ситуации. Это значение встречается там, где имеется живая связь говорящего или пишущего с разворачивающимися событиями, чаще всего — в диалоге. Например: «Panie — prawi — twoja czeladka *młóci* w gumnie nasz owies» (D, 207)¹⁸; «Abo jeszcze co drugiego okrom tej skrzynie *niesiesz?*» (D, 210); «A gdzie *bieżycie*, nikczemni ludzie?» (D, 279); «Ej, miła siostró, toż *masz* kłopot przed temi muchami, *chcesz* że ja je rozpędzę?» (Ž, 122); «Dalej ku okazaniu, co właśnie dobrodziejstwem zwać mamy, *idę*» (Rz, 90). «Nie *wspominam* na tym miejscu księdza Maciejowskiego, bo wiem, iż *chronika polska* dobrze o nim i długo mówić musi...» (D, 329). Чешские и словацкие лингвисты для обозначения такого единичного конкретного действия используют термин «актуальное действие». Критерием «актуальности» считается вопрос «что ты здесь делаешь?»¹⁹.

Формы настоящего времени обозначают действие, осуществляющееся в момент речи и в следующих примерах: «Kiedy przyszła do rzeki, która przez Karuą *bieży*, zamyśliła sobie potrzebę trzewika poprawić» (D, 296); «Nas *ma* za syny swoje, i są wszyscy synowie jego, którzy drogami od niego naznaczonemi *chodzą*» (Dz, 5); «Boże Ojczy nasz, któryś *jest* na niebie...» (Ž, 53). Здесь действия, обозначенные формами настоящего времени, хотя и проявляются в момент речи, но в отличие от рассмотренных выше случаев не имеют конкретно-временного характера. Они являются непрерывными и относятся к широкому значению форм настоящего — «всевременное», «вневременное», «общее», «отвлеченное» — с большей или меньшей степенью точности отражают характер этих действий.

К рассмотренному значению настоящего примыкают те случаи, где действие представлено как обобщенное, независимо от его конкретных проявлений во времени. Эти случаи отличаются тем, что действие здесь не осуществляется в момент речи; оно является обычным, но не непрерывным. При этом здесь можно наблюдать, например, такие оттенки значений:

а) значение обобщенного факта: «Za tym to *idzie*, iż tych nowych cuceronów mało *rozumieją*» (D, 64); «Kto dobrodziejstwa dobrze nie *oddawa*, wielce *grzeszy*» (Rz, 88);

б) настоящее качество: «Jednak wprawdzie wielkim ludziom niemasz czego mieć za złe, kiedy o sobie wiele *rozumieją*...» (D, 46); «Pan nasz dobrze *styszy*, ale wy głuźkę panią macie» (D, 220);

в) значение возможности совершить действие: «Jest, prawi, człowiek *żwirzę* jedno, które *się śmieje*, bo żadne inne *żwirzę*, chyba człowiek, *śmiać* się nie może» (D, 164); «Trefnij jeszcze czyni jeden pan... który iż łuk duży *ciagnie* i nie~~że~~ *strzela*, każdego... pyta, jeśliby z nim z łuku strzelać *chciał*» (D, 113).

¹⁸ Здесь и далее цифра после принятого сокращения обозначает страницу источника.

¹⁹ «Актуальность» противопоставляется «неактуальности» действия, т. е. вторичности и общности. По вопросу о содержании этих терминов еще ведется полемика, однако они уже прочно закрепились в литературе. См., например, F. Korečňý. Dva příspěvky k vidu a času v češtině. — SaS, roč. X, čís. 3, Praha, 1948; F. Korečňý. K neaktualnému významu dokonanych sloves v češtině. — SaS, roč. XI, čís. 2, Praha, 1949. А. В. Исаченко. О сравнительно-историческом изучении грамматических категорий в славянских языках. — «Slavia», roč. XXI, seš. 2—3, Praha, 1953.

К числу действий, представленных вне конкретных условий времени и места, т. е. отвлеченных действий, мы относим также все случаи неограниченной повторяемости.

Временная конкретность и отвлеченность действия — понятия, которые находят морфологическое выражение лишь в группе глаголов движения, в наличии бесприставочных парных глаголов несовершенного вида (*iść — chodzić, lecieć — latać* и др.). Отвлеченное значение свойственно также глаголам многократного действия, которые в силу этого не могут быть использованы для обозначения единичного конкретного действия: «*Jako widujemy drugie ludzie którzy nie zdadzą się (несов. в.) aby byli porodzeni, ale iż je Bóg swemi własnem rękoma w formie ulał i ozdobił rozumem...*» (D, 36); «*A przeto bywają te czasy, kiedy dla pana swego nietelko jedną osobę, ale wiele tysięcy zabić przystoi...*» (D, 129); «*Owa pod tym płaszczem miewają więc biesiadki nietrefne leda z kim...*» (D, 322); «*Z takimi królmi Bóg miewa napoły uczciwości, przystojeństwa, świętobliwości i inych błogosławionych dóbr, których ja wyliczyć nie umiem...*» (D, 358).

В дальнейшем при анализе относительного и соотносительного употребления форм настоящего времени мы будем обращаться к понятию «конкретное действие», т. е. протекающее в определенных условиях времени и данной ситуации, в противоположность «отвлеченному действию», которое не связано какими-либо конкретными, ограничивающими действие, временными рамками.

В настоящем разделе остановимся также на некоторых функциях форм, которые генетически являются формами настоящего совершенного. Именно — на тех случаях, которые могут представлять интерес с точки зрения близости функций форм «настоящего совершенного» и настоящего несовершенного при выражении действий, относящихся к периоду настоящего. Как указывал А. А. Шахматов, имея в виду факты русского языка, в известных случаях настоящее совершенного вида не получает значения будущего совершенного, а «представляет другие значения, более близкие к значению настоящего»²⁰.

Существует мнение, что в некоторых специальных случаях формы настоящего совершенного могут обозначать единичные конкретные факты, совпадающие с моментом речи.

Э. Кошмидер указывает, что такое явление в польском языке наблюдается тогда, когда произнесение слова, обозначающего некоторое действие (например, просьбу), является прямым осуществлением этого действия²¹. Круг глаголов, от которых образуются эти формы, лексически ограничен.

Несколько примеров на настоящее совершенное в этом значении: «*Do tego jeszcze przyłożę — koszt a utraty aby próżne a daremne w państwie jego nie były...*» (D, 385); «*Przypomnię tu wnet, jako Spartanki kochały się w tym, kiedy synowie ich sławnie ginęli...*» (D, 280); «*Wspomnię też tu dworskie jedno zatrefnowanie, kiedy owo człowiek iną powieda, a iną rozumie*» (D, 202); «*Ku temu też i to przyłożę, aby ostatnim na plac nie przyjeżdżał, bo pospolicie ludzie pilniej patrzą na pierwsze, którzy wyjadą, niż na ostatnie*» (D, 110); «*Tu też położę owo upominanie nakstał porady*» (D, 213).

²⁰ Сб. «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку», М., 1952, стр. 107.

²¹ Е. Koschmieder. *Nauka o aspekcie czasownika polskiego w zarysie*. Wilno, 1934, стр. 108.

Такое употребление форм настоящего совершенного Э. Кошмидер называет «коинциденционным»²². В этой функции встречаются и формы настоящего несовершенного. Формы разных видов выступают как синонимичные, например: *powiadam — powiem, proszę — poproszę, przyznaje się — przyznam się*. Разницу составляет некоторый стилистический оттенок, свойственный формам настоящего совершенного «коинциденционного» — оттенок подчеркнутой вежливости.

Некоторые исследователи считают, что значение настоящего совершенного граничит здесь со значением будущего, понимаемого как время, которое непосредственно следует за моментом речи²³. Таким образом, если речь идет о коинциденционном употреблении, возможны различные точки зрения относительно того, могут ли формы настоящего совершенного обозначать конкретное действие в настоящем.

Ф. Копечный прямо говорит: «Теперь уже всеми признано, что формы настоящего времени глаголов совершенного вида имеют значение будущего и не могут иметь значения настоящего за исключением вневременной сферы»²⁴. Наряду с этим возможно разнообразное и широкое применение форм настоящего совершенного при обозначении отвлеченных действий, относящихся к временному плану настоящего. Например: «*Drugi zasię dziękując, ledwie warg trochę uwleczę, niewdzięczność swoją bardziej tym pokazując, niż gdyby był milczał*» (Rz, 118); «*Bo koleryk wnet z myślą swą wzgóre wyleci, wnet chce być hetmanem, a choć nic nie masz, przedsię się sobie panem zda*» (Ż, 35); «*...bo oni kiedy mają zły jaki czerwony złoty, kładą ji pospolicie między wiele dobrych i tak go przy nich udadzą*» (D, 196).

В приведенных примерах формы настоящего совершенного обозначают обобщенный факт, или, как говорит о значении форм настоящего совершенного Г. К. Ульянов, они выражают «наступление сочетания признака с субъектом без отношения к какому-либо субъективному моменту времени»²⁵.

Обозначение отвлеченного действия, таким образом, является функцией форм настоящего как несовершенного, так и совершенного вида. Различие состоит в том, что последние подчеркивают завершенность обобщаемого факта.

Употребление форм настоящего совершенного отличается разнообразием модальных оттенков. Отвлеченное настоящее может иметь оттенок закономерности действия. Например: «*Umiejętność tedy rycerskiego prawa wielki w tej wierze pożytek dworzaninowi przyniesie i uczyni go hamownym i ostrożnym w mowie*» (D, 50); «*Najdziesz też drugi kraj tak zapyszniały, że w nim wszystko miłościwi panowie, by jedno kęs dobru do zawojku przyszył, a knafel u szyje powiesił*» (Ż, 65); «*Bo także to wszystko za jedno pójdzie, choćby też czytał i namędrsze filozofy i nazacniejsze sprawy onych dziwnych ludzi...*» (Ż, 59).

Формы настоящего совершенного передают также модальный оттенок возможности действия, т. е. указание на то, что предмет в состоянии произвести данное действие. Например: «*Takiego ja chcę,*

²² Там же.

²³ Так, В. В. Виноградов пишет, что в таких случаях «будущее наступает так быстро, что осуществление результата действия может совпасть с самим моментом речи» (см. «Русский язык», М., 1947, стр. 575).

²⁴ Ф. Корецький. Два příspěvků k vidu a času v češtině. — SaS, roč. X, č. 3, Praha, 1948, стр. 154.

²⁵ Г. К. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II. Варшава, 1895, стр. 201, 202.

który i *najdzie* i *ugoni*, boby to był mój wielki nierozum dwu psów dla zająca, jednej bestyej, chować» (D, 216); «A *poznasz* wnet i z postawy sprawy i postęпки umysłu uniesionego. Bo *poznasz* wnet gniewliwego, *poznasz* dobrotliwego, *poznasz* skąpego...» (Ż, 71).

В сочетании с отрицанием *nie* формы настоящего совершенного последовательно служат для обозначения отсутствия в настоящем возможности совершить действие («не сделаешь» в смысле «не можешь сделать»). Например: «Zgoła rzeczy przesławnej mus *nie* urodzi» (Rz, 135); «A zbierać sobie co potrzebniejszego z nadobnych i przykładów i rozmów i obyczajów, jako pszółka zbiera sobie z nadobnych ziółek przysmaki swoje. Boć pewnie z łopianu, ani z pokrzyw, ani z piołunu nic *nie* przyniesie» (Ż, 65); «... rzecz pewna, iż nigdy zgrzeszyć *nie* pomyśli» (D, 251).

С указанным значением тесно связано отрицание наличия некоторого отвлеченного действия в настоящем. Например: «Gdzieby mu też przyszło być w małym towarzystwie a w równym, nie między chasą, tam i okrom maskary tańcować rozmaicie i troszkę bezpieczniej poczynać sobie nic *nie* zawadzi» (D, 114). «Bo ten czas jest jako wiosna, wszystko się około nas śmieje, wszystko się zda równo, niebo się kotłem widzi, a ziemia wszystko nasza, na myśl *nie* przydzie bolesny smutek, ale radosne wesele z dziwną uciechą: owa raj się widzi przeciwko inemu czasowi» (D, 95).

Рассмотренные независимо от синтаксической структуры предложения и вне связи с другими временными формами, формы настоящего несовершенного и совершенного видов не обнаруживают еще всех характерных для них черт употребления. Ряд особенностей употребления этих форм проявляется лишь в сложных предложениях.

II. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В СЛИТНЫХ И СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Временная соотносительная связь двух или нескольких действий в настоящем, выражаемая посредством сочетания форм настоящего времени, не меняет своего характера в зависимости от того, выступают ли эти формы в качестве однородных сказуемых (т. е. в так называемом «слитном» предложении) или в качестве сказуемых сложносочиненного предложения. Объединив оба эти типа предложений, можно убедиться, что характер соотносительной связи сказуемых в них зависит от временного оттенка значения формы настоящего и уточняется с помощью союзов. Так, например, формы настоящего несовершенного вида в конкретном значении образуют сочетания, обозначающие совпадение временных отрезков данных действий в настоящем, в рамках определенной ситуации: «Proszę tedy waszą królewską mość uniżenie, a jako senator *napominam*, iżbyś wasza królewska mość tak wielkiego biskupstwa księdzu Podlodowskiemu nie dawał» (Dz, 30); «Miły bracie, czemu *się* tak barzo *frasujesz* a myśl swoją bez potrzeby *trapisz*?» (P, 67); «Proźbą *zamykam* rzecz tę swoją i jako najpokorniej mogę *proszę*, żebyś wasza królewska mość myśl tę odmieniła...» (Dz, 97).

Если же мы рассматриваем действия отвлеченного характера, то подобного совпадения временных отрезков нет. Речь может идти лишь о том, что данные действия сосуществуют, развиваются параллельно во времени и безотносительно друг к другу. Например: «Nie *naprawują się* państwa, królestwa, monarchie niezgodą, ale *niszczęją nią*

i giną» (Dz, 30); «Błogosławieni są wszyscy, którzy mię *stuchają* a *strzegą* dróg moich i pilnują u podwoja drzwi moich...» (P, 87); «Sprawiedliwośćią stolica się królewska *utwierdza* a przez niesprawiedliwośćią królestwa giną» (Dz, 65). В этих примерах сочетания форм настоящего времени не выражают временной связи между действиями. Временного соотношения между действиями не может возникать и там, где временные формы выражают возможность (или невозможность) предмета совершить некоторое действие: «Trefniej jeszcze czyni jeden pan, co go wszyscy W. M. znacie, który iż łuk duży ciągnie i nieźle *strzela*, każdego... pyta, jeśliby z nim z łuku strzelać chciał» (D, 113); «Błogosławione niewiasty, które pisma *nie umieją*, a *sprawują się* przyrodzeniem swoim tylko...» (P, 96) «Ja sobie rozumu wielkiego *nie przywłaszczam*, lecz widzę przeciw rzeczy jako zwierzchu, tak i wewnątrz» (Dz, 92).

Временное соотношение между двумя повторяющимися действиями может возникать, если два или несколько одновременных действий сопутствуют друг другу в каждом их отдельном, конкретном проявлении: «Wspomnię też tu dworskie jedno zatrefnowanie, kiedy owo człowiek iną *powieda*, a iną *rozumie*...» (D, 202, 3); «Najdziesz też w drugim kraju, iż leda krzywda tak będzie poważna, coby ją mógł kilkimi słów odprawić, wnet już panczerze *szorują*, arkabuzy *srobują*, harnasze *skrzypią*, aby jedno zywczajowi dosyć uczynić» (Ż, 64); «Inym zaraz człowiek, skoro je usłyszy, rozśmiać się musi, a innym, im dalej o nich *myśli*, tym bardziej *się śmieje*» (D, 217).

Отношение предшества—последовательности также может быть выражено сочетанием форм настоящего несовершенного, но лишь с помощью обстоятельств времени, которые обозначают порядок действий. Например: «*Pirwiej czynimy* snotliwie або niesnotliwie, toż *potym stawamy się* або snotliwemi, або niesnotliwemi» (D, 344).

Во всех рассмотренных случаях употребления форма настоящего времени несовершенного вида выступает в своем собственно-временном значении. При этом сочетание форм настоящего времени может служить для выражения временного соотношения двух или нескольких действий.

При сочетании форм настоящего времени от глаголов совершенного вида в слитных или сложносочиненных предложениях соотносительная связь между действиями также возникает не всегда.

Два действия, выраженные формами настоящего совершенного и имеющие значение обычности, отвлеченности, могут сосуществовать во времени безотносительно друг к другу: «Або gniew, nienawiść, przyjaźń, przychyłność... jedną osobę łatwo *zawiedzie* i *ułowi*, ale gdzie osób jest wiele, tam te rzeczy miejsca nie mają...» (D, 354); «Nadto jeszcze, iż się wnet na takiego *ogładają* (сов. в.!) i *pomyśli* drugi sobie: źle z tym kuśztować...» (D, 118). Albowiem takowy dar, w którym jaki niedostatek człowieczy або яка wada poszlakowana być może, wnet darem być *przestanie*, a *obróci się* w obrazę a lekkie poważanie» (Rz, 96); «Ale w tym... trzeba sobie bardzo mądrze postępować, bo częstokroć człowiek, chcąc ominąć jeden dół, *wpadnie* w drugi, a miasto pochwały przyganę *odniesie*» (D, 158). Во всех этих случаях имеется ситуация, не приуроченная к какому-либо определенному временному отрезку, существующая «вообще», обычно определяемая отвлеченным значением форм.

Выражая возможность предмета совершить некоторое действие, формы настоящего совершенного также не обозначают какого-либо

временного соотношения: «Toć są te rzeczy, któremi prędko dworzanin w miłości wskóra a towarzysza na zad *zostawi*, który wyfukać, a nie wymiłować miłość chciał» (D, 317); «Od tego umysł nasz, który w ocemgnienu niezliczoną liczbę mil *przebieży* i *dojdzie* przez ściany, przez mury gdzie raczy...» (Rz, 122); «O świętyż to stan, kto się tak *umiarakuje*, iż się sam *rozsądzi* a postanowi sprawe swe, iż nikomu nic winien nie bywa, ten się już strachu żadnego nie boi» (Ż, 56).

При обозначении возможности предмета совершить то или иное действие формы настоящего несовершенного и настоящего совершенного выступают в одной и той же функции. Однако отрицание возможности совершить действие чаще обозначается посредством глаголов совершенного вида. Ср. следующие примеры: «Także umysł nasz tylko się po stronach z rozmysłem swym *wierci*, a nigdy przy statecznej stałości *nie zostanie*...» (Ż, 72); «Nie odejmuj W. M. muzyki starym, bo ja znam kilku starych, którzy pięknie *śpiewają* i *nie dadzą* w tym żadnemu młodemu naprzód» (D, 115).

Так, в рамках одного и того же слитного предложения настоящее несовершенное обозначает возможность, а настоящее совершенное с отрицанием — отсутствие возможности произвести некоторое действие.

Ряд форм настоящего совершенного может образовывать сочетание, выражающее последовательную связь событий во времени, если ими обозначаются действия в пределах некоторой повторяющейся ситуации, не приуроченной к какому-либо конкретному времени. Например: «*Przyjedzie* też zasię pan zięć do pana szwagra, alic konie w karczmie i z pacholki; *przywitają* go wzdy... A na wieki *nie spytają*, jeśli jadł pan zięć, albo gdzie konie stoją, że czasem nieborak zięć i na czczo się *upije* i także i spać do brogu gdzie *polezie*» (Ż, 102); «Który hetman, panie Myszkowski, W. M. sie lepszy widzi, ów-li, który *stawi* bitwę a będąc w niebezpieczeństwie, jednak *wygra*, czy ów, który *odjąwszy* siłę nieprzyjacielowi, *przywiedzie* go rozumem a fortyłmi k temu, iż sie bez bitwy *podać musi*» (D, 349).

Для языка используемых нами памятников характерно свободное сочетание форм настоящего несовершенного и совершенного вида при обозначении ими ряда отвлеченных действий. Из многочисленных примеров приведем некоторые: «Во *powiedają*: między głodnymi *nie długo miłość trwa*, a *snać* i *leda mucha je czasem zwadzi*» (Ż, 102); «Siła inych kuśztownych posług *wyliczyby* sie mogło..., bo sie tego człowiek niemal każdy dzień *napatrzy*, a dworzanin wiele tego sobie *wymyślić może*...» (D, 234); «A przeto *mnieby* sie *widziało* tak lepiej..., abowiem bogactwo *pospolicie rozpycha* człowieka i *uczyni* go *hardem*, *upornem*, a ubóstwo *zasię lekkiem* i ku zdradzie *skłonnem*» (D, 374); «Także też *baczny* człowiek *cokolwiek widzi, słyszy* albo *przeczyta*, to też *zebrawszy* co z potrzebniejszych *ziołek* ma *znieść* do onego uliku, to *jest do rozumu*...» (Ż, 63).

Поскольку соотносительной связи между этими действиями не возникает, не играет роли и порядок форм несовершенного или совершенного вида. Последние могут стоять как в начальной, так и в замыкающей ряд позиции. Различие в употреблении форм настоящего разных видов минимально. Подтверждением этого является употребление рассматриваемых форм в пословицах («вневременное» или «гномическое» настоящее), где они часто могут заменять одна другую. Например: «*Cudza krzywda chleba nie da*» — «*Cudza krzywda chleba nie daje*».

III. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Сложноподчиненные предложения представляют ряд особенностей в соотносительном употреблении форм настоящего времени по сравнению со слитными и сложносочиненными предложениями.

При рассмотрении соотносительной связи действий мы сосредотачиваем внимание не на главной, а на придаточной части предложения. Действие придаточного предложения может в большей или меньшей мере зависеть от действия главного предложения и во временном отношении. Поэтому в придаточном значении исследуемых форм в некоторых случаях может полностью обуславливаться временем действия главного предложения. Тогда перед нами, согласно принятой терминологии, относительное употребление форм настоящего.

Таким образом, анализ употребления форм настоящего времени в придаточных предложениях дает возможность выяснить условия, в которых имеет место не только соотносительное, но и относительное употребление.

1) Сказуемое придаточной части предложения, так же как и сказуемое главной части, выражено формой настоящего времени несовершенного вида.

Собранный материал показывает, что в этих случаях выражается соотносительная одновременность, которая может возникать в любых типах сложноподчиненных предложений, если глаголы-сказуемые обеих его частей имеют конкретное временное значение. Например, придаточные дополнительные: «*Widzi, W. M. Miłościwy Panie, iż mi pan Bojanowski nie chce dopuścić mówić*» (D, 267); «*Widzi mi sie, panie Myszkowski, iż W. M. już to poczynasz, czego powiesz W. M., że nic nie umiesz...*» (D, 163); «*Prawda jest, iż obudwu was kęs jeden nie widzę*» (D, 229); придаточное условное: «*Gdy się, czarci, odzywacie na dekret dawny, ..., chcemy słyszeć ten dekret*» (P, 74); придаточные определительные: «*Możeć pan Bojanowski... podobno słuhać nierad, ale nas tu więcej jest, którzy W. M. słuchamy z chęcią*» (D, 277); придаточное причины: «*Gdyż wy, prawy, ode mnie nie chcecie, muszę ja od was jechać*» (D, 211); придаточное подлежащее: «*To wszystko, co teraz W. M. mówisz, rychlej z zazdrości pochodzi, niż aby dworzaninowi czego jeszcze dostawać nie miało*» (D, 326); придаточное образа действия: «*Kiedy ciebie, księżę, będą chwostać pójdiesz ty, jako będziesz chciał, a teraz daj mnie pokój, iż ja idę, jako mi sie podoba*» (D, 178).

Во всех других встретившихся нам типах сложноподчиненных предложений (придаточные уступительные, следствия, сопоставительные, сравнения) с формами настоящего несовершенного в главной и в придаточной части наблюдается та же картина: сочетанием временных форм глаголов-сказуемых передается соотносительная связь одновременности действий, если эти формы имеют конкретное временное значение.

Если одно из действий, обозначаемых формами настоящего несовершенного, является конкретным, а другое — отвлеченным, трудно говорить о соотношении этих действий во времени. Совпадать во времени эти действия не могут, и соотносительная связь одновременности не возникает. Придаточные дополнительные: «*To twirdzę iż nikomu barziej uczonym być nie przystoi, jako żołnierzowi...*» (D, 86); «*Wracając się tedy do wydwarzania, to powiadam co i pirwiej, iż sprawy nasze wszystkie dziwnie szpaci*» (D, 59); «*...jeszcze tego dokładam, iż każdy*

człowiek ten, kto postępek białej głowy... *pokrywa*, godzien jest nietelko pochwały od ludzi, ale i wielkiej odpłaty od Boga» (D, 283); придаточное определительное: «Tego-li, prawi, W. M. *chcesz* (psa), który *najduje*, czy tego, który *goni*?» (D, 216); придаточные причины: «Ale ja teraz nie chcę tego *spominać*... bo to świętę imię w te ledacy jakie gadki mieszać *nie przystoi*» (D, 262).

Независимо развиваются во времени также два отвлеченные действия, выраженные формами настоящего несовершенного. Например, придаточные дополнительные: «*Znam* to do siebie, M. Książę, że *się* *pinacz nie godzę*» (D, 22); «Та miłość... *przynosi* to z sobą, iż jednego ludzie palcem sobie pokazują» (D, 313); придаточные определительные: «... *najdują się* tacy łotrowie drudzy, iż czego dobrocią dojść *nie mogą*, złością dowieść *chcą*» (D, 300); «...tej takiej sławie, która *ma* wiele świadków, hnet ludzie *wierzą*...» (D, 146); придаточные причины: «Tedy ta cnota *jest* prawie doskonała a najbarziej przystoi wielkiemu panu, abowiem wiele inych cnót z siebie *wypuszcza*» (D, 350); придаточное условное: «Tedy *się* to W. M. *nie podoba*, kiedy Polak *bierze* w polszczyzną czeskie słowa?» (D, 63); придаточное следствия: «Abowiem ta pleć... *budzi* serca w ludziech, iż każdy, kto *zamiłował*, ochotszy *jest* ku wszystkiemu śmielszy, żywszy, niż ten, kogo miłość *nie dotknęła*» (D, 247); придаточное подлежащее: «To bywa *pospolicie*, iż kto *barzo mituje* — mało abo nic *mówi*» (D, 314).

Можно было бы привести и другие типы сложноподчиненных предложений, где не возникает соотносительной связи между формами настоящего несовершенного. Такие случаи редко встречаются в повествовании и очень часто — в описании, где излагаются мысли общего порядка, в частности, в «Придворном» Л. Гурницкого, где речь идет о том, каким является и должен быть образцовый придворный.

Некоторые особенности имеют с точки зрения соотносительных связей сложноподчиненные предложения с придаточным временным. Так, временные союзы *kiedy*, *gdy* объединяют действия придаточного и главного предложения в рамках одного временного периода. Поэтому два действия, выраженные формами настоящего несовершенного, соотносятся как одновременные. Однако, если такое соотношение имеет место не один раз, а много раз, тогда следует говорить не о той одновременности, которая свойственна конкретным действиям, а о типичной или кратной одновременности отвлеченных действий. Например: «To tak *pospolicie* ludzie *sądzą*, *gdy widzą*, że kto co od ręki a *przedsię* *dobrze czyni*, i z maluczkiej rzeczy tym kształtem uczynionej siła jednemu *mnimania przybędzie*» (D, 61); «Wielce *obrażają* się tem ludzie, *gdy* na wysokie miejsca *nie ci wstępują*, którzy ich są *godni*...» (Dz, 29); «Jako *waż*, *gdy* go *zaklinają* boskimi słowy, w ziemię się *skryć chce*...» (Dz, 73).

Посредством временного союза *póty* — *póki* обозначается временной отрезок совпадения действий, благодаря чему их соотносительная связь уточняется: «*Póty jesteśmy* my szczęśliwi, *póty* sławą i *poczciwością uraczeni*, *póki widzimy* sławę, szczęście i *poczciwość* naszego króla» (Dz, 16); «Тымżeң тең *więc* strychem *drugi idzie* na swego towarzysza, iż *póki nie widzi* pewnej dziory *któraby* go na szyję *zepchnąć mógł*, *póty* *nic nie pokazuje* nieprzyjaźni i *owszem* *rychlej chęć* a *życzliwość*...» (D, 316); «Mało *tych ludzi*, *którzyby*, *gdy* ono, co *dano*, *zginie*, *pamięć* *uczynności* *zachowali*: *więcej* *tych ludzi*, u *których* *póki* *dar*, *póty* i *pamięć* *dobrodziejstwa stoi*» (Rz, 96).

В предложениях с союзными словами *pirwiej, niżli* действие придаточного является последующим по отношению к действию главного предложения: «Owa wszystkich rozkoszy człowiek potahły pirwiej zaniechać *ta*, niżli go one prze starość zaniechać a opuścić *maja*» (D, 116).

2) Сказуемое придаточной части предложения выражено формой настоящего совершенного вида, сказуемое главной части — формой настоящего несовершенного вида.

В сложноподчиненных предложениях, так же как в слитных и сложносочиненных при обозначении действий отвлеченного характера формы настоящего времени несовершенного вида свободно сочетаются с формами настоящего от глаголов совершенного вида. Например: «Bo tak to pospolicie *bywa*, iż nietylko zabrukania, ale i twarzy swej własnej każdy, mało odszedszy, *zapomni*» (Ż, 83); «Owa dworzanin *jest* w tej mierze jako ów ptaszek, który sie w głodnym kraju *wyłągnie*, bo chociażby sie, indziej zaleciawszy mógł mieć lepiej, jednak miejsca nie odmienia, a trwa tam, gdzie się urodził» (D, 128); «Ale zasię piękności, kształtowych członków bardziej białejgłowie potrzeba niż mężczyźnie, abowiem wiele tej *niedostaje*, która sie niegładką *urodzi*» (D, 249).

Ввиду сходства употребления рассматриваемых форм в сложноподчиненных предложениях с придаточными дополнительными, определительными, следствия, причины, подлежащими, образа действия и придаточными места, мы не будем останавливаться на каждом из этих типов сложноподчиненных предложений отдельно. Уже приведенные выше примеры показывают, что настоящее совершенное и настоящее несовершенное выступают в одной и той же функции: обозначают отвлеченные действия. Эти действия не связаны между собой во времени.

Формы настоящего совершенного в этих условиях в противоположность формам настоящего несовершенного используются для того, чтобы подчеркнуть, что действие, представленное отвлеченно во времени, состоит из раздельных завершенных актов. Наиболее четко это видно там, где отдельное проявление действия сопровождается не одним каким-либо обстоятельством, а повторяющимся сочетанием обстоятельств места и времени, которые перечисляются в придаточном предложении. В этих случаях действие часто выполняется некоторым неопределенным лицом (подлежащее придаточного предложения выражено местоимением *кто* в значении «кто-нибудь», «кто-то»). Например: «... tam *nie trzeba nic* kupować, wolno tam brać świnie, owce, kury, gęsi, gdzie *кто со znajdzie*» (Ż, 90); «Z pierwszego rzędu (dobrodziejstw) *są* oto te, gdy kogo *wyrwą* z rąk nieprzyjacielskich, gdy kogo na śmierć skazanego *wyproszą* або *wykupią*, gdy kogo przed tyrańskim gniewem *ukryją*, або z inszych rozmaitych niebezpieczeństw, które za ludźmi *chodzą, wybawią*» (Rz, 95); «Jedna (posługa) *jest*, kiedy *кто* pięknym kształtem a misternie *podejdzie* kogo i *zblażni*; druga *jest*, kiedy *кто* nagotowawszy sidło *ponętą przywiedzie* k niemu, iż sie sam człowiek *ułowi*» (D, 219).

Формы настоящего совершенного регулярно употребляются также и в тех случаях, когда придаточное присоединяется к главному посредством союзных слов *jakikolwiek, ilekroć skądkolwiek, gdziekolwiek* (а также *ktokolwiek, kogokolwiek* и др.): «Nie będzie śmiał twarzy podnieść zwyciężony twemi dobrodziejstw; a chociażby chęci twych *zapomnieć* chciał, nie będzie mógł, bo go oparkanisiz nimi, tak, iż *gdziekolwiek*

pożrzy, wszędy tve dobrodziejstwa, jakoby, też ciebie, ogląda...» (Rz, 89); «*A iż skadkolwiek wyniknie uszczknienie, stądże też ważne słowa ku chlubie wyniść mogą»* (D, 195); «*Pana swego i powinności swojej którą poruczą, bądź wiernie pilen, i na jaką ciękolwiek posługę wysadzą, już czasu strzeż, abyś jej nigdy nie omieszkał»* (Ż, 86); «*...ilekroć kto W. M. źle o białychgłowach mówiąc usłyszysz, tylekroć niedobrze o samym W. Mciu rozumieć musi»* (D, 151).

Эти случаи использования форм настоящего совершенного в различных типах сложноподчиненных предложений не снимают, однако, того общего положения, что «в сложных предложениях формы обычного настоящего (т. е. настоящего несовершенного. — З. С.) и формы настоящего совершенного часто выступают параллельно, одна рядом с другой и причина такого употребления остается неясной»²⁶.

Это положение, однако, не распространяется на временные и условные придаточные, где формы настоящего совершенного играют роль, свойственную исключительно этим формам как формам совершенного вида, и обозначают завершенное действие, всякий раз непосредственно предшествующее во времени действию главного предложения. Например: «*A так gdy już pan młody przydzie do lat swych doskonałych... nielza, jedno iż sie już musi starać kędy dalej swe koła toczyć ma»* (Ż, 100); «*Gdy zawoła do mnie ubożuchny o krzywdę swoją, ja muszę pomścicielem jego być»* (Ż, 90); «*Albowiem patrz, gdy kto nogę złamie, albo się z konia stłucze, pewnie już nie szuka ani malarza ani haftarza, jedno co najrychlej co misterniejszego pyrulika...»* (Ż, 74); «*Otóż jako w trefnych powieściach, gdy kto co nad pomysł a mnimanie ludzkie wyrzecie, tak tu, gdy sie co komu nad nadzieje stanie, hnet sie temu ludzie śmieją»* (D, 219).

Действия придаточного и главного предложения связаны здесь временным соотношением предшества — последовательности именно в силу видового значения формы настоящего времени совершенного вида: таким образом, видовая противопоставленность служит для выражения временной последовательности действий в рамках сложноподчиненного предложения.

Очередность действий придаточного и главного становится обратной, когда придаточное предложение присоединяется к главному посредством специализированных временных союзов *niż*, *niżli*, *aż*, подчеркивающих временное соотношение предшества — последовательности. Например: «*Wiem, że mi, to kto zadać może, że do rady nie ma nikt przystępować, aż go wezwą»* (Dz, 92); «*Lecz uprzedzić i dać niżli prośba przystąpi, daleko lepiej»* (Rz, 100); «*...ma żonę, która barzo nie słyszy, tak iż muszę, prawi, okrutnie na nią wołać, niż które słowo zrozumie»* (D, 220).

Таким образом, в сложноподчиненных с временным придаточным между глаголами-сказуемыми, выраженными формами настоящего совершенного и настоящего несовершенного, устанавливается соотносительная связь предшества — последовательности, причем речь должна идти о кратной последовательности, поскольку временными формами глагола обозначаются отвлеченные действия.

3) Сказуемое придаточного предложения выражено формой настоящего времени несовершенного вида, сказуемое главного предложения — формой прошедшего времени.

²⁶ W. Doroszewski. O znaczeniu dokonanyim osnów czasownikowych (słownych). — PF, t. X, Warszawa, 1926, стр. 266.

Прежде всего проанализируем сложноподчиненные предложения с придаточным дополнительным. Они представляют наибольший интерес, так как в этом типе сложноподчиненных предложений с настоящим в придаточной части и прошедшим временем в главной части предложения представлено относительное употребление форм настоящего несовершенного вида.

Рассмотрим примеры, где форма настоящего времени имеет конкретное значение: «A gdy ci śmiać sie poczęli, *obaczyli* hnet służebnicy pana Krakowskiego, iż pan Giżycki z pana *dworuje* i hnet pana ostrzegli» (D, 221); «A Zębocki nieboszczyk śnać powieadał o jednym skępcze, który nie chcąc natenczas zboża przedać, kiedy było drogie, nadziejąc się jeszcze większej drogości, gdy *obaczył*, że co dalej, to barziej na dół *zstępuje*, z desperacyej obiesił się» (D, 200); «*Przysiągł*, że ich teraz niemasz we wsi jedno sto, i musiał wziąć bierca sto groszy...» (Ż, 124); «*Poznali* przez znaki, iż ten jest Krystus, który zdawna jest naznaczon, szukali fortelów co nachytrzych...» (P, 65); «Mistrzowie, gdy to *porozumieli*; iże Cesarz *wyjeżdża* naprzeciw młodzieńcowi, rzekli młodzieńcowi...» (Po, 14); «Przez który wszystek czas księżna młodsza bogu i ludziom się *świadczać*, *wolała* że się jej bezprawie a wielki gwałt *dzieje*» (Dz, 57); «Bardzo rychło potem przyjechał i *dał* mi *sprawę*, iż król czeski Maksymilian *nie jedzie*, ale *jedzie* arcyksiąże Ferdynand na jego miejscu» (Dz, 47); «Na co ksiądz Maciejowski od króla *odpowiedział*, że Król powinności swej królewskiej *chce* czynić dosyć, a proźbie panów posłów w tej mierze dogodzić *nie może*» (Dz, 22); «Jakoż rychło potem o Królowej Izabeli *wieść przyszła*, iż *obleżona* na Budzyniu od wojska Króla rzymskiego Ferdynanda — które obleżenie niemal cały rok trwało» (Dz, 6); «*Powiedział* im, iż to już Pan *idzie* aby z wami mówił, a izbyście głos jego *słyszeli*» (Ż, 47); «Rano przyszedł, ksiądz mu *powiedział*, iż mu się już jeść *zachciewa*» (Ż, 88); «*Dali* też to *na wolą* Lucyferową, kogo on *chce* obrać posłem» (P, 69).

Форма настоящего времени обозначает здесь конкретное действие, которое имело место в прошлом и было одновременным действием главного предложения. В приведенных предложениях форма настоящего времени является единственно возможной. Она не может быть заменена формой прошедшего несовершенного вида, так как последняя или означает, что действие придаточного предшествовало действию главного, или вообще невозможна в данном контексте.

Среди приведенных примеров есть предложения с косвенной речью, однако такое употребление форм настоящего времени возможно не только в косвенной речи. Лексическое значение глагола-сказуемого предложения чаще всего относится к «идеальной деятельности», т. е. выражает чувствование, знание, восприятие. Круг этих значений очень широк (см. в приведенных примерах: *obaczyli*, *poznali przez znaki*, *porozumieli*, *wolała*, *dał sprawę*, *odpowiedział*). Некоторые из этих значений могут быть отнесены к значению «идеальной деятельности» лишь весьма условно, например: *dali na wolę*, *wieść przyszła*.

Форма настоящего времени в дополнительном придаточном обозначает прошедшее время при том условии, что действие, обозначаемое этой формой, не является отвлеченным. Если эта форма обозначает вневременное действие, то, естественно, прошедшее и настоящее этого действия (или состояния) не противопоставляются друг другу, и оно является одновременным не только прошедшему, но и настоящему говорящего лица. Например: «Otóż ci, którzy stanowili prawo,

tak wdy *rozumieli*, że cnót ludzie nauczyć się *mogą*...» (D, 344); «... W. M. *powiedział*, iż się z tym ludzie *rodzą*, a do doskonałości prawej ćwiczenie je przywodzi...» (D, 54); «Nie dziwuj się W. M., panie Lupa, temu, com ja *powiedział*, iż z miernosci wiele innych cnót *plynie*» (D, 351); «Drudzy zaś *przyznali* to, iż odmiana wiary odmianę państw *czyni*» (Dz, 34); «A tam bezpiecznie *doznali* oni przodkowie naszy, iż Bóg *jest*, a iż *jest* dziwna istność jego i sprawa jego» (Ż, 47).

Если формы настоящего несовершенного обозначают отвлеченные действия, выражая при этом качество предмета, возможность или невозможность совершить действие, относительное употребление также не имеет места: время такого действия (состояния) не ограничено прошедшим говорящего лица. Например: «... *przyjechawszy* do domu, Giżycki *powiedział* takżeż żenie, iż Pan Krakowski barzo mało co *słyszcy*...» (D, 220); «... *począł* *powiedać*, jako wiele głów zabił, jako *jest* mężny i sierszity, jako z każdą bronią dobrze umie...» (D, 111); «Tenże też, gdy mu powiedano, że król neapolski Ferdynand *jest* duży, czerszty, chybki do skoków..., *powiedział*, iż w jego ziemi niewolnicy w tym *się ćwiczą*...» (D, 198); «*Powiedział* mu między inemi rzeczami, o które go w drodze jadąc pytał, jako *ma* żonę, która barzo *nie słyszcy*» (D, 220); «A będąc na sądzie pytany z strony wiary *powiedział*, iż podług ewangelii świętej a szczerego słowa bożego *wierzy* a *wyznawa* głową kościoła bożego pana Chrystusa» (Dz, 32).

Особый случай представляют собой те предложения, где глагол в форме прошедшего времени имеет «перфектное» значение, т. е. когда в настоящем актуален результат действия, имевшего место в прошедшем: «Gdyż to tobie Bóg *dał*, że *się nie boisz*, nie pragni tego, abych ja *się bał*» (D, 197); «Dawno li to J. M. *przyszło*, iż *nie słyszcy?*» (D, 220); «Wierzę w tego boga, który *wszystko stworzył*, co *widzimy* i czego *nie widzimy*» (Dz, 5); «Tak te zbrodnie *spopolitowawszy* się, *przyszły* w tak lekka cenę, iż za nic to *jest* kilka takich dekretów mieć po sobie» (Rz, 137).

Выделенные формы настоящего времени в придаточном предложении обозначают настоящее время. Хотя действие главного предложения и завершилось в прошлом, наличие и актуальность результата этого действия связывают его с настоящим. Поэтому временное соотношение действий осложняется: настоящее протекает в том временном плане, где присутствует результат прошедшего действия. Конкретное настоящее в этих случаях не подчиняет прошедшему свое значение и не утрачивает его (ср. первый пример).

Таким образом, следует отметить, что если в главном предложении сказуемое выражено формой прошедшего времени, форма настоящего в придаточном дополнительном как правило утрачивает собственно-временное значение настоящего и выражает прошедшее действие. Форма настоящего сохраняет свое собственно-временное значение либо в силу того, что она обозначает отвлеченное действие, которое распространяется как на прошедшее, так и на настоящее говорящего лица, либо, когда форма прошедшего времени в главном предложении имеет «перфектное» значение.

В рассмотренных памятниках часто встречается синтаксическая конструкция с дееспричастием, образованным от глаголов идеальной деятельности, которая служит для обозначения одновременности действия, выраженного формой настоящего времени, другому действию, имевшему место в прошлом. Например: «Książdz Przerębski *podkanclerzy*, ... *dowiedziawszy* się, iż królowa Bona z Polski ze wszyst-

kiemi skarby swemi wyjechać *chce*, *uprosił* sobie u króla drogę do Rusi...» (Dz, 86); «...to z nim do waszej Królewskiej mości *posłał*, *pokazując* i *szerząc* posługi swoje, jako *nie spi*, jako *gardłuje*, jako majątność *utraca* przez waszej Królewskiej mości *sławę*» (Dz, 61); «*Objechał* celniejsze pany koronne, *dając* im o tem *znać*, że królowa Bona do Włoch *się bierze*...» (Dz, 86).

В придаточных определительных форма настоящего времени выступает в прямом значении. Сочетание форм прошедшего и настоящего времени может выражать естественную последовательность этих действий во времени (т. е. действие придаточного является последующим по отношению к действию главного предложения, выраженному формой прошедшего времени совершенного или несовершенного вида): «W Łęczycy na rokach *miał* starosta jeden, którego *maniować nie chce*, dwu *sług swych*» (D, 194); «*Otóż* naszy starcy, kiedy *chwałą* dwory stare...*nie baczą* tego, iż też wiele osobnych *cnót*, wiele *godności* *natenczas nie było*, które w ludziach *są teraz*» (D, 101).

Там, где форма настоящего обозначает такое отвлеченное действие, которое распространяется как на настоящее, так и на прошедшее говорящего лица, временного соотношения с прошедшим действием не возникает. Например: «Na pana Kryskiego *potym* a pana Wapowskiego *kolej przyszła*, dwu tak osobnych ludzi, jakich natura *rzadko* a *rzadko* na świat *puszcza*» (D, 330); «...*te wszystkie (cnoty)*, które *są* na świecie, pan Kostka je *dwornej paniej naznaczył*» (D, 306); «...*był* *naschwał* *mądrym*... a *prawym filozofem* z tych *cechu*, którzy nas *poczciwie żyć uczą*» (D, 394); «*Lecz* *takowych żartów siła* *ksiądz Buczyński spachał*, między którymi *są* *drugie*, co *szubienicą* *barzo pachną*» (D, 236).

Временное соотношение не возникает и в том случае, когда форма прошедшего времени имеет так называемое «перфектное» значение. Например: «*Ale* *nie wiem*, co to *dziś* za *wiek* *nastał*, iż *ludzie* *opuszczają* to, co *umieją*, a *chytają* się *tego*, *czego* im *przyrodzenie* *broni*» (D, 156); «*Zdałoby* mi się *przedsię*, *żem* ku *onemu* *końcu* *przyszędł*, który ma *przed* sobą *mieć* *cnotliwy* *dworzanin*» (D, 367); «*Tak* *wielkim* — *prawi* — *jakoś jest*, *nikt* *cie* *iny* *nie uczynił*, *jedno* *ja*» (D, 393).

Временные связи между действием главного предложения, выраженным формой прошедшего времени, и действием придаточного предложения, выраженным формой настоящего, зависят — как это было показано на примере сложноподчиненных предложений с придаточным определительным — от временного оттенка значения формы настоящего (конкретность, отвлеченность) и формы прошедшего времени («перфектное» значение прошедшего).

Временная связь предшества-последовательности, отражающая естественную последовательность времен, возникает всякий раз при обозначении формой настоящего времени конкретного действия в настоящем. Например, придаточное следствия: «*Wierę* *te* *psy* *okarmił* *musiano*, iż *niedźwiedzia* *brać* *nie chcą*» (D, 214); придаточное причины: «*Alem* *ja* *tego* *im* *nie poruczył*, *bo* *dworną* *panią* *teraz* *formuje*, *nie* *Królową*» (D, 256). Соотносительной связи между действиями не возникает, если форма настоящего времени от глаголов несовершенного вида обозначает действие отвлеченное. Например, придаточное причины: «...*mnie* *się* *tego* *włożyć* *nie widziało*, *abowiem* *Bokaciusa* *chyba* *ci* *Polacy* *znają*, którzy *we* *Włoszech* *bywali*» (D, 10); придаточное сравнительное: «*Ten* *zbrodzień* *nieborak*, *chocia* *miał*

grzbiet barzo zraniony, wszakoż przedsię pomaluczku *szedł*, nieinaczej jedno jakokiedy owo kto *przechadza sie z rozkoszy...*» (D, 177); «Takieś ich W. M. teraz dotknął, iż to znać, żeś sie był W. M. dla wzięcia posiłku cofnął, jako owo nazad taran odwodzą aby tym mocniej uderzył» (D, 325). Формы настоящего времени обозначают здесь действия, которые могут проявиться в течение неопределенно длительного периода. В результате отвлеченности их временного значения не может быть выражена последовательность этих действий по отношению к прошедшему действию. Последнее может быть обозначено формой прошедшего или преждепрошедшего времени, как в последнем примере.

В одной из своих статей Г. Граппен рассматривает употребление форм настоящего времени в древнепольском языке в предложениях типа *przyszedł, a oni śpią* и называет его «настоящим сосуществованием». При этом отмечается, что это «абсолютно то же самое настоящее сосуществования, которое сохранилось в предложениях типа *sprostrzegłem, że dziecko płacze*»²⁷. Это употребление объясняется склонностью древнего неразвитого синтаксиса к паратаксису²⁸. Граппен считает, что это употребление форм настоящего нельзя смешивать с настоящим историческим. Что же касается синтаксических связей в данном типе предложения, были высказаны разные точки зрения.

Граппен считает предложение *a oni śpią* грамматически независимым, присоединенным к предшествующему посредством частицы *a*, которая имеет указательное значение.

Более обоснованным представляется нам известное мнение, отстаиваемое, в частности, З. Клеменевичем²⁹, согласно которому данные предложения рассматриваются как сложносочиненные с союзом *a*. Рассмотренные нами памятники не дают достаточно материала для изучения этого вопроса.

4) Сказуемое придаточного предложения выражено формой настоящего времени несовершенного вида, сказуемое главного предложения — формой будущего времени.

В XVI в. формы будущего времени как совершенного, так и несовершенного вида наряду со значением объективного будущего обнаруживают тенденцию к обозначению отвлеченных действий, относящихся к широко понимаемому плану настоящего. Исходя из этих двух возможностей и следует рассматривать сочетания форм будущего времени в главной части предложения и настоящего в придаточной части. Мы ограничиваемся рассмотрением форм будущего времени в значении объективного будущего.

Если действие главного предложения выражено формой будущего времени (совершенного или несовершенного вида) и является объективным будущим, то форма настоящего времени несовершенного вида в придаточном дополнительном может обозначать действие, одновременное ему, и, следовательно, относится к плану будущего. Например: «*Niejedno uczynek twój chwalić ludzie będą, ale i to, że o nim ty sam nic nie powieasz*» (Rz, 106); «*Bo będzie ci się zdało, iż cię wnet wszyscy chwalić i miłować będą... ano wierz mi, iż cię tak będą nosić po kołędzie, iż się długo nie obaczysz, co się z tobą dzieje*»

²⁷ H. Grappin. O pewnym staropolskim typie użycia czasu teraźniejszego. — JP, XXXVII, Warszawa, 1957, стр. 339.

²⁸ Там же, стр. 336.

²⁹ Z. Klemensiewicz. — JP, XXXVII, Warszawa, 1957, стр. 344.

(Ż, 85); «Kiedyś sie, prawi, trefi być na biesiedzie, a *bedziesz* tam chciał to dać znać upodobanej tobie białejgłowie, że ją miłujesz, omocze w winie palec i napisz na stole» (D, 320).

Таким образом, значение формы настоящего времени в придаточном предложении в приведенных примерах определяется временным значением глагола-сказуемого главного предложения, и мы имеем дело с относительным (релятивным) употреблением формы настоящего.

Этого не наблюдается, когда форма настоящего выражает действие, которое является вневременным. Например: «A iżby to była prawda, patrz W. M. na sprawu, niewieście a na męskie, z tych *poznasz*, kto ma co nad kogo» (D, 257); «Abowiem ci panowie z tak osobnemi przymioty stworzyli dworzanina i wynieśli go ledwie nie do nieba, iż kto ono wszystko sobie w głowę weźmie a rozważy, oraz *osądzi*, iż białogłowy nigdy ku temu kresu przyść *nie mogą*» (D, 240).

Относительное употребление формы настоящего не возникает и в том случае, когда мы имеем дело с упоминавшимся выше (см. стр. 10) коинциденционным значением глагола-сказуемого в главной части предложения. Например: «Tego też *dolożę*, iż w tym przydrzeźniani, abo pokazowaniu czyjej postawy mądrze sie sprawować *trzeba*...» (D, 175); «*Przypomnię* też i owo, jako białogłowę barzo *zdobią* piękne zęby...» (D, 76).

То же самое при обозначении в главном предложении ближайшего будущего: «Powiedział pan Kostka: *Pokażę* ja to W. M., iż i tych czasów *najdują sie* takie» (D, 271); «Patrzże W. M., iż w tej mierze zły jest dowód W. M. Ale ja W. M. *powiem*, co to w tym *jest*» (D, 283); «A drugi, stojąc podle niego, rzekł: *Zgadnę*, którzy są» (D, 213).

В других типах придаточных предложений относительное употребление формы настоящего времени не встречается.

В большинстве рассмотренных нами примеров на дополнительные придаточные, во всех придаточных определительных, условных, причинных, следствия и подлежащих соотносительное употребление не изменяет собственно-временного значения формы настоящего: значение одновременности или предшества наслаивается на значение настоящего времени.

Иначе обстоит дело в таких придаточных дополнительных, где форма настоящего настолько зависит в выражении временного значения от времени действия главного предложения, что утрачивает свое собственно-временное значение и обозначает объективное прошлое или будущее время. Тогда имеет место относительное употребление форм настоящего несовершенного.

IV. «НАСТОЯЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ»

«Настоящее историческое» относится к тем вопросам, которые интенсивно изучались исследователями славянских языков. Согласно традиционному определению, настоящее историческое в результате смещения временной перспективы изображает прошедшие факты, «как бы совершающимися в момент речи перед глазами слушателя»³⁰. Э. Кошмидер называет его «настоящим фиктивным»³¹. Та же мысль,

³⁰ См. В. В. Виноградов. Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 573. То же определение у А. М. Пешковского (Русский синтаксис в научном освещении), М., 1934, стр. 190) и у Э. Кошмидера («Durchkreuzungen von Aspekt und Tempus-system in Praesens». — ZfslPh, Bd. VI, H. 3-4, Leipzig, 1930).

³¹ E. Koschmieder. Указ. соч., стр. 345.

по существу, высказывалась и А. Пешковским, который подчеркивал, что в *praesens historicum* настоящее употребляется «вместо прошедшего»³², иными словами, синонимично прошедшему.

Данное употребление форм настоящего времени возникает там, где контекст уже содержит временную характеристику событий, относит их к прошлому.

Настоящее историческое возможно лишь там, где четко обозначен план прошлого и именно благодаря соотнесенности с планом прошлого; поэтому неправильно было бы употребление формы настоящего времени в *praesens historicum* ставить в зависимость от какого-либо отдельного события или процесса, которые имели место в прошлом. Здесь скорее следует говорить о соотнесенности действия с планом прошедшего или с тем основным моментом прошлого, «который принимается в повествовании за основу временных соотношений»³³.

Центральным вопросом изучения настоящего исторического является вопрос о выражении в настоящем историческом смены действий. Различные славянские языки используют для этой цели разные средства. Чешский язык употребляет для обозначения смены действий в настоящем историческом формы настоящего времени совершенного вида³⁴. В русском языке в этой функции могут выступать и формы настоящего несовершенного и формы прошедшего времени совершенного вида. Аналогичная картина наблюдается и в современном польском языке. Э. Кошмидер считает это состояние вторичным. Его примеры показывают, что еще в XIX в. настоящем историческом для обозначения сменяющихся действий наряду с формами настоящего несовершенного употреблялись формы настоящего совершенного³⁵.

«Если у Фредро, — пишет Кошмидер, — для обозначения смены событий обычно используются формы настоящего несовершенного, а формы совершенного вида только спорадически, то у Пасека (XVII в. — З. С.) спорадически выступают формы несовершенного вида»³⁶.

Кошмидер считает, что в более ранних памятниках формы настоящего несовершенного вряд ли могли выступать в этой функции. Рассмотренный материал подтверждает это предположение: смена действий в настоящем историческом выражается в языке XVI в. не формами настоящего несовершенного, как в современном языке, а формами настоящего совершенного.

Приведем несколько примеров из книги Л. Гурницкого «Придворный»: «Pan Kozieł, ziemianin sędomirskiej ziemie, będąc w Wiznie ...gdy sie już było zmierzkło, szedł sam sług nin czekając do gospogy swej, której nie wiedział. Owa pytając sie to tego, to owego, *trefi* na jakiegoś pacholka i *mówi* mu: Towarzyszu, nie wiesz gdzie tu moja gospoda? A on rzekł: A ktoś ty? Odpowiedział mu; Jam jest Kozieł...» (D, 187);

«Musieli mu znowu przysięgać, znowu siebie przeklinać, iż sie z nieprzyjasielēm bić nie miał. Owa go wdy nakoniec namówili, że wsiadł

³² А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 190.

³³ «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 484.

³⁴ См., например, Helena Křižková. K problematice praesentu historického v ruštině a v češtině. — «Sovětska jazukověda», roč. V, seš. 4, Praha, 1955.

³⁵ E. Koschmieder. Указ. соч., стр. 98.

³⁶ Там же, стр. 208.

zbrojno na koń, a gdy już na placu stanął, rzekł do przyjaciół: Juszczcie czas, pani. A ci mu odpowiedzieli: Skoro, prawi, po trzecim zatrąbieniu, tedy między was wskoczą wieldzy ludzie i rozejmą. *Zatrąbi* pierwszy raz trębacz, *pyta*, jeśli to wtóry, *zatrąbi* wtóry kroć, *pyta*, jeśli to już trzeci; a po trzecim trąbieniu, kiedy on jał wielkim głosem sie wołać: Prze Pana Boga, juszczcie czas, poczęli przyjaciele konia pod nim bość nieznacznie...» (D, 173);

«Co gdy on, który sie na drogę gotował, wszystko skupił, wyjechał do Mistrza, miasteczka na brzegu, skąd już w drogę wsiadać miał. A nazajutrz wziął rejestr w rękę i *czyta*: item ostrogi — i *każe* słudze, żeby mu ostrogi przypiął. Sługa *powie*: Panie, złeć, boty pirwiej musi obuć. Powiedział pan: Już ty mnie nie ćwicz... Sługa, nie przeciwiąc sie panu, ostrogi *przyppone*... Dajże sam teraz dopiero boty — rzekł pan. Gdy do obuwania przyszło, co czynić? żagna miarą z ostrogami tam nogi *nie wnidq*. Daj sam noża! — Wenet powiedział i hnet boty rozerznał, a potym, włożywszy tam i z ostrogami nogi, rzekł do sługi: Otóż widzisz, że tu dobrze pisano, bo ten bot zakryje ostrogę, iż sie nie ubłoci» (D, 179);

«Potym w nocy *ocuci sie* Pukarzewski, obaczy łeb zawity i *rzecze* półgębkiem: Ki djabeł, cóż mi sie stało? Chłopiec! Jesteś tu? rozświeć! Hnet *sie* chłopiec *porwie idzie* do pana i *pyta*: Co W. M. raczysz? abo W. M. źle leżeć? Odpowie Pukarzewski: Ba, dobrzeć mi leżeć, ale mi to ki djabeł w gębę? Chłopiec *odpowie*: Aza W. M. nie pomnisz, iż W. M. wczora ten a ten ranił? Zaś pan: Ja tego kęs jegen nie pomnię... Wtym *rzecze* chłopiec: Prze Pana Boga nie racz W. M. wiele mówić, bo nam barwierz rozkazał, abyśmy z tego W. M. upominali. Takne gdy *przydzie* dzień *pyta*, jako sie co stało; *powiedzą* mu rzecz wszystkie zmyślona, a chłopiec jego włosny onegoż *potwirdza*, bojąc sie, aby go pan nie bił, gdzieby powiedział, że natenczas odszedł był od niego. *Przydzie* barwierz do opravowania, *odwinie* mu głowę, a Pukarzewski *rzecze*: Miły barwierz, namniej mie ta rana nie boli, co sie to dzieje? Odpowiedział barwierz... Da-li Bóg, W. M. rychło zdrów będziesz, jednoby, panie mówić nie trzeba. I z tym odszedł. *Przydzie* czas obiadu, mięsa jeść *nie śmie*..., także sie trochę kontuzu *napije* i *położy*. Po obiedzie *przyjdą* towarzysze nawiedzać..., *pytają* go na zdrowie, *przemówi* półgębkiem, prosząc, aby za złe nie mieli, iż mówić nie śmie... *Wyrywie* ten to, ów owo pytając, a on jedno *przyzwala* głową... Owa tego tak długo było, iż sie żadną miarą strymać drudzy nie mogli, *poczną* sie śmiać, a Pukarzowski, domyśliwszy sie, iż to już Skotnickiego sprawa, zawój on uberzył o ziemię...» (D, 226).

С настоящим историческим мы имеем дело и в тех случаях, где формы настоящего времени выступают в качестве слов, вводящих прямую речь. Особенно часто в этой роли выступают формы настоящего времени совершенного вида. Например: «Skotnicki, iż był okrutnie pijan, ... kęs jeden onego nie czuł. Owa przespawszy kilka godzin jako umarły, *ocknie sie* nadedniem i *woła*: Cóż sie dzieje...? Przebóg, gdzieżem?... Gdy na pirwsze wołanie nic mu nie odpowiedziano, *pocznie* znowu wielkim głosem *wołać*... Dopiro sie straż nauczona odezwała... *Recze* zasie Skotnicki: ...*Odpowie* mu: ... Zaś Skotnicki *powie*» (D, 223).

В контексте прошедшего не только ряд форм, но и единичные формы настоящего совершенного могут выступать в функции настоящего исторического. Например: *Zabrzeski* po małej chwili jał kołatać: pan *spyta*, kto jest. A on: Ja, panie, *Zabrzeski*; nie racz sie W. M. fra-

sować, śnić mi się owo wszystko, com W. M. powiedział. A Patricius, co się miał gniewać, to się musiał okrutnie śmiać» (D, 177).

Одновременные действия в настоящем историческом в произведениях XVI в. обозначаются формами настоящего времени несовершенного вида, как и в современном польском языке. Например: «O barwierz, też, wielkim szybale, powiedają, do którego gdy chłop z wybitym okiem przyszedł, choć rozumiał, że mu nie mógł nic pomóc, wszakoż, aby od niego co grzywien wyłudzić, powiedział mu: Jedno pieniądze nie żałuj na lekarstwo, pewnie zdrów będziesz. Kmiotek uradowawszy się, czeka tydzień, czeka drugi, trzeci, nic przedsię nie baczysz poprawienia, aż chudzina po kilku niedziel widząc, że ta rzecz w długą idzie a poprawy kęs jeden nie znać, pocznie się uskarżać i mówić barwierzowi...» (D, 212); «Barwierz posłuszny wnet to sprawił, zalał wargi spoił, plastr przyłożył, chustami obwinał głowę i przeniósł go na inną, lepszą, pościel... Przyjdą potym słudzy... widzą, iż pan z zawitą głową leży, a barwierz instrumenta zbiera a maści chowa, pytają, co się to działo; powiedzą im drudzy, iż ten a ten... pana im przez twarz ranił» (D 225).

Таким образом, наш материал показывает, что в языке XVI в. в отличие от современного польского языка чередующиеся действия в настоящем историческом выражаются не формами настоящего несовершенного, а формами настоящего совершенного вида. Действия одновременные выражены формами настоящего несовершенного вида.

В функции настоящего исторического формы настоящего времени заменяют формы прошедшего времени; они не являются здесь единственно возможной временной формой глагола. Если на их место подставить формы прошедшего времени, изменится характер или стиль изложения, но не время, к которому относятся излагаемые события. Н. С. Поспелов, стремясь раскрыть грамматическую специфику настоящего исторического, пишет: «Именно потому, что настоящее повествовательное (т. е. настоящее историческое. — З. С.) оказывается современным тому моменту прошлого, который берется за основу временных соотношений, оно должно квалифицироваться как относительное, релятивное в своем синтаксическом употреблении»³⁷. Ниже это употребление именуется «относительным» и «непрямым»³⁸.

Для того, чтобы охарактеризовать грамматическое своеобразие настоящего исторического, необходимо подчеркнуть тот факт, что настоящее историческое не связано с какой-либо определенной синтаксической конструкцией. Поэтому необходимо четко разграничить это употребление форм настоящего со значением прошедшего времени от тех случаев, когда форма настоящего является зависимой в выражении своего временного значения от времени другого действия (в частности, и прошедшего действия) в рамках сложноподчиненного предложения, т. е. от тех случаев употребления, которые мы назвали «относительным». П. С. Кузнецов отмечал, что если настоящее время стоит в придаточном дополнительном предложении, оно зависит от формы времени главного предложения, поэтому такое настоящее не является «подлинным *praesens historicum*»³⁹.

³⁷ Н. С. Поспелов. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. — Сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955, стр. 224.

³⁸ Там же, стр. 226.

³⁹ П. С. Кузнецов. К вопросу о *praesens historicum* в русском литературном языке. — «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 8, 1949, стр. 29.

Действительно, нельзя считать настоящим историческим подчеркнутую форму настоящего времени в следующем отрывке: «...wziął miał... Przyjechał pierwszy do Raju, *pyta*, gdzie owies rozdają... Mało co ten od Suderwie odjechał, ali drudzy *bieżą*, wyścigając sie i pytając: A owies jest? On odpowiedział, że *jest*» (D, 221).

Подчеркнутая форма настоящего несовершенного в придаточном дополнителном выражает прошедшее действие, так же как и другие формы настоящего в приведенном отрывке. Однако, в противоположность другим формам, она является единственно возможной и не подлежит замене; эта форма настоящего времени является специальным средством для обозначения одновременности действию главного предложения.

Здесь перед нами относительное употребление формы настоящего времени, которая обозначает прошедшее действие одновременное другому прошедшему, и мы не считаем возможным отнести ее к настоящему историческому.

В связи со всем сказанным остановимся на термине «непрямое употребление» для обозначения настоящего исторического в противоположность прямому употреблению форм настоящего времени, с одной стороны, и относительному употреблению форм настоящего времени в придаточных предложениях, с другой стороны.

Исследователями неоднократно подчеркивалось то обстоятельство, что использование настоящего исторического является стилистическим средством, которое применяется в различной степени в зависимости от жанра произведения и художественной манеры автора. Описательный по преимуществу характер произведения Гурницкого не вызывает необходимости прибегать к этому средству. Поэтому все случаи использования настоящего исторического сосредоточены в той части книги, где действующие лица в коротких живых рассказах дают наглядные примеры-иллюстрации к рассуждениям автора.

В тесной связи с настоящим историческим находится настоящее сценическое, под которым принято понимать настоящее авторских ремарок в драматических произведениях. И в том и в другом случае это «фиктивное» настоящее; различие состоит в том, что при использовании настоящего сценического перед глазами читателя проходят события, созданные воображением автора, а не имевшие место в прошлом.

Что же касается закономерностей употребления форм настоящего времени, то в настоящем сценическом и в настоящем историческом наблюдается много общего. Э. Кошмидер, имея в виду факты современного польского языка, пишет, что смена действий в настоящем сценическом обозначается посредством форм настоящего от глаголов несовершенного вида⁴⁰. Лишь в том случае, когда нужно подчеркнуть внезапность наступившего действия, язык может прибегнуть к форме совершенного вида, однако это всегда форма прошедшего времени, а не настоящего.

Это положение интересно сопоставить с тем, которое имело место в XVI в. Примеры показывают, что формы настоящего совершенного употреблялись тогда регулярно при обозначении смены событий. Ср. предшествующее действие в следующих случаях: «Tu Pan Bog *przyzowie* assessorów niebieskich ku sobie, a Michałowi *każe* odpierać rzeczą» (P, 72); «Tu czarci *rozwiną* dekret; *czytają* głosem, który stoi folio. Gdy

⁴⁰ E. Koschmieder, Указ. соч., стр. 107.

przeczcili, *proszą*, aby byli według jego zachowani» (P, 74); «Belial pocznie się miotać, zgrzytając zęboma na ś. Michała, żądając nań winy o przymówki. Ale Rafael, kanclerz boży, *każe* wszem pomilczeć. I stało się wielkie milczenie w niebie...» (P, 86); «Przydzie postawa, *powiada* poselstwo...» (P, 12). Формы настоящего совершенного обозначают здесь конкретные единичные действия, как и в настоящем историческом: «Tu święty Michał *ukaże* Pana Krystusa, siedzącego na grawicy...» (P, 76); «Tu Pan Bóg *rozkaże* Gabryelowi, referendarzowi, czytać list wierzący, w ty słowa pisany:...» (P, 24); «Tu czarci *wnidą* w radę, powiadając sobie rozmaite wota około naścia na ich miejsca Pana Krystusa, od Boga oprzywilejowane» (P, 69); «Pan Bog *rozkaże* mówić i sprawować rzecz, jedno z obyczajem, czartom» (P, 34); «Belial *przerwie* rzecz, mówiąc...» (P, 38). Число этих примеров легко можно увеличить.

Таким образом, следует отметить, что при обозначении настоящего сценического формы настоящего времени совершенного вида употреблялись в XVI в. гораздо шире, чем в современном языке.

Анализ употребления форм настоящего времени в польском языке XVI в. позволяет сделать следующие выводы:

1. Прямое употребление форм настоящего времени несовершенного вида противопоставляется относительному употреблению, когда временное значение формы настоящего времени в придаточной части сложноподчиненного предложения определяется временем действия глагола-сказуемого главной части предложения и зависит от синтаксических связей временных форм в рамках данной конструкции. Прямое и относительное употребление в таком понимании исключают друг друга.

2. Прямое употребление противопоставлено также непрямому, переносному употреблению форм настоящего времени в *praesens historicum*. В отличие от относительного употребления не прямое употребление (настоящее историческое) не связано с какой-либо определенной синтаксической конструкцией, соотносится не с отдельным действием, а с планом прошедшего в целом и является стилистическим средством языка.

3. Употребление форм настоящего времени несовершенного вида в их прямом, собственно-временном значении не исключает возможности выражения этими формами одновременности или предшества — последовательности относительно другого действия в различных типах предложений.

Г. К. Венедиктов

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВИДОВЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

I. С точки зрения морфологических типов видовых корреляций во всех славянских языках интерес представляют не все приставочные глаголы, обозначающие понятие движения как перемещения в пространстве, а лишь те из них, простые основы которых составляют (или составляли) два ряда семантически (а в большинстве случаев и морфологически) соотносительных глаголов типа ст.-сл. *нести—носить*, ити—*хѹдити*; русск. *нести—носить*, *идти—ходить*; польск. *nieść—nosić*, *iść—chodzić*. Особенность современного болгарского литературного языка сравнительно, например, со старославянским или русским, заключается в отсутствии глаголов несовершенного вида с морфологическим строением, соответствующим ст.-сл. *прихѹдити*, русск. *приходить*, и в последовательной замене их новыми, производными образованиями. Вследствие этого в современном болгарском литературном языке уже не представлен старый тип видовой корреляции вроде ст.-сл. *прити—прихѹдити* или русск. *прити—приходить*. Вместо него находим новый тип корреляции — с производными суффиксальными образованиями, а именно тип *дойда—дохождам* или *доведа—довеждам* (с разными основами производных глаголов). Эту особенность уже отмечали Др. Матеев¹ и в самое последнее время Л. Андрейчин². В некоторых говорах, правда, и в настоящее время еще употребляются старые образования типа *приходя* (несов. в.).

Наибольший интерес для нас представляют корреляции глаголов совершенного вида с основами *-веда*, *-влека*, *-ляза*, *-неса*, *-ида*, образующих в зависимости от морфологического строения имперфективных членов два типа корреляций. Описание корреляций именно этих глаголов и составляет предмет настоящей статьи. Что касается глаголов совершенного вида с другими основами, этимологические корреспонденты которых в других славянских языках образуют группу так называемых определенно-моторных глаголов, то мы на них останавливаться не будем, поскольку они образуют обычный тип корреляций со своими же производными (например, *отлетя—отлечам* или *отлетя—отлетявам*). Не рассматриваются здесь и корреляции, перфек-

¹ Др. Матеев. Елементите пространство и време в историята на глаголните видови значения. — «Slavia», гоџ. XIV, 1936—1937, стр. 1—42; его же. Семантиката на глаголните представки и нейното отношение към видовото значение на глаголните. — ИИБЕ, кн. I, 1952, стр. 65—91.

² Л. Андрейчин. Към морфологичната характеристика на видовата система в съвременния български език. — «Славистичен сборник», т. 1, София, 1958, стр. 260 и сл.

тивный член которых составляют глаголы совершенного вида типа *заносся, изходя* (с так называемой неопределенно-моторной основой). И в этом случае имеем обычный тип корреляции (*заносся—заносвам* и пр.).

II. Морфологический тип видовых корреляций определяется морфологическим строением их членов (перфективного и имперфективного). С этой точки зрения корреляции глаголов движения совершенного вида с указанными основами следует разделить на два основных типа: во-первых, корреляции с имперфективным членом, который представляет собой приставочный глагол, образованный путем префиксации (тип *донеса—донося*), и, во-вторых, корреляции с имперфективным членом, который представляет собой производный приставочно-суффиксальный глагол, образованный а) от соответствующего глагола совершенного вида в результате имперфективации (тип *донеса—донисам* и под.) или б) от глагола несовершенного вида с так называемой неопределенно-моторной основой в результате суффиксации, которую можно было бы назвать мнимой имперфективацией (тип *донеса—донасям*).

А. Корреляции с имперфективным членом, представляющим собой приставочный глагол, образованный путем префиксации от так называемых неопределенно-моторных основ (тип *донеса—донося*)³.

Данный тип корреляции современному литературному языку и большинству современных говоров не известен ввиду отсутствия соответствующих образований несовершенного вида. Представлен он преимущественно в западных говорах, в частности, в говорах бывших околий: Софийской, Разложской, Кюстендильской, Станке-Димитровской, Трынской, Ломской, а также в говорах Пирдопа, Клисурь и др.⁴, и иногда в некоторых фракийских говорах, например, в говоре г. Малко Тырново: Слънцето трепера, трепера *заходи* (Гр. сб., VIII, с. 100). Редко можно встретить такие глаголы и в художественных произведениях XIX в. См., например, у Т. Влайкова, язык произведений которого отражает говор Пирдопа: «Когато обядват или вечерят, тя ще да шъта и *принеси* . . .» («Дядовата славчова унука»). Также у И. Вазова: «—Захария Стоянов ме е описал в историята си . . . Когато *доходи* тука, разказах му хиляди работи . . .» («Великата Рилска пустиня»). Глаголы такого строения и видового значения приводятся и в старых словарях, например, в словаре А. Дювернуа (*внося, относя, принося, разнося, снося, изводя, производя, разводя* и др.), в словаре Н. Герова (*износя, доходя, отходя, превъзходя, влазя* и др.).

Надо иметь в виду, что в говорах, где употребляются формы типа *приходя* несов. в., употребляются (и гораздо шире) и обычные для современного болгарского языка производные формы типа *донисам, донасям*.

Б. Корреляции с имперфективным членом, представляющим собой производный, приставочно-суффиксальный глагол (общий тип *донеса—донисам* или *донеса—донасям*).

³ В дальнейшем изложении, говоря о конкретных корреляциях, мы будем указывать (для краткости) лишь их имперфективный член, т. е. производный глагол несовершенного вида. Примеры из старых словарей даются в современном написании.

⁴ Отдельные примеры употребления этих форм в некоторых из этих говоров указаны Др. Матеевым (см.: «Елементите . . .», стр. 27—28; «Семантиката . . .», стр. 85). Мы располагаем значительной коллекцией таких примеров, которые за недостатком места здесь не приводим.

Эти корреляции подразделяются на два подтипа, которые различаются основной производных глаголов, выступающих в качестве имперфективных членов корреляции. Кроме того, каждый из этих подтипов имеет ряд разновидностей, которые выделяются по формальным признакам, связанным с имперфективацией глаголов совершенного вида типа *донеса* или суффиксацией (= мнимой имперфективацией) глаголов типа *донося* несов. в. Рассмотрим эти морфологические типы корреляции.

1. Видовые корреляции с имперфективным членом, образованным с помощью суффикса имперфективации от глагола совершенного вида с так называемой определенно-моторной основой (типа, например, *донеса—донисам*).

а) Корреляция типа *донеса—донесвам*, т. е. с имперфективным членом, образованным с помощью суффикса *-ва-*.

Такой тип корреляции образуют глаголы совершенного вида с основами *-неса*, *-ида*, *-ляза*, *-веда*, *-влека* и производные от них глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ва-*. Производные с основой *-неса*: *донесвам* (МлТР., Д., Г.), *принесвам* (Д., Г.) *отнесвам* (Д.), *изнесвам*, *нанесвам*, *пренесвам*, *снесвам* (Г.). С основой *-ида*: *отивам(си)*, *разотивам се*⁵, *поидвам(си)* (АкР.), *заидвам* (АкР., МлТР.), *зайдвам* (МлТР.), *найдвам* [Д.; в АкР. отсутствует, но см., например, у К. Христова: «... Сърцето пламенно не *найдва* мир в гърди» (Песен на Балкана, IV)], *изнайдвам* (МлТР.), *обидвам* (Г.), *разидвам се* (Д.), *приидвам* (Д., Г.). Таким же производным является и *додвам*⁶. С основой *-ляза*: *заялявам* (АкР. и др.), *излявам*, *изнаизлявам*, *заполявам* (МлТР.), *влявам*, *възлявам*, *слявам* и др. (Г., Д.). С основой *-веда*: *наведвам* (Г.). С основой *-влека*: *въвляквам* (МлТР.), *навляквам* (Г.).

В современном литературном языке такой тип корреляции образуют только глаголы *отида(си)—отивам(си)* (resp. *разотида се—разотивам се*), *заида—заидвам* 'начать, начинать идти', *поида(си)—поидвам(си)* и *заяля—заялявам* 'зайти, заходить' (о солнце, луне). Остальные глаголы образуют такую корреляцию за рамками норм литературного языка.

б) Корреляция типа *нанеса—нанесувам*, т. е. с имперфективным членом, образованным с помощью суффикса *-ува-*.

Такой тип корреляции образуют глаголы совершенного вида с основами *-неса*, *-ида*, *-ляза*, *-веда*, *-влека* и производные от них глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ува-*. В современном литературном языке этот тип корреляции отсутствует⁷. Производные глаголы такого строения употребляются в говорах. Находим их и в ряде словарей. Например, с основой *-неса*: *нанесувам*, *принесувам* (Г.); с основой *-ида*: *зайдвам*, *изнайдувам* (МлТР.), *разидувам се* (Д.); с основой *-веда*: *изведувам*, *изпреведувам* (МлТР.); с основой *-влека*: *навлякувам* (Г.).

в) Корреляция типа *донеса—донисам*, т. е. с имперфективным членом, образованным с помощью суффикса *-а-* при чередовании гласных звуков в корне.

⁵ Образование формы *отивам* (resp. *разотивам се*) обычно объясняют так: *отивам* из *отидвам* (< *отид* + *ва* + *м*) вследствие выпадения *д*.

⁶ См. L. Miletic. Das Ostbulgarische, Wien, 1903, стр. 107—108. Форма *додвам* могла возникнуть двумя путями: *дод* (< *дойд-*) + *ва* + *м* или *дойдвам* (< *дойд* + *ва* + *м*) с последующим выпадением *й*, если, конечно, она не образовалась из *догодвам* > *доодвам* > *додвам*.

⁷ В современном литературном языке безударный суффикс имперфективации *-ува-* встречается редко и является архаическим. Таковы и образования с этим суффиксом.

Данный тип корреляции образуют глаголы совершенного вида с основами *-неса*, *-веда*, *-ляза*, *-влека* и производные от них глаголы несовершенного вида с суффиксом *-а-*. Производные с основой *-неса* (образуются при чередовании *e* || *и* в корне: *-неса* > *-нис+а+м*): *внисам*, *изнисам*, *занисам* и многие другие (см. АкР., ТР. и др.); с основой *-веда* (с тем же чередованием гласных: *-веда* > *-вид+а+м*): *завидам* (МлТР., Г.), *извидам* (Тр. сб., VI, стр. 89); с основой *-влека* (с тем же чередованием гласных: *-(в)лека* > *-(в)лик+а+м*): *стыбликам* и под., употребляемые в говорах некоторых сел бывшей Бургасской области. С основой *-ляза* [при чередовании гласных *a* || *и* (на месте старого *ѣ* || *и*) в корне]: *влизам*, *възлизам*, *зализам*, *излизам*, *слизам* и некоторые другие. В литературном языке такую корреляцию образуют лишь некоторые глаголы с основой *-ляза/-лизам*: *вляза—влизам*, *изляза—излизам*, *сляза—слизам*, *възляза—възлизам*; ср. *заяза—зализам* (диал.). Формы с основой *-нисам* являются диалектными⁸. Таковы же и образования с другими основами.

г) Корреляция типа *доведа—довеждам*, т. е. с имперфективным членом, образованным с помощью суффикса *-а-* (из старого *-ја-*) при чередовании конечного согласного основы.

Такой тип корреляции образуют глаголы совершенного вида с основами *-веда* и *-ида* и производные от них глаголы несовершенного вида с суффиксом *-а-* и чередованием *ѳ* || *жд* в обеих основах. Данная корреляция для глаголов совершенного вида с основой *-веда* в литературном языке является основной. См. производные такого строения *въвеждам*, *извеждам*, *завеждам*, *навеждам* и многие другие в АкР. и других словарях. Корреляция такого типа с основой *-ида/-иждам* в литературном языке отсутствует. Производные глаголы указанного образования встречаются редко. См.: *възиждам* (МлТР., Г.), *разиждам се* [(АкР., с пометой «народное»); (Д., Г.)], *обиждам* [АкР., с пометой «народное»]; (Г.)], *отиждам* (см. СбНУ, XII, стр. 68) и некоторые другие.

д) Корреляция типа *въвлека—въвличам*, т. е. с имперфективным членом, образованным с помощью суффикса *-а-* (из старого *-ја-*) при чередовании гласных *e* || *и* и согласных *к* || *ч* в корне (в рупских говорах: *к* || *ц*).

Такую корреляцию имеют только глаголы совершенного вида с основой *-влека* и производные глаголы указанного образования (*въвличам*, *извличам*, *завличам* и под.). Для глаголов с основой *-влека* этот тип в литературном языке является основным.

е) Корреляция типа *донеса—донисвам*, т. е. с имперфективным членом, образованным с помощью суффикса *-ва-* при чередовании гласных в корне.

Данный тип корреляции, отсутствующий в литературном языке, образуют глаголы с основами *-неса* и *-ляза*. Производные глаголы

⁸ Сравнительно широкое проникновение таких форм в литературный язык вынуждает болгарских языковедов отмечать диалектный характер этих форм даже в учебных пособиях. См., например: Л. Андрейчин, М. Иванов, К. Попов. *Съвременен български език*, ч. II. Учебник за I и II курс на учителските институти. София, 1957, стр. 30. Ср., однако, непоследовательность в стилистической характеристике этих форм в АкР., где, например, *отнисам*, *нанисам(се)* и др. даны без каких-либо помет, а, например, формы *внисам*, *нанисам*, *понисам(се)* сопровождаются пометой «диалектное», формы *навнисам*, *поднисам* и др. — пометой «народное». То же и в ТР.: без помет приведены *внисам*, *наднисам*, *отнисам*, *пренисам*, *разнисам*, *унисам се*; с пометой «областное» приведены: *донисам*, *занисам*, *понисам*, некоторые формы (*изнисам*, *принисам* и др.) вообще не указаны.

такого образования (*донисвам; влизвам, зализвам*) см. в словаре Н. Герова⁹.

ж) Корреляция типа *донеса — доневам*.

Отличительной особенностью этой разновидности корреляции является то, что ее имперфективный член образован от основы сокращенного инфинитива (*доне* и под.) путем присоединения суффикса *-ва*¹⁰, а не от полной основы *донес-* и под. Такого рода производные образуются от глаголов с основами *-неса, -ляза, -веда* (собственно, от сокращенных инф. *-не, -ля, -ве*). Данное образование оформилось по аналогии с глаголами типа *заболявам, изтърпявам, изпивам* и др., в которых по отчленении суффикса имперфективации остается основа (*заболя-, изтърпя-, изпи-*), равная сокращенному инфинитиву (*заболя-, изтърпя, изпи*; ср. инф. *доне, изля* и под.)¹¹.

Этот тип корреляции литературному языку не известен. Производные глаголы такого строения *доневам, заневам, излявам, флявам* и под. употребляются в юго-восточных говорах. Приводят их словари А. Дювернуа, Н. Герова, Ст. Младенова. Надо отметить, что если глаголы с основами *-ляза (излявам и др.)* и *-неса (доневам и под.)* употребляются в говорах широко, то глаголы с основной *-веда* встречаются очень редко. См., например, *пувевж* (СБНУ, XXV, 78).

2. Видовые корреляции с имперфективным членом, образованным от приставочного глагола несовершенного вида с так называемой неопределенно-моторной основой (общий тип: *донеса — доносям*).

а) Корреляция типа *донеса — доносям*, т. е. с имперфективным членом, образованным от глаголов типа *донося* несов. в. с помощью суффикса *-а-*.

Такой тип корреляции образуют глаголы совершенного вида с основами *-неса, -ида, -ляза, -веда, -влека* и тождественные им по лексическому значению производные глаголы данного строения от глаголов с основами геср. *-нося, -ходя, -лазя, -водя, -влача*. Такие производные употребляются в современных говорах. Находим их в некоторых словарях. Производные с основой *-нося (> -нос' + а + м)*: *вносям, въносям(се), износям, относям, подносям* и др. (Г., Д.), *приносям* (Тр. с пометой «областное»); с основой *-ходя (> -ход' + а + м)*: *отходям, приходям* и др. (Г.), *заходям* (Тр. сб., VII, стр. 207), *доходям* (там же, стр. 9, 95) и др.¹²; с основой *-лазя (> -лаз' + а + м)*: *влязам, възлязам, излязам,*

⁹ Иначе, а именно путем имперфективации глагола *засливам* сов. в. (не **засляза*) образован двупривставочный глагол *заслизвам* (см., например, у Т. Влайкова в «Преживаното», т. 2: «*Заслизваме* по един доста стръмен склон»).

¹⁰ К. Мирчев. Неврокопский говор. — Годшник на Софийския ун-т, кн. 32, Ист.-филол. ф-т, 1936, стр. 101. Первоначально К. Мирчев полагал, что формы типа *доневам* образованы в результате простого сокращения (выпадения *-со-*) форм типа *донесовам* (см. его статью: «Стари и нови итератива в източно-македонските говори». — Списание на БАН, кн. 50, Клон ист.-фил. и филос.-общ., 24, 1934, стр. 214).

¹¹ Г. К. Венедиктов. О «следах» старого сигматического аориста в современном болгарском языке. — ВЯ, 1959, № 5, стр. 68. Мнение некоторых ученых, видящих в формах типа *доневам* основу старого сигматического аориста с удлинением гласного корня (*-нѣ-*), нам представляется не убедительным по тем же соображениям, какие изложены нами в данной статье в отношении аористных форм *донех, излях* и под.

¹² Во многих говорах, в частности юго-восточных, коларовградском и других, вместо глаголов с мягким конечным согласным основы, какими являются *доходям [дохѡд'ам]* и под., употребляются глаголы с твердым согласным типа *доходам*. Относительно образования этих последних существуют разные точки зрения. Так, некоторые ученые полагают, что формы типа *доходам* образовались из форм типа *дохождам* вследствие вторичного восстановления зубного согласного (см., на-

слазям, произлазям и др. (см. АкР., ТР., Г., Д.); с основой *-водя* (> *-вод' + а + м*): *доводям* (МлТР.), *наводям, приводям, сводям* (Г., Д.); с основой *-влача* (> *-влач + а + м*): *въвлачам, провлачам, свлачам* (ТР.), *извлачам* (Д.), *развлачам, подвлачам, завлачам* и др. (Г.) и пр. Рассматриваемый тип корреляции в литературном языке представлен лишь глаголами с основами *-ляза* и *-лазям*, например, *вляза — влязям* и под. Впрочем, надо заметить, что современные толковые словари по-разному оценивают правомочность употребления глаголов *влязям* и под. в литературном языке. Ср., например, помету «диалектное» при *влязям* в АкР. и *влязям* без пометы в ТР.¹³, *слазям* и *въслазям* с пометой «областное» в ТР. и там же без помет *излазям* и отмеченная уже форма *влязям*.

б) Корреляция типа *донеса — доносям*, т. е. с имперфективным членом, образованным от глаголов типа *донося* несов. в. с помощью суффикса *-а-* при чередовании гласных *о || а* в корне.

Такой тип корреляции образуют глаголы совершенного вида с основами *-неса, -ида* и тождественные им в лексическом отношении производные глаголы данного строения с основами гесп. *-нося* (> *-нас' + а + м*) и *-ходя* (> *-хад' + а + м*). С основой *-нося*: *внесям, доносям, изнасям, занасям* и многие другие (см. АкР. и прочие словари). Эти производные установились в современном литературном языке как основная форма имперфективного члена в корреляциях глаголов совершенного вида с основой *-неса*. Такие же глаголы обычны и в говорах. Производные с основой *-ходя*: *отхадям, прехадям* (Г.), *отвадям* (= *отхадям*; Д.). См. также и в современных говорах (с отвердевшим конечным согласным основы): *дохадам* (Тр. сб., VII, стр. 397, 539 и др.), *доадам* (= *дохадам*), *отвадам* (= *отхадам*, ИИБЕ, IV, стр. 137, 163) и др. Корреляция данного типа с глаголами на *-ида* и *-хадям* (*-хадам*) в литературном языке отсутствует.

в) Корреляция типа *внеса — вносам*, т. е. с имперфективным членом, образованным от глаголов типа *внося* несов. в. с помощью суффикса *-ва-*.

Этот тип корреляции, отсутствующий в современном литературном языке, образуют глаголы совершенного вида с основами *-неса, -ляза* и глаголы несовершенного вида указанного строения с основами гесп. *-нося, -лазя*. Последние отмечены в некоторых словарях. С основой *-нося* (> *-нос + ва + м*): *вносам, възносам* (МлТР., Г.), *приносам, сносам, уносам(се)* и др. (Г.), *износам, приносам, разносам(се)* и др. (Д.). С основой *-лазя* (> *лаз + ва + м*): *влязvam* (МлТР., Д.), *излазvam* (МлТР.), *навлязvam* (Г., Д.), *наизлазvam* (Г.) и др.

пример: L. Miletić. Die Rhodopemundarten. Wien, 1912, стр. 70). По мнению К. Мирчева глаголы *доходам* и под. в рупских говорах образовались вследствие сокращения форм типа *доход'овам* (> *доходвам* > *доходам*). См. его работу «Стари и нови iterativa...», стр. 214. Нам представляется, что и глаголы типа *доходам*, как и глаголы типа *дохадам*, о которых речь идет ниже, образованы обычным путем, т. е. путем присоединения суффикса *-а-* к глаголам типа *доходя* несов. в. с конечным мягким согласным основы (ср.: *доход'а*) с последующим его отвердением (согласно общей тенденции отвердения согласных в такой позиции во многих говорах). Ср. и мнение Хр. Кодова («Език на тракийските българи». — Тр. сб., VI, стр. 43, 44, 56, 109).

¹³ Орфографический словарь (Л. Андрейчин, Вл. Георгиев, Ив. Лекков, Ст. Стойков. Правописен речник на български книжовен език. Трето преработено официално издание. София, 1954) также регламентирует употребление формы *влязям* в литературном языке. Наоборот, в учебном пособии для учительских институтов глаголы с *-лазям* признаются диалектными (см.: Л. Андрейчин, М. Иванов, К. Попов. Указ. соч., стр. 30).

г) Корреляция типа *внеса* — *вносувам*, т. е. с имперфективным членом, образованным от глаголов типа *внося* несов. в. с помощью суффикса *-ува-*.

Этот тип корреляции, также отсутствующий в современном литературном языке, образуют глаголы совершенного вида с основами *-неса*, *-ляза* и глаголы несовершенного вида указанного строения с основами гесп. *-нося*, *-лазя*. Глаголы несовершенного вида находим в словаре Н. Герова. С основой *-нося* (> *-нос + ува + м*): *вносувам*, *вносувам*, *приносувам*, *разносувам*; с основой *-лазя* (> *лаз + ува + м*): *излазувам*.

д) Корреляция типа *донеса* — *донасвам*, т. е. с имперфективным членом, образованным от глаголов типа *донося* несов. в. с помощью суффикса *-ва-* при чередовании гласных в корне.

Данный тип корреляции в современном литературном языке также отсутствует. Его образуют лишь глаголы совершенного вида с основой *-неса* и гесп. глаголы несовершенного вида с основой *-нося*. Глаголы несовершенного вида такого образования (*-нося* > *-нас + ва + м*) находим в словарях: *донасвам* (МлТР., Д., Г.), *изнасвам*, *принасвам* (Д., Г.).

е) Корреляция типа *дойда* — *дохождам*, т. е. с имперфективным членом, образованным от глаголов типа *доходя* несов. в. с помощью суффикса *-а-* (из старого *-ја-*) при чередовании конечных согласных основы.

Такой тип корреляции образуют глаголы совершенного вида с основами *-ида*, *-веда*, очень редко с основой *-неса* и глаголы указанного строения с основами гесп. *-ходя*, *-водя* и *-нося*. Образование производных от глаголов с основой *-ходя* и *-водя* сопровождается чередованием *д // жд* (*-ходя* > *-хожд + а + м*, *-водя* > *-вожд + а + м*), а от глаголов с основой *-нося* — чередованием с *// ш* (*-нося* > *-нош + а + м*) в корне. Производные такого строения от глаголов с основами *-ходя* и *-водя* представлены в болгарском языке значительным числом. Например, с основой *-ходя*: *дохождам*, *захождам*, *възхождам*, *нахождам(се)*, *прихождам*, *прехождам*, *отхождам* и др., а также и двухприставочные — *произхождам*, *превъзхождам*, *надохождам* и под.¹⁴ С основой *-водя*: *въвождам*, *завождам*, *извождам*, *навождам(се)*, *привождам*, *превождам* и др. (Г., Д.), *разведа* — *развождам* (ТР.). С основой *-нося* отмечен единичный пример в словаре Н. Герова: *заношам* (у него: *заношамъ*). Рассматриваемый тип корреляции в современном литературном языке образуют лишь глаголы *дойда* — *дохождам* и *зайда* — *захождам*. Остальные указанные глаголы образуют эту корреляцию за рамками строгих норм современного литературного языка, хотя многие из производных глаголов, в частности *отхождам* и целый ряд глаголов с основой *-вождам* (*превождам*, *извождам* и др.), и употребляются в художественных произведениях, особенно XIX в.

ж) Корреляция типа *дойда* — *дохождам*, т. е. с имперфективным членом, образованным от глаголов типа *доходя* несов. в. с помощью суффикса *-а-* (из старого *-ја-*) при чередовании гласных и согласных в корне.

Такой тип корреляции представлен глаголами совершенного вида с основами *-ида* и *-веда* и производными глаголами несовершенного

¹⁴ Не все из этих глаголов могут выступать в качестве имперфективного члена корреляций. Так, например, *изхождам* ['исходить из чего-либо', в переносном значении, ср. русск. *исходить* (из послылок, данных и т. п.)], *подхождам*, *предхождам* оказываются глаголами *imperfectiva tantum*, так как глаголы **подида*, **предида* в болгарском языке отсутствуют вообще, а глагол *изидида* не имеет указанного здесь значения глагола *изхождам*.

вида, образованными от указанных основ с помощью суффикса *-а-* при чередовании гласных *о//а* и согласных *д//жд* в корне (*-ходя* > *-хайд+а+м*, *-водя* > *-вайд+а+м*). Производных глаголов такого строения меньше, и они встречаются значительно реже, чем производные предшествующей корреляции. С основой *-ходя*: *дождам*, *отждам* (Г., Д.), *преждам*, *наждам* (Г.), *вждам* (Д.) и др.; с основой *-водя*: *доваждам*, *изваждам*, *проваждам* (Г.). В современном литературном языке такую корреляцию образуют лишь глаголы *дойда* — *дохаждам* (гесп. *надойда* — *надохаждам*).

з) Корреляция типа *дойда* — *дохудям* (*дохудам*), т. е. с имперфективным членом, образованным от глаголов типа *доходя* несов. в. с помощью суффикса *-а-* при чередовании *о//у* в корне.

Этот тип корреляции образуют только глаголы совершенного вида с основой *-ида* и производные от глаголов с основой *-ходя*. В литературном языке такая корреляция отсутствует.

Производные глаголы такого строения употребляются во фракийских говорах. См., например, 3 л. ед. ч. *доудя* (Тр. сб., VII, стр. 525) и более многочисленные глаголы с твердым конечным согласным основы типа *духудам*, *утудам* и др.¹⁵

и) Корреляция типа *дойда* — *дохуждам*, т. е. с имперфективным членом, образованным от глаголов типа *доходя* несов. в. с помощью суффикса *-а-* при чередовании гласных *о//у* и согласных *д//жд* в корне (*-ходя* > *-хужд+а+м*).

И этот тип корреляции, отсутствующий в литературном языке, образуют только глаголы совершенного вида с основой *-ида* и производные указанного строения от глаголов с основой *-ходя*. Такие производные встречаются в некоторых юго-восточных говорах. Например: *доюждам* (= *дохуждам*; Тр. сб., VII, стр. 40), *духуж'дам* (Тр. сб., VI, стр. 46) и др.

III. Система видовых корреляций интересующих нас глаголов движения, таким образом, довольно сложна. Эта сложность обусловлена наличием глаголов несовершенного вида разного морфологического строения, выступающих в качестве имперфективного члена корреляции и представляющих результат широкого использования формальных средств, которыми располагает для их образования язык. Мы видели, что, с одной стороны, в такой функции все еще употребляются (преимущественно в западных говорах) старые образования типа *донося* несов. в. С другой стороны, в такой функции употребляются новые, производные глаголы, отличающиеся как типом исходной, простой основы, так и суффиксами, с помощью которых они образуются от соответствующих приставочных глаголов совершенного вида (ср. *донесам*, *донисам* и др. из *донеса*) или несовершенного вида (ср.: *доносям*, *донасям* и др. из *донося* несов. в.). Эти новые образования несовершенного вида употребляются в функции имперфективного члена корреляций в литературном языке и во всех говорах. Следовательно, глаголы совершенного вида с одной и той же исход-

¹⁵ См.: Хр. Кодов. Език на тракийските българи. — Тр. сб., VI, стр. 43, 44, 56, 109; Ст. Младенов. Принос към изучаване на българските говори в Источна и Западна Тракия. — Там же, стр. 39, 40. Эти глаголы, а также и рассматриваемые ниже глаголы типа *дохуждам*, интересны, в частности, с точки зрения их вокализма: *у* на месте *о* при отсутствии, как известно, регулярного чередования ударенных *о* и *у* в болгарском языке. Ср. различное истолкование этого явления у Хр. Кодова (указ. соч., стр. 35) и Ст. Младенова (указ. соч., стр. 39, 40).

ной простой основой образуют корреляции с глаголами несовершенного вида разного морфологического строения. Так, глаголы совершенного вида на *-ида* образуют корреляцию с глаголами несовершенного вида на *-и(д)вам, -идувам, -иждам; -ходям, -хадям, -хождам, -хаждам, -худям, хуждам*, а также и со старыми образованиями на *-ходя*. Глаголы с основой на *-веда* — с глаголами на *-ведвам, -ведувам, -видам, -веждам; -водям, -вождам, -важдам*, а также и со старыми образованиями на *-водя*. Глаголы с основой *-неса* образуют корреляции с глаголами на *-несвам, -несувам, -нисам, -нисвам, -носям, насям, -носувам, -носувам, -насувам, -ношам* и старыми глаголами на *-нося*. Многообразны корреляции и глаголов с другими основами.

Не все рассмотренные нами типы корреляций в равной мере употребительны. Одни глаголы образуют преимущественно один тип корреляции, другие — другой (ср., например, в литературном языке: *донеса — доносям*, но *доведа — довеждам*). Однако общей и наиболее характерной особенностью корреляций всех этих глаголов в современном болгарском языке является употребление в качестве имперфективного члена производных образований типа *доносям, донесвам* и под. вместо старых типа *донося*. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о причине и времени утраты (почти полной) в болгарском языке старых образований типа *донося* несов. в. и замены их новыми, производными. Но прежде чем приступить к этому вопросу, следует коротко остановиться на способе образования глаголов типа *донося* несов. в.

IV. В вопросе о способе образования болгарских глаголов типа *донося* несов. в. мы присоединяемся к традиционному объяснению образования глаголов подобного морфологического строения в других славянских языках, а именно — как глаголов, образованных присоединением приставок к так называемым неопределенно-моторным основам. Такого взгляда применительно к русск. *доносить, приходить* и под. придерживаются многие ученые вплоть до самого последнего времени¹⁶. Так же объясняются и ст.-сл. *доносити, приходити* и др.¹⁷ В последнее время, однако, ряд авторов предлагает иное объяснение образования этих глаголов. Так, Н. Я. Янко-Триницкая считает, что русск. *доносить* несов. в., *приходить* и под. образованы не путем префиксации основ *носить, ходить* и др., а путем производства их от тождественных им по лексическому значению глаголов совершенного вида *донести, придти* и др., подобно тому как образуются прочие производные глаголы несовершенного вида¹⁸. Такое же объяснение аналогичных польских форм (*przychodzić* и под.), а также и суффиксальных типа *przylatywać* находим в диссертации Э. Н. Стрекаловой¹⁹. Надо сказать, что такое объяснение предлагалось и ранее. Еще

¹⁶ См., например: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 474; его же: Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 185, 186; В. В. Виноградов. Русский язык, М., 1947, стр. 525; Е. В. Чешко. Словообразование глаголов движения в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1947, стр. 84 и др.; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, стр. 178; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1946, стр. 173; Грамматика русского языка, т. I. М., АН СССР, 1952, стр. 462 и другие работы.

¹⁷ См., например: A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954, стр. 510 и след.

¹⁸ Н. Я. Янко-Триницкая. Особенности префиксации глаголов движения. — Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. Потемкина, т. 22, 1953, стр. 53 и след.

¹⁹ Э. Н. Стрекалова. Словообразование глаголов движения в современном польском языке. Канд. дисс. М., 1955, стр. 89, 146 и др.

в 20-е годы А. Белич писал, что сербо-хорватские формы типа *навозити* несов. в. образованы не путем префиксации соответствующих простых основ, а путем производства их от глаголов типа *навести* сов. в.²⁰ Такое же объяснение А. Белич предлагал и для русских глаголов типа *приходить* несов. в. (у него указан глагол *выводить*)²¹.

Мы не будем в настоящей статье подробно останавливаться на анализе всех аргументов в пользу этой точки зрения. Укажем только, что доводы эти нельзя признать убедительными. По нашему мнению, А. Белич, Н. Я. Янко-Триницкая, а вслед за ней и З. Н. Стрекалова, смешивают два разных явления: само образование (производство) данного глагола от другого, так сказать, чисто деривационный момент в отношениях между глаголами, и образование двумя глаголами разного видового значения видовой корреляции, т. е. семантический момент в отношениях между этими глаголами. Ведь сам факт образования двумя данными глаголами видовой корреляции в современном языке еще не говорит о том, что эти глаголы связаны друг с другом и деривационно, т. е. являются один производящим, а другой — его производным. Достаточно сослаться на общеизвестные супплетивные пары типа русск. *брать* — *взять*, *ловить* — *поймать*, чтобы в этом убедиться. Никто не будет отрицать, что видовые отношения между этими глаголами такие же, как и между, скажем, *писать* — *написать*. Однако едва ли кто станет утверждать, что глаголы *взять*, *поймать* образованы от *брать*, *ловить*, подобно тому как глагол *написать* образован от *писать*. Совершенно очевидно, что глаголы *ловить* и *поймать*, *брать* и *взять* и под., существовавшие еще и до установления современной системы видовых отношений в русском языке, образуют видовую пару в результате определенных семантических преобразований в них. То же самое следует сказать и о видовых корреляциях глаголов движения типа русск. *прийти* — *приходить*, ст.-сл. *прити* — *приходити*. Видовые отношения, которыми связаны эти глаголы в старославянском или русском, сложились на базе других отношений, существовавших между ними еще до установления современных видовых отношений. Первоначально образование глаголов типа ст.-сл. *приходити* не было связано с глаголами типа *прити*²². У нас нет достаточных оснований утверждать, что глаголы типа русск. *приходить*, ст.-сл. *приходити* образовались только тогда, когда сама видовая система потребовала, чтобы при глаголе ст.-сл. *прити*, русск. *прийти*, т. е. глаголе уже совершенного вида, был глагол несовершенного вида. Если бы это было так, то непонятно, почему для этой цели используется другая основа, а не основа производящего глагола совершенного вида, потому что с точки зрения самой же видовой системы было бы логичней образовать производный глагол на общем основании, т. е. от глагола совершенного вида, чему нет никаких формальных препятствий (ср. современные болг. *довеждам* < *доведа*, *отивам* < *отида* и под.). Мы считаем, таким образом, что установление видовых корреляций между глаголами типа русск. *прийти* — *приходить*, ст.-сл. *прити* —

²⁰ А. Belić. Zur slavischen Aktionsart. — Streitberg Festgabe, Leipzig, 1924, стр. 5—6.

²¹ Указ. соч., стр. 6.

²² Ср. соображения на этот счет А. Достала, по мнению которого некоторые из глаголов типа *приходити* хронологически могли образовываться даже раньше глаголов типа *прити* (указ. соч., стр. 516).

приходить — это явление хронологически более позднее, чем само образование глаголов типа **приходить**, *приходить*.

Мы не можем поэтому согласиться и с утверждением о том, что глаголы типа русск. *приходить*, польск. *przychodzić*, а также суффиксальные типа польск. *przylatywać* и под. (ср. также и аналогичного строения болг. *донасям*, *дохождам* и под.) образованы от соответствующих глаголов совершенного вида путем «чередования основ»²³, когда под чередованием основ понимается, как в данном случае, чисто деривационный момент, именно: русск. *приходить* несов. в. образован от *прийти* сов. в. путем чередования основ *ид-//ход-*. Мы полагаем, что о «чередовании основ» здесь можно говорить лишь в том смысле, что для создания видовой корреляции в данном случае используются в современном языке глаголы движения с разными основами, деривационно между собой не связанные.

V. Вопросу о причине замены старых форм типа *донося* несов. в. новыми типа *доносям*, *доносам* и др. в болгарском значительное внимание уделяет Др. Матеев в указанных выше статьях. Причина этого, по его мнению, заключается в омонимии глаголов, обусловленной семантическим развитием приставок.

Первоначально, как известно, приставки имели чисто пространственные значения, и сочетания их с основами типа ст.-сл. *ходити*, *носити* и под. не меняли видового значения полученных сложных глаголов (ср. ст.-сл. *доносити*, *исходити* и прочие несов. в.). В дальнейшем приставки приобретают различные непространственные (временные и др.) значения. Соединяясь с этими же основами, приставки в их новых, непространственных значениях уже меняют вид сложных глаголов на совершенный (ср. болг. *занося* 'начать носить' и под.). Вследствие этого в языке возникают омонимичные глаголы с разным лексическим и видовым значением, например, *занося* несов. в. 'заносить' (за что-либо, куда-либо) и *занося* сов. в. 'начать носить'. Или, как пишет Др. Матеев, «под общим покровом формы *заносиши* умещаются два различных и противоречивых значения: пространственно-имперфективное ['заносить' (за что-либо, куда-либо — Г. В.)] и темпорально-перфективное ('начать носить')»²⁴. В результате форма *заносиши* становится «двусмысленной и, следовательно, ненадежной с точки зрения точности (несигурна откъм точност; разрядка автора — Г. В.). Тогда для первичного, пространственно-имперфективного значения возникает необходимость введения новой формы и вводится другая производная основа *занася-*, а для нового, темпорально-перфективного значения остается старая основа *заноси-*»²⁵. Замена старых форм новыми происходит постепенно. Был известный период, когда формы типа *занося* употреблялись в обоих значениях. Первоначально замена происходила лишь в тех случаях, где это вызывалось необходимостью, а именно, где «в результате семантического развития приставок получались общие, совпадающие по звуковому составу приставочные формы для двух значений: пространственного и суммарного (или темпорального); в случаях, где приставка

²³ Применительно к польскому материалу это утверждает З. Н. Стрекалова (указ. соч., стр. 89).

²⁴ Др. Матеев. Семантиката... стр. 81.

²⁵ Там же. Еще более определенно о времени появлении новых производных форм («в эту именно фазу двузначности» форм типа *заносиши*, *изходиши*) говорит Др. Матеев в статье «Елементите...», стр. 29.

сохраняла только свое первично-пространственное значение, замена не была нужна, но позднее все-таки она произошла и там — под влиянием и по аналогии со случаями, где она была вызвана необходимостью»²⁶. Например, форма *доносяш*, по мнению Др. Матеева, возникает «после того, как приставка *до-* приобрела и темпоральное значение» и сочетание ее в этом значении с основой *носиш* стало «совпадать со старым пространственно-имперфективным *доносиш* (нем. *heranbringen*)»²⁷. Форма *доносяш* возникает, чтобы «разграничить два отдельных значения общей старой формы»²⁸. По аналогии с подобными формами старые формы были заменены и в тех случаях, где они не выступали как общие формы с двумя значениями (*вносиш*, *относиш*, *въносиш*, *разносиш*, *приносиш* и т. д. заменяются соответственно формами *внесаш*, *отнесаш*, *вънесаш* и т. д.) и где, следовательно, не было «двусмыслия, которое бы вызывало необходимость введения новых форм»²⁹. Вывод, к которому приходит Др. Матеев, таков: «вследствие семантического развития приставок для первично-пространственных значений приставочных многократных форм (т. е. форм типа *донося* несов. в. — *Г. В.*) вводятся новые формы от новых простых основ, старые же простые основы остаются и образуют сочетания только с приставками в их новых значениях (суммарных и темпоральных)»³⁰.

Такова точка зрения Др. Матеева, с которой, как нам представляется, трудно согласиться. Прежде всего мы не можем согласиться с тем, что производные глаголы типа *доносям*, т. е. глаголы, заменяющие старые приставочные образования с основами типа ст.-сл. *ходити*, *носити* и др., возникают лишь тогда или даже после того, как появляются омонимичные глаголы типа *занося*. Известно, что в памятниках старославянского языка приставочные глаголы с основами *гонити*, *ходити*, *лазити* употреблены лишь в значении несовершенного вида³¹. Приставки в них имеют только пространственное значение³². Такими же были и большинство приставочных образований с основами *носити*, *влачити*, *водити*. По-видимому лишь 3 глагола представляли исключения. Глагол *поносити*, по мнению А. Достала, был двувидовым, а *извлачити* и *проводити*, вероятно, были глаголами совершенного вида³³.

Между тем в памятниках старославянского языка (преимущественно позднейших) наряду с глаголами *изгонити*, *отъгонити*, *погонити*, *прогонити*, *приходити*, *прѣходити*, *поводити*, *приводити* и др., имевшими в старославянском лишь несовершенное видовое значение, употребляются производные образования с суффиксом *-ja-*: *изганѣти* (Зогр. М. VI 13), *отъганѣти* (Супр. 170, 10), *поганѣти* (Пс. 34, 6), *проганѣти* (Супр. 473, 13; 480, 22), *прихаждати* (Супр. 507, 6), *прѣхаждати* (Супр. 507, 22), *поваждати* (Супр. 138, 21), *приваждати* (Зогр. л. 3, 3). Таким образом, несмотря на отсутствие омонимичных глаголов с разным лексическим и видовым значением, подобных современным болг. *занося*, *изходя* и др., в старославянском языке тем не

²⁶ Др. Матеев. Семантиката. . . , стр. 82.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 85.

³¹ См., например, А. Достал. Указ. соч., стр. 510 и след.

³² См.: St. Słowski. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). Warszawa, 1937.

³³ А. Достал. Указ. соч., стр. 513—515.

менее употребляются производные суффиксальные формы. Важно при этом подчеркнуть тот факт, что уже в старославянском языке употребляются такие формы, как *прихаждати*, *приваждати*, приставка которых *при-* и в настоящее время имеет только пространственное значение. Возникновение производных глаголов *изганѣти*, *отъганѣти*, *прихаждати*, *прѣхаждати*, *приваждати* и др. нельзя объяснить необходимостью формального разграничения омонимичных глаголов, так как таких омонимичных глаголов не было. Эти формы старославянского глагола свидетельствуют о возможности образования производных суффиксальных форм от глаголов несовершенного же вида (*изгонити* > *изганѣти*, *приходити* > *прихаждати*), а вместе с этим и о возможности образования производных глаголов, как пишет А. Достал «сверх потребностей видовой системы»³⁴, в том смысле, мы бы добавили, что для создания самой корреляции с глаголами *изгнати*, *прити* и под. необходимости в производных глаголах не было, поскольку функцию имперфективного члена ее выполняли формы *изгонити*, *приходити* и под. Образование производных глаголов типа *изганѣти* в старославянском следует объяснить сильной продуктивностью производства глаголов с помощью суффикса *-ja-*, охватившего и глаголы несовершенного вида³⁵.

Старославянский материал, таким образом, показывает, что образование рассматриваемых производных глаголов типа болг. *донасям*, *донесам* и под. не следует непременно связывать с возникновением в языке глаголов совершенного вида (resp. омонимов) типа болг. *занося*, *изходя*. Глаголы совершенного вида такого строения хронологически оказываются более поздними, нежели производные суффиксальные *изганѣти*, *прихаждати* и под. Не случайно глагол *исходити* сов. в. Др. Матеев приводит лишь из «Александрии» XVI в. (*хоташе во амастридоньсько исходити царство*)³⁶, хотя производные типы *прихаждати* встречаются уже, как мы видели, в старославянских памятниках.

Чрезмерное увлечение омонимией, которое приводит Др. Матеева к ошибочной схеме образования некоторых форм, можно проиллюстрировать следующим примером. В производном глаголе *изхождам*, образованном от двух глаголов — *изходя* несов. в. 'выходить' и *изходя* сов. в. 'исходить' (что-либо), — выражаются, таким образом, два лексических значения: 'выходить' (из чего-либо) и 'исхаживать' (что-либо). Форма *изхождам* оказывается двусмысленной. «Двусмыслие и противоречие в значении этой общей формы *изхождам*, — пишет Др. Матеев, — создало необходимость снова ввести для более старого значения новую форму уже с основой другого корня: *-лиза-* или *-лазя-*»³⁷ — *излизам* или *излазям*. По той же причине и формы *прохождам* и *прехождам* в их старом, пространственно-имперфективном значении заменяются глаголом с другим корнем *преминавам*. Под влиянием формы *излизам*, как полагает Др. Матеев, вводятся формы *влизал*, *слизам*, *вълизам*, несмотря на отсутствие омонимии в глаго-

³⁴ A. Dostál. Указ. соч., стр. 574. А. Достал допускает, правда, что причина образования подобных производных была в лексическом значении глаголов типа *изгонити* (указ. соч., стр. 575). Это не понятно, так как остается не ясным, почему же все-таки образуются производные глаголы, которые и лексически, и функционально не отличаются от производящих основ.

³⁵ См. А. Dostál. Указ. соч., стр. 574; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951. стр. 239.

³⁶ Др. Матеев. Семантиката..., стр. 85.

³⁷ Там же, стр. 84.

лах *вхождам, схождам, възхождам* (приставки *в-, с-, въз-* имеют только чисто пространственное значение). Возникает супплетивизм *изида* — *излизам, внида* — *влизам* и под. (вместо, следовало бы тогда добавить, супплетивизма *изида* — *изхождам, внида* — *вхождам*). «Для устранения супплетивизма (*изида* — *излизам, внида* — *влизам*) эти многократные формы приводят с собой и соответствующие им однократные: *изляза, вляза, сляза* и *възляза*, полностью заменяющие старые префиксальные формы с первичным глаголом *ида*: *изидж, вънидж, сънидж* и *възидж*, которые утрачиваются»³⁸.

Такое, собственно, чисто умозрительное объяснение искажает действительное положение вещей. Известно, что уже в позднейших старославянских памятниках встречаются случаи употребления глаголов с основой *-лѣсти* вместо *-нти* для обозначения движения, связанного с представлением о ходьбе, а не о лазании, ср. *вѣлѣзъ еъ...* *градъ* (Супр. 17,5), *изѣзъ же из града* (Супр. 221,22)³⁹. В среднеболгарских памятниках употребление глаголов с *-лѣсти* в таком значении еще более расширяется⁴⁰. Именно от этих глаголов на общем основании и образуются глаголы несовершенного вида на *-лизам* с тем же лексическим значением (*излизам* 'выходить' и т. д.), а не наоборот, как полагает Др. Матеев, по мнению которого сначала образуется *излизам* несов. в. 'выходить', а затем уже с тем же лексическим значением появляется *изляза* и под. Между тем, как сказано выше, уже ст.-сл. *изѣсти* имел значение «выйти».

Возникавшая сравнительно поздно омонимия рассматриваемых глаголов типа *донося, изходя* не могла играть решающей роли в утверждении в языке производных глаголов также и потому, что таких омонимов было слишком мало (их и сейчас немного) и они употреблялись слишком редко, чтобы могли полностью перестроить всю систему видовых корреляций приставочных глаголов движения. Надо иметь, кроме того, в виду и то обстоятельство, что в русском языке, например, уже в течение многих веков употребляются омонимы типа *заносить, исходить* и под., однако никакой тенденции к замене форм *заносить* несов. в. новыми, производными не наблюдается.

VI. Нам представляется, что утрата в болгарском языке глаголов типа *донося* несов. в. вызвана другой причиной, а именно сильной тенденцией языка к унификации морфологического типа глаголов несовершенного вида, выступающих в качестве имперфективного члена корреляции⁴¹. Известно, что во всех славянских языках от глаголов совершенного вида (в разной степени широко) образуются производные суффиксальные глаголы, а корреляция — глагол совершенного вида: производный от него глагол несовершенного вида — представляет в них господствующий морфологический тип видовой корреляции. Образование производных глаголов вызывается потребностями видовой системы: язык стремится иметь две формы для двух видов с тем же лексическим значением. Известно также, что в бол-

³⁸ Там же.

³⁹ См. А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 327.

⁴⁰ См, например, С. М. Кульбакин. Материалы для характеристики среднеболгарского языка. — ИОРЯС, т. IV, 1889, стр. 861; В. Погорелов. Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. Варшава, 1910, стр. 138.

⁴¹ Ср.: Л. Андрейчин. Към морфологичната характеристика..., стр. 260.

гарском языке образование производных возможно почти от любого глагола совершенного вида⁴², в том числе и от таких, которые ранее уже находились в корреляции с глаголами несовершенного вида иного морфологического строения. Так, например, от глаголов совершенного вида с основами *-ида*, *-веда*, *-неса* и под. образуются производные на *-и(д)вам*, *-иждам* (*отивам*, *прииждам* и др.), *-веждам* (*завеждам* и др.), *-нисам* (*донисам* и др.) и т. д., несмотря на существование имперфективных членов корреляции старого типа (*отходя*, *приходя*, *заходя*, *донося* и пр.). Тенденция к образованию производных глаголов оказалась настолько сильной, что ею были захвачены даже глаголы типа *донося* несов. в., от которых путем суффиксации тоже стали образовываться производные типа *доносям* и под. Образование глаголов такого типа началось еще в старославянском языке. С течением времени таких форм становится все больше. Старые формы несовершенного вида *отходя*, *приходя*, *заходя*, *донося* и под., как не соответствующие основному морфологическому типу имперфективного члена корреляции и не выразительные в видовом отношении [отсутствии суффиксов имперфективации, морфологический тип (приставка+простая основа) совпадает со структурой приставочных глаголов совершенного вида], заменяются новыми, производными глаголами.

Эта замена, как правильно отмечает Др. Матеев, произошла не сразу, а постепенно. Это был длительный процесс. В XVII—XVIII вв. старые формы несовершенного вида (типа *приходя* и под.), как показывают памятники народного языка этого периода, еще употребляются довольно широко. Так, в Коприштенском дамаскине (XVII в.) глаголы несовершенного вида *доходя*, *приходя* и др. с основой *-ходя* употреблены, по нашим подсчетам, 38 раз, в Тихонравовском дамаскине (XVII в.)—59 раз, в Свиштовском дамаскине (XVIII в.)—30 раз. Глаголы же производные—*дохождам*, *прихождам* и др. в этих же дамаскинах употреблены гср. 37, 79 и 56 раз. Примерно такое же соотношение старых и новых форм несовершенного вида обнаруживают и образования с другими основами. Как видим, в XVIII в. новые формы типа *прихождам* употребляются примерно в два раза чаще, чем старые формы типа *приходя*. В начале XIX в. употребление последних еще больше суживается. Так, например, в «Житии» Софрония Врачанского (1804 г.) глаголы типа *приходя*, по нашим подсчетам, употреблены дважды, а глаголы типа *прихождам*—19 раз. В книге «Рибен буквар» П. Берона (1824 г.) эти же формы употреблены гср. 1 и 48 раз. Имея это в виду, мы можем утверждать, что уже в начале XIX в. формы типа *приходя* употреблялись редко, по крайней мере в некоторых говорах. В дальнейшем, в течение XIX в. эти формы во многих говорах окончательно вышли из употребления. Завершившаяся замена старых форм новыми отражена и в современном литературном языке.

VII. В подтверждение нашей точки зрения о причине образования производных глаголов можно привести и тот факт, что приставочные глаголы *завися*, *отстоя*, *предстоя*, *принадлежа* и др., сохраняющие, несмотря на наличие приставок, несовершенное видовое значение, не образуют, за чрезвычайно редким исключением, производных суф-

⁴² См. Ю. С. Маслов. О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке. — КСИС, вып. 15, 1955, стр. 29 и след.

фиксальных глаголов. Особенно важно иметь при этом в виду то, что глагол *отстоя* 'отстоять' (о расстоянии) омонимичен глаголу *отстоя* сов. в. 'отстоять' (что-либо в борьбе и под.), но, тем не менее, он не образует производного **отстоявам* или под. Причина этого, как нам кажется, заключается в том, что указанные глаголы и, в частности, *отстоя* несов. в. стоят вне системы видовых корреляций, не выступают в качестве имперфективного члена корреляций ввиду отсутствия соответствующих глаголов совершенного вида с тождественным лексическим значением. Поэтому-то общая тенденция к установлению единого морфологического типа имперфективного члена корреляции и не затронула этих глаголов. Однако в принципе и от этих глаголов могут быть образованы суффиксальные глаголы (ср., например, *зависвам* в следующей записи, сделанной в середине XIX в.: И фанѣха бѣлгарити да издѣрватъ коренатъ си и ницѣтъ вѣки да зависватъ Ѡ гѣрцити, СбНУ, XII, 376), поскольку сам морфологический тип этих глаголов несовершенного вида представляется в языке уже архаическим.

Что касается того, почему одни глаголы движения совершенного вида «предпочитают» образовывать корреляции с производными глаголами типа *донасям*, т. е. со старой основой типа *носити*, а другие — с производными типа *донесвам*, т. е. со старой основой типа *нести* (речь здесь идет прежде всего о литературном языке), то это вопрос, хотя и интересный, все же производный, и он не имеет принципиального значения. Возможно, что именно здесь и сказалось в какой-то мере в отдельных случаях стремление разграничить возникавшие омонимичные производные формы (ср., например, *отивам* при *отида*, но *дождождам* при *дойда*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АкР. — Речник на съвременния български книжовен език. София, БАН, т. I, 1955; т. II, 1957.
 Г. — Н. Геровъ. Рѣчникъ на българскій языкъ съ тѣлкувание рѣчи-ты на български и на русски, т. 1—5. Пловдив, 1895—1904.
 Д. — А. Л. Дювернуа. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати, вып. 1—9, М., 1885—1889.
 ИИБЕ — Известия на Института за български език. София.
 МЛТР. — С. Младенов. Български тълковен речник с оглед към народните говори, т. 1. София, 1951.
 СБНУ — Сборник за народни умотворения. София.
 ТР. — Български тълковен речник, София, 1955.
 Тр. сб. — Тракийски сборник, София.

В. А. Никонов

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СЕРИЯ В ГДР

Обширна литература по топонимике Германии. И все же топонимика ГДР изучена недостаточно. Нет сводного, обобщающего труда (труд Ад. Баха¹ охватывает Западную Германию и лишь вскользь касается территории ГДР); нет и полного сборника самих названий, подобного хотя бы трехтомнику Христана по Пфальцу². Меньше всего исследована славянская топонимия Германии: в имеющихся трудах история рассматривается тенденциозно, уменьшена роль славян, давних обитателей этих земель, при гитлеризме славянская топонимика фактически была под запретом. Научный труд Р. Траутмана³ (первый том его многотомника был сожжен гитлеровцами, позже он был переиздан в Демократической Германии) не был достаточно полным, да и сами методы исследования продвинулись вперед именно за последние годы. Вышедшая недавно обстоятельная топонимическая работа по району Коттбус⁴ показывает, как много ценного материала осталось еще не исследованным. Показательны в этом отношении начинания лейпцигской группы ученых при Саксонской Академии наук. По инициативе и под руководством Теодора Фрингса, старейшего диалектолога и историка немецкого языка⁵, и Рудольфа Фишера, выдающегося слависта, начата серия немецко-славянских топонимических исследований. Выход первых 8 томов⁶ имеет большое научное значение.

¹ Ad. Bach. Deutsche Namenkunde, Bd. II, H. 1, H. 2. Heidelberg, 1953—1954.

² E. Christmann. Die Siedlungsnamen der Pfalz, I—III, 1952—1953.

³ R. Trautmann. Die Elb- und Ostseeslawischen Ortsnamen, I—III. Berlin, 1948—1956.

⁴ Chr. Schwela. Die Flurnamen des Kreises Kottbus. Berlin, 1958.

⁵ Специально роли Т. Фрингса в топонимике посвящена статья Г. Протце в «Лейпцигских студиях» — сборнике в честь 70-летия Т. Фрингса (4-й выпуск серии).

⁶ Deutsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, Halle (Saale): 1. Rudolf Fischer. Ortsnamen der Kreise Arnstadt und Ilmenau, 1956, 122 стр.; 2. Elfrida Ulbricht. Das Flussgebiet der Thüringischen Saale, 1957, 283 стр.; 3. Hans Walter. Die Ort- und Flurnamen des Kreises Rochlitz, 1957, 308 стр.; 4. Ernst Eichler. Die Orts- und Flussnamen der Kreise Delitzsch und Eilenburg, 1958, 252 стр.; 5. «Leipziger Studien», 1957, 257 стр. (Далее — ЛС); 6. Erhard Müller. Die Ortsnamen des Kreises Heiligenstadt, 1958, 168 стр.; 7. Winnifred Schenk. Die Ortsnamen der Kreise Werdau und Zwickau, 1958, 132 стр.; 9. Lothar Hoffman. Die slawischen Flurnamen des Kreises Löbau, 1959, 97 стр. (Вып. 8 еще не получен). Далее в тексте ссылки на указанные книги даны по фамилиям авторов в русской транскрипции.

Серия образует стройное целое, организованное по единому плану. Сборник «Лейпцигские студии» (он является как бы проспектом серии) содержит статьи весьма разнообразного типа: от конкретных до проблемно-методологических, от археологических до специально-фонетических, от словарных до обзорно-библиографических. Остальные тома серии (многие из них — диссертации) — исчерпывающие региональные топонимические словари, сопровождаемые основательными и разносторонними очерками (исторические, природные и языковые условия, характеристика и классификация названий и т. д.). Р. Фишер, Э. Мюллер, В. Шенк исследуют названия населенных мест (каждый том посвящен одному-двум административным районам), Э. Эйхлер — названия и населенных мест и водных источников по двум районам, Г. Вальтер — названия населенных мест и урочищ одного района, а Эльфрида Ульбрихт — гидронимию бассейна Заале.

Различен и состав словарных статей, но почти всегда они включают все необходимые пункты. Вот, например, схема, по которой Г. Вальтер строит статью о каждом топониме: 1) род поселения и географическое положение; 2) форма поселения; 3) характеристика местности и ее использования; 4) документальные формы названия, начиная с первого известного упоминания; 5) современная произносительная форма названия в фонетической транскрипции; 6) этимология; 7) топонимические параллели других территорий, преимущественно Восточной Германии; 8) названия прилегающих урочищ; 9) археологические памятники; 10) выводы. Ответ на каждый пункт этой «анкеты» насыщен фактическими данными, почерпнутыми из многочисленных письменных памятников и из наблюдения на месте. Приводятся, например, документальные свидетельства того, как фонетические изменения превратили средневековый *Герардсхаген* (1208 г.) в современный *Геритцхайн* (Вальтер, 59) или славянское *осокорь* — в немецкое *Zucker* (Вальтер, стр. 202), на десятках страниц тщательно анализируется не только звуковая система говоров, но и особенности писцов (Мюллер, стр. 103—112). Не зная этих показаний, легко приписать топониму самую произвольную этимологию.

Работа Эльфриды Ульбрихт по структуре отличается от других. Так как немецкая топонимия (в том числе гидронимия) в массе образована словосложением, использующий некоторые излюбленные нарицательные, то Э. Ульбрихт интересно и правомерно сгруппировала материал не по алфавитному порядку, а по этим нарицательным. Таких групп у нее 15, самая распространенная — названия с *-bach* (57%), затем с *-graben* (17%), далее *-born*, *-grund*, *-tal* и другие, менее популярные. Внутри каждой из них группировка смысловая — по значению определений (то есть по значению первого компонента).

Велико количество источников, привлеченных к каждой работе, в том числе рукописных; обширен собранный материал. По району Рохлиц, кроме сотен названий населенных мест, приведены несколько тысяч микротопонимов. Ульбрихт рассмотрела 1900 гидронимов. Чтобы собрать такие фонды и разобраться в них, требовалось не только скрупулезное исследование памятников и местности, но и, смело можно сказать, искусство (нужно было снять многовековые напластования, воскресить первоначальную форму). Немудрено, что это удалось не в каждом из стольких тысяч случаев. Нередко авторы приводят несколько исключаящих друг друга решений, не обманывая читателя мнимой беспорядочностью там, где она пока еще недостижима.

Авторам подчас приходится самостоятельно и впервые на своем материале выяснить фонетические соответствия немецких заимствований славянским подлинникам названий (и наоборот). Жаль, что при этом им осталась неизвестна содержательная работа молодого львовского ученого О. Ф. Рипецкой, решающая те же самые проблемы на материале топонимии между Одером и Вислой⁷. Авторский коллектив поставил перед собой задачу: посредством топонимики восстановить этническую и социально-экономическую историю южных областей ГДР и прежде всего картину их заселения — немецкого, славянского, дославянского, — картину многовековых славяно-германских связей.

* * *

Естественно, что полнота и достоверность данных убывают по мере углубления в прошлое. Если топонимический материал, тщательно обработанный авторами серии, дает яркую картину XVI—XVII столетий, которые изучены и без помощи топонимики, то картина бледнеет как раз там, где другие источники скудней и показания топонимики особенно необходимы. Уже рубеж нашего тысячелетия топонимически воссоздается не во всей полноте. В основном это процесс немецкого движения на восток. Относительная датировка названий на *-hagen*, *-heim*, *-hain*, *-bach* (Вальтер, стр. 238), стратиграфическое определение названий на *leben*, как сравнительно поздних, а *-graben* еще более поздних, многочисленные наблюдения над фонетическими изменениями и многое другое позволяют наметить некоторую канву топонимической стратиграфии, но еще не всегда прочную. В этом направлении особенно ценна выполненная Э. Мюллером статистическая группировка по столетиям количества первых упоминаний названий с *-rode*, *-bach*, *-hausen* и др. (Мюллер, стр. 115). Интересно что *-dorf*, почти повсеместно преобладавая в топонимии Германии, на рассматриваемой Э. Мюллером территории ни разу не встретилось раньше XVI в. Пока общее количество этих названий все же не таково, чтоб строить широкие выводы, но при охвате других районов такие таблицы дадут превосходную топонимическую ориентировку во времени и пространстве. Соображение, что первое дошедшее до нас упоминание не означает даты появления в действительности, отпадает, когда в подсчете участвуют не единичные названия, а вся масса их.

Извлекают ли исследователи все возможное из имеющегося материала? Да, если мерить возможности сегодняшним уровнем топонимических методов. Нет, если сравнить с точностью и тонкостью методов современной археологии или хотя бы исторической фонетики. Многое остается неизвестным в стратиграфии даже наиболее изученной немецкой топонимии.

А более ранний, самый интересный период, когда на эту территорию пришли славяне, топонимически воссоздается еще пунктирней. Можно считать бесспорным, что, перейдя Эльбу с востока в VI в., славяне освоили пространство между ней и Заале в VII в., а в конце VII в.—начале VIII в. проникли западней Заале и достигли наибольшего распространения в IX в. Это положение, принятое в серии (Мюллер, стр. 137; Г. Мюльденберг, ЛС, стр. 16), полностью сходится и со взгля-

⁷ О. Рипецкая. Славянская топонимика между Одером и Вислой в немецком языке. Львов, 1954.

дами польской исторической картографии⁸. Но еще предстоит трудоемкая конкретизация этого положения: когда, откуда и при каких условиях появились славяне в каждой части этих территорий и к каким племенам принадлежали? Можно ли сейчас отнести с уверенностью тот или иной славянский топонимический признак к определенному столетию и связать с определенной группой племен? Пока еще не удалось составить статистико-хронологической таблицы славянских топонимических элементов, какую для немецких дал, например, Э. Мюллер (стр. 115).

Исследование заселения всего рискованней строить на топонимах с предполагаемой этнонимной основой. Э. Мюллер (стр. 137—141) в названиях с основой *-wend* видит следы славян-венедов. Но чаще всего этнонимное происхождение топонима обманчиво. На самом деле он обязан фамилии или прозвищу и т. д. В нашей стране с. *Немцово* названо по фамилии помещика, д. *Немцы* — по прозвищу жителей, и ни там, ни тут никогда не обитало ни одного немца. Этнонимическое происхождение топонимов убедительно лишь в ряду типа *Немецкий брод*, *Славянский брод*, как я стремился показать в статье «Закон ряда в географических названиях»⁹. Другие основы, рассматриваемые Э. Мюллером, недостаточны как доказательство славянского расселения (*полица* из 'поле' и *кал* в значении 'грязь, болото'). Продуктивней иной путь, опирающийся на массово-повторяющиеся явления. Так, многочисленные *-rade* указывают, что на данной территории широкая раскорчевка лесов была произведена уже в немецкий период.

Подчас исторические очерки в томах серии существуют как бы «сами по себе», безотносительно к собственно-топонимическому содержанию. Нередко фамилии герцогов вытесняют подлинную историю края, огромные социально-экономические процессы (например, раскорчевка лесов, становление феодальной собственности).

Во многих случаях возможны непосредственно исторические выводы из топонимических данных, однако это не главный путь. Название — слово, оно служит историческим свидетельством именно как факт языка.

Название с *dumb* важно совсем не тем, что оно свидетельствует о наличии тут дубов: его могли принести с собой переселенцы в память о прежнем месте своего обитания. Но оно сохраняет старый славянский носовой гласный, следовательно служит датировке, значит, драгоценно для истории языка, а тем самым (не непосредственно) для истории народа.

Формы названий, собранные за тысячелетие, конечно, содержат необозримое богатство для исследований по истории языка, и в этом, пожалуй, главное значение серии, как и в обилии современных диалектных форм. В ряде книг отведены специальные главы исторической фонетике, а также диалектным чертам. Руд. Гроссе — автор замечательного исследования по мейсенскому диалекту¹⁰ — в «Лейпцигских студиях» поместил статью, посвященную связи топонимии с диалектологией и с исторической фонетикой, указывая на прекрасные плоды такого комплексного подхода (ЛС, стр. 63).

⁸ K. Jażdżewski. Atlas do pradziejów Słowian. I. Łódź, 1949.

⁹ «Onomastica», VI. Wrocław-Kraków, 1958, стр. 57—73.

¹⁰ R. Grosse. Die meissenische Sprachlandschaft. Halle, 1955.

Некоторые авторы серии (Р. Фишер и др.) путем анализа топонимического материала воссоздают черты языка, звучавшего на изучаемой территории во времена появления названий.

Весьма небогаты и ненадежны дославянские топонимические данные. На страницах серии приведены названия кельтские, иллирийские и другие. И хотя они в масштабе всемирной истории сравнительно не так древни, не старше I тысячелетия до н. э. (а в большинстве близки к рубежу нашей эры), но ни количество их, ни их истолкование не дают сколько-нибудь прочной канвы, при этом ни в одной из работ серии они не исследованы самостоятельно. Естественно, что от районного словаря, где такие названия встречаются единично, нельзя и требовать их исследования: даже само отнесение названия к кельтским или иллирийским заимствуется неизбежно из вторых рук.

* * *

Территориальная ограниченность каждого регионального тома, обеспечив полную охвату, однако, неизбежно привела к тому, что местные явления остались не до конца понятыми. Многие ли известно о реке, если неизвестно, откуда и куда она течет? Ключ к пониманию тех или иных черт района всегда лежит за его пределами. Только сопоставление с другими районами обнаруживает и различия, и общность. На всей территории немецкого языка обиходны слова *Mühle* или *Kirche*, но в топонимии одних районов эти основы излюблены, а в топонимии других районов редки. И причина не в количестве мельниц или церквей, а в разной роли их как центров поселений в различные периоды на различных территориях. Сама по себе этимология ясна, но почти бесплодна, Красноречивой она стала бы лишь в сравнении.

В районе Хейлигенштадт, которому посвящена работа Э. Мюллера, много названий на *-hagen*. Конечно, исследователь знает, что топонимический компонент *-hagen* пришел туда с северо-запада. Но самое существенное для характеристики хейлигенштадтских *-hagen* осталось незамеченным: они образуют «остров». Необычайно четка топонимическая граница: отрезающая Хейлигенштадт вместе со смежными частями районов Ворбис и Мюльгаузен от всей соседней территории. Ни на юг, ни на восток нет названий с *-hagen*. Но их нет поблизости и с северной стороны! Ближайшие небольшие вкрапленные островки *-hagen* очень отдалены друг от друга и нигде не переходят южной линии Галле—Коттбус, а сплошной массив *-hagen* начинается лишь у Берлина. Из всего количества названий с *-hagen* в ГДР (361) 226 сосредоточены лишь в самой северной области Росток и еще 82 в соседних областях Шверин и Нейбранденбург¹¹.

Рассматриваемый район — топонимический «остров» не только по употребительным в нем формам, но и негативно, по формам, отсутствующим в нем. Вокруг него 200 с лишним названий на *-leben*, но ни одно не просочилось внутрь района. Резкий и глубокий топонимический рубеж отрезает Хейлигенштадт, где господствует *-hagen*, например, от Нордгаузена с его *-leben*. Это два пласта немецкой колонизации, разных по времени и источникам заселения. Замкнувшись в грани-

¹¹ Подсчеты, не оговоренные специально, принадлежат автору обзора и публикуются впервые.

цах района, этого нельзя увидеть уже по той причине, что топонимия любого района — белое пятно до тех пор, пока не выяснено, чего в ней нет. Именно отсутствие тех или иных видов, господствующих на окружающей территории, лучше всего характеризует район, обнаруживая его специфические черты. Это весьма существенное методологическое положение, которое наши региональные топонимисты учитывают еще меньше, чем немецкие.

Еще пример. В топонимии исследуемых территорий нередок немецкий суффикс *-ig*. Его наличие лишь констатируют, не изучая это явление более углубленно. Действительно, суффикс *-ig* внутри одного района не многое скажет. А межобластное сопоставление открыло бы неожиданную закономерность. В ГДР 154 населенных пункта имеют названия на *-ig*, из них 117 — в узкой полосе четырех областей — Дрезден, Лейпциг, Котбус, Галле — и еще 20 — в смежных с ними районах, то есть как раз на территории, где славяне удержались дольше. Западной же, в областях Эрфурт, Гера, Зуль Магдебург, этот немецкий суффикс встречается единично. Внешне парадоксальное явление¹², понятое правильно, могло бы стать хронологизующим и маршрутным признаком.

Пример последний. В сущности, полностью ускользнули от исследователей названия на *-scha*. Попадается в районе одно такое название и, конечно, по нему судить нельзя. Встретясь в бассейне Заале с названием р. *Dietscha*, Ульбрихт зачисляет его в рубрику славянских «необъясненных» (стр. 237) и этим ограничивается. В районе Рохлиц тоже одно название с подобным окончанием — деревня *Tauscha*, — которое Г. Вальтер объясняет из славянского личного имени *Туша* (стр. 142, 230). Такое происхождение возможно, тем более, что первое письменное свидетельство, между прочим, довольно позднее, дает форму *Tuschin* (1357 г.). Можно привести и подмосковное Тушино, которым владел боярин Туша¹³. Но истолкование изолированного топонима наименее надежно: одиночное слово можно связать с чем угодно. Исследователям остались неизвестны другие названия на *-scha* даже в соседних районах. В ГДР 21 населенный пункт с такими названиями: напр. *Buscha, Drescha, Holscha, Krauscha, Kreischa, Lauscha, Pauscha, Wunscha, Leischa, Lescha, Letscha* и др., не считая производных: *Kleintauscha, Obertauscha* и др. Раньше они были многочисленней: в словаре Ферстмана можно найти немало таких названий по документам VIII—IX вв., напр. *Barscha* близ Фульды¹⁴; на севере Чехии еще в XVIII в. была *Pausa*.

Очень важно размещение их: 14 в областях Дрезден и Лейпциг, остальные в соседних южных областях и ни одного на всей остальной огромной территории. Их ареал острым клином входит в бассейн Эльбы с востока, соединяясь через Польшу с многочисленными *-ша* на среднерусской равнине (*Зуша, Теша, Орша*), которым пока не найдено вполне убедительного объяснения в славянских языках. Названия с таким окончанием нередки на Балканах. Нельзя игнорировать, что в ГДР основы большинства таких названий повторяются в других названиях без конечного *a* или с *cha* (*Busch, Zesch, Laucha, Zeicha* и др.).

¹² V. A. Nikonov. Paradoxes toponimiques. — «Revue Internationale d'Onomastique», 1959, № 3, стр. 162.

¹³ С. Б. Веселовский. Топонимика на службе у истории. — «Исторические записки», т. 17, М., 1945.

¹⁴ E. Förstmann. Altdeutsches Namenbuch, Bd. II. Nordhausen, 1872, стр. 373.

Возможно, названия на — *scha* — первоначально гидронимы, позже перешедшие на населенные пункты. Названия же рек реже происходили от личных имен. Кроме того, славянские языки выражают отношения принадлежности суффиксом, предлогом, косвенным падежом, но не просто основой в прямом падеже; следовательно, личные имена на — *ша* тут едва ли помогут. Скорее — *ша* грамматический формант — показатель адъективности или образований женского рода; он широко известен и в деминутивной функции. Чтоб решить, принадлежит ли — *ша* славянам или оставлено дославянским субстратом, необходимо сначала решить, единый ли это ареал от Эльбы до Оки или это лишь случайная близость топонимических «омонимов» различного происхождения.

Для таких сопоставлений необходимо прежде всего иметь полный топонимический корпус, а его нет. Лейпцигская серия и заполняет именно этот пробел. Поэтому главный недостаток — не укор ее авторам. На данной ступени он неизбежен, пока собирание названий далеко не закончено. Но видеть этот недостаток надо обязательно, чтоб не упустить перспективы.

* * *

Каждый автор этой серии чрезвычайно заботливо выясняет все случаи славянского происхождения названий, часто с большим мастерством обнаруживает славянский подлинник, скрытый под многовековыми иноязычными наслоениями и изменениями. Нелегко по *Sultitz* восстановить *zilty* 'желтый' (Эйхлер, стр. 116).

Но в некоторых случаях все же от внимательного глаза ускользнуло, возможно, славянское происхождение названия.

Так, Винифред Шенк выводит *Auerbach* из *ur* 'тур, зубр'. Но старейшая из дошедших документальных форм — *Uwirbach* позволяет предположить основу *vir* с последующим переосмыслением. В значении 'водный источник' эта основа широко распространена во всех старых славянских землях. Тавтология 'источник — источник' обычна (ср. *озеро Ярвезеро* 'озеро — озеро — озеро').

Несколько десятков названий с *trebe* Г. Вальтер связывает с немецк. *Treibe* 'выгон, луг', не допуская связи со славянской основой *треб* (вост.-слав. *тереб*), столь частой в славянской топонимии от Адриатики до Волги. И Э. Ульбрихт (стр. 242) отнесла название речки *Треба* в рубрику «славянских необъясненных».

Для образований с *Dedi, Dedo* Э. Мюллер (стр. 23) не учитывает возможности славянской основы *дед*, давшей множество топонимов (*Дедичи, Дедня, альпийское Дедно, тульский Дедославль* и пр.).

Г. Вальтер не сомневается, что *Fischeim* — из *Fisch* 'рыба'. Однако первое, дошедшее до нас написание *Wyschen* (1350 г.) говорит о возможности славянской основы, ср. *Вышгород*, вероятно через личное имя, ср. *Вышата*.

Для *Burgwalde*, первоначально *Bortwold*, Э. Мюллер допускает только нордическое *bord* 'край, граница'. Не следовало все же умалчивать о славянских *бортных лесах* — русск. *борть*, др.-чешск. *brt*¹⁵.

Это не означает, что славянское происхождение приведенных названий достоверней, чем немецкое. Но пока не взвешены обе возможности, единственная держится лишь на своей монопольности.

¹⁵ MES, 45.

Естественно, что среди нескольких тысяч этимологий, предложенных в рассматриваемой серии, при современном состоянии этой отрасли лингвистики можно найти много таких, которые трудно признать окончательными. Такова связь названия *Dölitzch* с 'гора' (Вальтер, стр. 42). Для утверждения ее надо сначала опровергнуть родство этого топонима с 'делить, доля (часть)' — словен. *del*, слвц. *diel*. «Долевые» названия нередки. Напрасно исследователи игнорировали инославянские топонимические параллели: *Делич*, *Дельница*, *Дельче* и др., без привлечения которых не решить этого спора.

Название *Göschau* безапелляционно отнесено к посессивным (В. Шенк, стр. 29). Но материал (1336 г. — *Geyse*, 1360 г. — *de Jeze*, 1361 г. — *Jesau*, 1386 г. — *Gisa*) напоминает о славянском *ez* 'запруда в реке для ловли рыбы' (с.-хорв. и слвц. *jaz*, словен. и чеш. *jez*, др.-русск. *ез*), в топонимии — деревня *Gezna* (нем. *Gesna*) в Чехии¹⁶, *Николо-Ез* в Ивановской обл., *Jazi* в Далмации и др. Не сюда ли относится и *Jesewitz* (ранняя форма — *Gesewitz*, *Jhesewitz*)?

Странно, что привлекая в качестве параллелей к *Рохлиц* брабантское *Rukkelingen* и даже саарское *Rilchingen*, Г. Вальтер (стр. 117) пренебрегает несколькими чешскими *Rochlice* и разысканиями А. Профуса по их этимологии¹⁷. Кроме того, в разных районах Северной Чехии, у границы Германии, есть лес *V roklich*, земельный участок того же названия, а также *V roklinach*¹⁸ от чешского *rokle* 'овраг, ложбина'. Не лучше ли это, чем довольно натянутое объяснение из *рыхла*?

Несомненно прав И. Дуриданов, который в своей рецензии на первые тома серии¹⁹ пишет, что *Лонкавица* образована не от *луг*, как полагает Р. Фишер (стр. 45), а от *лука* 'изгиб реки'.

Не убеждает толкование Г. Вальтера (стр. 105, 106) *Ноßwitz* из *нос-ов* 'находящийся на носу' (*нос* в смысле 'выступающий клин земли'). Впрочем Г. Вальтер сам тут же предлагает на выбор другие объяснения — 'носить' и 'нужда', не более убедительные.

В некоторых случаях предлагаемая основа наиболее вероятна, но сомнительно ее значение. Три примера. Г. Вальтер (стр. 52) удачно связывает название селения *Gepülzig* (1350 г. *Gebulczk*) со славянским *gb* — *l*, в значении 'бойкий' (ср. *гибкий*). Но и лужицкий и чешский знают производные того же корня и в значении 'гиблый', которое в этом случае ближе. В. Шенк (стр. 54) обоснованно возводит *Pölbitz* (1219 г. — *Belwiz*) к *Belovica*, но напрасно понимает *белый* непременно в значении цвета 'светлое, белое место'. В славянской — и не только славянской — топонимии *белый* очень часто не имеет ничего общего с цветом объекта; примеры, иллюстрирующие это положение, приведены мной в упоминавшейся статье²⁰. Также В. Шенк в *Kosele* видит 'козла' (стр. 29), правда, добавляя «возможно, через личное имя», и не учитывает вторичного значения козел 'сооружение в поле для складывания убранных хлебов' (отсюда название *Козельск* на Оке).

¹⁶ A. Profous. Místní jména v Čechách, II, стр. 140.

¹⁷ Там же, III, стр. 577.

¹⁸ «Hlavní pomístní názvy kraje Karlovarského». Praha, 1957, стр. 36, 44; «Hlavní pomístní názvy kraje Libereckého». Praha, 1957, стр. 10.

¹⁹ «Български език», 1959, № 1, стр. 96. Эту этимологию относительно *Лукавица* в Чехии давно выдвинул Седлачек: A. Sedláček. Místopisný slovník historický královstva Českého, 1908.

²⁰ V. Nikonov. Paradoxes toponymiques, стр. 171, 172.

Особенно важно решить, от личных или от нарицательных имен образованы многие славянские названия. В отношении *Ebersbrunn* (В. Шенк, стр. 23) приведен латинский текст «*qui Albodistudinza dicitur*».

Славянское *студеница* тут не вызывает сомнений. Но не бесспорно возводить первый компонент к немецкому личному имени *Albold*. Не метатеза ли здесь из *Лабодистуденица* — лужицкое и польское *labod* 'лебедь'? Также В. Шенк (стр. 18.) в *Crimmitschau* видит личное имя *Krīma* с суффиксом *-ac*. Однако самое раннее свидетельство *Yrematzowe* (1212 г.) намекает скорей на распространенный славянский топоним *Гремяче*. Решение такой проблемы (конечно, не на двух фактах) небезразлично для датировки весьма существенного исторического перелома. Когда у славян появились названия с основами из личных имен? Иными словами, когда собственность феодальная сменила родовую? Правда, документированные примеры появляются поздно, но первое упоминание в XII—XIII вв. не означает даты их появления.

* * *

Пожалуй, самая слабая сторона серии — крайняя скудость материала, взятого с других славянских территорий. Даже польские и чешские топонимические данные весьма недостаточно включены в исследование, южнославянские чрезвычайно редки, а восточнославянские единичны.

Только отчасти можно извинить этот недостаток ссылкой на несобранность топонимических богатств СССР и Югославии: ведь даже и имеющееся осталось неиспользованным. Привлечение этих материалов не только придало бы больше убедительности, но и открыло бы многое, оставшееся неясным. Загадочный *Kukeč* в Словении и т. д. Кроме того, уже сам ареал может многое подсказать, и основа названия может оказаться живой на территории другого славянского языка.

Исследователи почти прошли мимо эмбриональных форм названий, особенно частых в микротопонимии (например, косвенный падеж с предлогом). Их лишь вскользь касается на страницах «Лейпцигских студий» Вольфганг Шпербер в статье об урочищных названиях района Каменц. Означает ли умолчание о таком явлении, что славяне Германии составляли маловероятное исключение и не знали его в противоположность всем остальным славянам? Нет, исследователи, сочтя за названия только современную отстоявшуюся категорию (как правило существительное в номинативе), не заметили важнейших фактов становления названия, зародышевых форм, из которых большинство и не закрепится в качестве единственного постоянного наименования объекта, но без которых не понять самого происхождения названий.

Неудачны попытки семантической классификации названий. Конечно, странно требовать, чтоб такую классификацию попутно создал автор районного словаря, в то время как многочисленные специальные попытки не принесли ни одной удовлетворительной классификации. Но схема, предложенная Витольдом Ташицким, и горячая дискуссия вокруг нее все же более продуктивны, чем мешанина групп и группочек, которая заменяет научную классификацию. У Г. Вальтера урочищные названия разложены по 26 графам, Э. Ульбрихт,

идя по такому пути, пришлось завести рубрику «названия от испарений». Изобретательный автор может еще увеличить количество подобных подразделений и, например, отряд «от рыб» детализировать на «от лососевых» и «от окуневых» и т. п., — совершенно логичное продолжение «классификации», употребляемой авторами и бесполезной для понимания топонимических закономерностей.

Как и многие топонимисты, Г. Вальтер именуется типами названия, объединенные одним элементом, например, «тип *-ingen*», «тип *-bach*». Подобное измельчение термина «тип» не способствует выяснению топонимической типологии. Это — только группы, а тип более крупное понятие, например, преобладающий немецкий топонимический тип — словосложение, преобладающий славянский топонимический тип — аффиксация (преимущественно суффиксация), «австронезийский» топонимический тип — удвоение.

Из отдельных стилистических промахов можно указать на двусмысленное употребление союза *oder* 'или': когда Вальтер пишет «адъективные или субстантивные» (стр. 219), понятно, что это — перечисление 'и те, и другие', но в других случаях 'или' соединяет не два явления, а два наименования одного явления, и неясно, как понимать выражение «новые или переименования» (стр. 224) в контексте классификации. Чтобы избежать недоразумений, лучше пользоваться цифровыми либо буквенными разделителями, как и делает тот же автор в другом случае: «а) *Echte oder* в) *unechte*» (стр. 219).

В серии каждый топонимический факт датирован, строго определен территориально и подкреплён ссылками на источники. Томы снабжены многочисленными подробными картами, можно сказать, топонимическими атласами районов. Кроме обширной библиографии, непосредственно к каждому тому приложен удобный справочник, содержащий библиографию славяно-германской топонимики (несколько сотен заглавий), и указатель сокращений. Из пропусков в последнем можно отметить встречающееся в тексте *aind* — очевидно, *altindisch*? Зато по традиции дано *idg* 'индогерманский'. В библиографии отсутствуют топонимические работы Зд. Штибера, Ст. Роспонда (Польша), Вл. Георгиева, И. Дуриданова (Болгария), Фр. Безлая (Югославия), без которых славянскую топонимическую библиографию нельзя считать современной.

Несомненна заслуга инициаторов и руководителей серии, коллектива ее талантливых и отлично подготовленных авторов. Несомненны заслуги Саксонской Академии наук, в рамках которой развернулась эта важная работа, а также издательства, выпускающего издание на высоком техническом уровне.

Н. И. Толстой

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ СЕКТОРА ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР за 1958—1959 гг.

Вторая половина 1958 года¹ ознаменовалась исключительным событием в жизни советского и мирового славяноведения — IV Международным съездом славистов (Москва, 1—10 сентября 1958 г.). Успешному проведению съезда² во многом способствовала деятельность сектора и отдельных его членов как в организационном, так и в научном плане. Зав. сектором проф. С. Б. Бернштейн был председателем подсекции сравнительно-исторической грамматики СССР, а должности ученых секретарей четырех лингвистических подсекций (см. «IV Международной съезд славистов. Программа заседаний». М., 1958) выполняли научные сотрудники сектора (Е. В. Чешко, Р. М. Цейтлин, О. Н. Трубачев, и В. Н. Топоров). От Института славяноведения на съезде было представлено четыре лингвистических доклада и один археологический: С. Б. Бернштейна (совместно с Р. И. Аванесовым) — «Лингвистическая география и структура языка» (о содерж. см. ниже); В. Н. Топорова (совместно с В. В. Ивановым) — «К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков»; Ю. С. Маслова — «Соотношение процессов «перфективации» и «имперфективации» в истории и морфологическом механизме славянского глагольного вида»; С. К. Шаумяна — «Некоторые вопросы применения дихотомической теории фонем к исторической фонологии польского языка» (о содержании см. ниже) и П. Н. Третьякова — «Итоги археологического изучения восточнославянских племен». В дискуссиях на съезде активное участие приняли многие сотрудники сектора: В. А. Дыбо, Е. И. Демина, В. М. Иллич-Свитыч, Л. Э. Калынь, Р. М. Цейтлин, К. И. Ходова, Е. В. Чешко и др.

Итоги съезда показали, что в Институте славяноведения разрабатывается ряд кардинальных проблем славянского языкознания, что делает его одним из крупных центров славистики не только в СССР, но и в международном масштабе. Из этих проблем важно отметить следующие: теоретические вопросы языкознания, лингвистическая география славянских языков, сравнительно-исторические исследования

¹ Отчет о деятельности сектора языкознания за 1957 и первую половину 1958 г. см. в КСИС (вып. 28., М., 1960).

² См. отчеты о съезде ВЯ, № 1, 2, 3, 4, 1959 и библиографию съезда «Български език», № 6, 1959 и «Slavia», гоѡ. XXVIII, № 3, 1959.

славянских языков, вопросы славянской этимологии, балто-славянская проблема и проблема древнейшей славянской прародины. В институте также производится описательное исследование современных славянских языков, издание памятников и архивных материалов.

Теоретические вопросы языкознания, связанные с задачами изучения славянских языков, были подняты в работе С. К. Шаумяна «Структурная лингвистика как имманентная теория языка» (М., 1958, стр. 39). В ней автор раскрыл ряд аспектов понимания языка как имманентного объекта, обращая особое внимание на определение понятия «структура языка» на основах, принятых в символической логике, и настаивая на необходимости разграничения двух уровней абстракции — уровня наблюдения (эмпирической базы) и уровня лингвистических конструкторов.

Последний вопрос был подробнее разработан в докладе С. К. Шаумяна «Генерализация и постулирование конструкторов в изучении структуры языка» (см. «Тезисы совещания по математической лингвистике. 15—21 апреля 1959 года. Л., 1959, стр. 38—43), где была изложена программа дедуктивного построения имманентной теории языка на аксиоматической основе, близкой к формализованным системам современной математики, являющейся в отличие от старой традиционной математики не просто наукой о количественных отношениях, а наукой о системах, в которую входят объекты.

Общей теории фонем посвящен ряд исследований С. К. Шаумяна, из которых наиболее значительным является, безусловно, «Логический анализ понятия фонемы»³.

В ней определяется положение, согласно которому фонема и звук не относятся друг к другу как общее и единичное понятие, так как следует оперировать двумя парами соотносительных понятий: единичное понятие звука языка — общее понятие звука языка; единичное понятие фонемы — общее понятие фонемы. Это необходимо для последовательного соблюдения методологического правила о семиотических критериях в фонологическом анализе.

К этой работе примыкает также статья «Предмет фонологии»⁴. Упомянутый выше доклад С. К. Шаумяна на съезде представлял собой краткое изложение его монографии⁵, вышедшей следом, в которой историческая фонология польского языка рассматривается в результате трех, резко отличающихся друг от друга синхронических срезов (XII в. XVI в. XX в.). Следует отметить, что до появления «Истории системы...» дихотомическая теория применялась лишь к изучению современных фонологических систем и на сравнительно ограниченном материале.

Интенсивные поиски новых методов исследования языкового материала — методов, опирающихся на значительные достижения точных наук, нашли свое отражение в интересной работе В. Н. Топорова «О введении вероятности в языкознание» (см. упомянутые «Тезисы совещания...», а также ВЯ, 1959, № 6). В отличие от С. К. Шаумяна, постулирующего дедуктивный метод в языкознании,

³ С. К. Шаумян. Логический анализ понятия фонемы. — Сб. «Логические исследования», М., 1959.

⁴ S. K. Schaumjan. Der Gegenstand der Phonologie. — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeinen Sprachwissenschaft», Bd. 10, H. 3, 1957.

⁵ С. К. Шаумян. История системы дифференциальных элементов в польском языке, М., 1958.

видимо, наиболее плодотворный при синхронном изучении языка, В. Н. Топоров пытается наметить возможные пути вероятностного подхода к языку и его истории, крайне важного при решении вопросов языкового родства и сущности основных языковых процессов, понимаемых не как абсолютное проявление тех или иных «законов», а как выражение высокой статистической вероятности. Было бы ошибочным в настоящее время полагать, что эти два подхода непримиримы; следует полагать скорее обратное: установление в недалеком будущем в дополнительном соотношении метода постулирования лингвистических конструктов и применения вероятностного подхода к языку, что даст новый материал для более конкретного понимания синхронии и диахронии языка в связи с его статикой и динамикой.

Важной общелингвистической проблеме посвящена статья Е. В. Чешко «К вопросу о надежных корреляциях» (ВЯ, 1960, № 2) содержащая критику и уточнения отдельных положений Р. О. Якобсона о надежных отношениях в русском языке (подробнее см. ниже в связи с книгой «Вопросы грамматики болгарского литературного языка»).

Лингвистическая география славянских языков, ее основные проблемы и задачи были предметом внимательного обсуждения на IV Международном съезде славистов. Основой для дискуссии послужил упомянутый доклад Р. А. Аванесова и С. Б. Бернштейна «Лингвистическая география и структура языка» (М., 1958), в котором излагались основные теоретические принципы построения будущего общеславянского лингвистического атласа с учетом структурных элементов языка в их территориальном аспекте и ряд практических предначертаний (построение программы, сеть исследуемых населенных пунктов, транскрипция и т. п.). Новый этап в подготовительной работе над атласом нашел свое отражение в докладе С. Б. Бернштейна на Первом заседании Международной комиссии по атласу в ноябре 1959 г. в Варшаве на тему «Принципы построения общеславянского лингвистического атласа» (см. сообщение о заседании в ВЯ, 1960, № 2). В этом докладе, в отличие от предыдущего, особое внимание было уделено типологии славянских языков и диалектов.

В настоящее время в секторе организована большая группа, призванная подготовить некоторые разделы программы «Общеславянского лингвистического атласа», определить его основные теоретические предпосылки и ближайшие задачи, связанные со сбором материала.

Интенсивная работа продолжается и в области лингвистической географии болгарского языка. К съезду вышел долгожданный «Атлас болгарских говоров в СССР» — первый атлас одного из южнославянских языков (если не считать частного атласа Л. Теньера по двойственному числу в словенском языке) и, пожалуй, первый в истории лингвистического картографирования атлас колониетских говоров. Атлас получил весьма положительную оценку двух крупнейших зарубежных специалистов — болгароведов проф. Ф. Славского (см. ВЯ, 1960, № 3) и проф. С. Стойкова (см. «Български език», 1959, № 2)⁶.

⁶ См. также отзыв М. Сандер в журнале «Zeitschrift für Slawistik», Bd. IV, H. 5, 1959.

К сожалению, еще не вышел из печати богатый иллюстративный материал к атласу — тексты из всех обследованных и картографируемых населенных пунктов. К осени 1959 года был в основном закончен сбор материала для I тома «Атласа болгарских говоров», собранный на территории юго-западной Болгарии совместными усилиями болгарских диалектологов и болгаристами — сотрудниками нашего сектора. Перед последней экспедицией в июне 1959 года была проведена научная конференция в Институте, посвященная будущему «Атласу». С докладами, помимо болгарских специалистов проф. С. Стойкова и Х. Холиолчева, выступили сотрудники сектора Т. В. Попова, Э. И. Зеленина, Е. В. Чешко, Г. К. Венедиктов (более подробно см. ВЯ, 1960, № 1).

Из отдельных работ по лингвистической географии болгарского языка следует отметить серьезное исследование Г. П. Клепиковой «К вопросу о происхождении формы *casus generalis* существительных женского рода единственного числа *a-* основ в болгарском языке» (СМБД, вып. 9, М., 1959), выполненное на основании опубликованных диалектных материалов и позволяющее историку болгарского языка сделать вывод, что во всех говорах без исключения общий падеж (оконч. *ъ* и оконч. *a*) восходит к форме винительного падежа, о чем свидетельствуют параллели с 1 л. ед. ч. наст. вр.

Сравнительно-историческое исследование славянских языков занимает с каждым годом все более значительное место среди общих работ, выполняемых сектором. Все же, следует признать, что эта область не только в деятельности сектора, но и вообще в нашей лингвистике пока еще остается отстающей и в ближайшие годы следует ожидать новых исследований, более развернутых и более тесно связанных с широкими проблемами индоевропейстики.

Значительные успехи ларингальной теории последнего десятилетия, надо полагать, окончательно завоевали признание ее практической ценности. Следует теперь более точно установить число и характер отдельных ларингалов и ввести в научный оборот новый материал. Опираясь на данные древнейших индоевропейских языков, исследователи почти всегда проходили мимо славянского материала, не находя в нем, очевидно, особого интереса. Этот пробел восполнил В. М. Иллич-Свитыч своей большой, насыщенной материалами статьей «О некоторых рефлексах индоевропейских «ларингальных» в праславянском» (см. ВЯ, 1959, № 2).

Критике устарелых методов реконструкции праславянского языка, игнорирующих принцип системности внутриязыковых отношений и применяющих моделирование без строгого учета структурных факторов, посвящена статья В. Н. Топорова «Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка» (см. сб. «Славянское языкознание», М., 1959).

В. Н. Топоров справедливо отмечает, что праславянский язык также имеет свою историю, которую следует описывать в виде последовательной смены синхронных срезов, реконструируемых для каждой конкретной эпохи. Именно на этом принципе и построен «Очерк сравнительной грамматики славянских языков (введение и фонетика)» С. Б. Бернштейна, недавно законченный и находящийся в настоящее время в печати. Отсутствие места, а также тот факт, что этот капитальный труд еще не известен широкому кругу специалистов, заставляет нас пока воздержаться от его оценки.

Вслед за выходом коллективной монографии «Творительный падеж в славянских языках» (М., 1958, 376 стр.) (см. рецензию в ВЯ, 1959, № 2), явившейся началом серьезной и систематической разработки одного из сложных вопросов сравнительного-исторического синтаксиса славянских языков — функции и значения падежей, в издании Института должна выйти книга В. Н. Топорова «Локатив в славянских языках» и готов к изданию труд А. Б. Правдина «Дательный падеж в славянских языках». Перечисленные монографии лягут в основу одного из разделов проектируемого в будущем «Сравнительно-исторического синтаксиса славянских языков».

Проблемы славянского глагольного вида и времени, продолжающие волновать многочисленных представителей славянского языкознания, разрабатывались также в Институте группой сотрудников. Здесь следует отметить прежде всего работы Ю. С. Маслова, опубликованного, помимо упомянутого доклада «Соотношение процессов «перфективации» и «имперфективации»...» исследование «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке» (в кн. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», М., 1959) и статью «Категория предельности/непредельности глагольного действия в готском языке» (ВЯ, 1959, № 5). Эти работы, наряду с ранее опубликованными, захватывают широкий круг проблем славянской (и не только славянской) аспектологии, начиная с современности и кончая древнейшим состоянием. Для древнейшей эпохи в общем определяется соотношение, близкое к гипотезе Н. Ван-Вейка о происхождении вида из категории определенности-неопределенности, но более сложное, разделяющееся на две отдельные корреляции: определенность-неопределенность и предельность-непредельность.

Структуральный подход к системе славянских времен, определяющий их коррелятивные отношения совершенно независимо от видовых соотношений, нашел свое яркое выражение в оригинальной монографии И. К. Буниной «Система времен в старославянском языке» (М., 1959), выполненной на материале Марииинского евангелия. Однако можно с уверенностью предположить, что предложенная автором схема соотношений времен может быть успешно применена (с некоторыми коррективами) к временной системе любого древнезафиксированного славянского языка. Надо полагать, что труд И. К. Буниной вызовет оживленную дискуссию и целый ряд откликов.

Нельзя не отметить с удовлетворением возродившийся в нашем Институте интерес к такой важной дисциплине, как сравнительно-историческая акцентология. И хотя в этом направлении сделаны лишь первые шаги, все же небольшое исследование В. А. Дыбо «О древнейшей метатонии в славянском глаголе» (см. ВЯ, 1958, № 6) дает новый ценный материал — перечень балто-славянских соответствий, свидетельствующих о последовательном различии между баритонированной и подвижной парадигмами глагола.

Этимологические исследования в области славянских языков стали за последнее время в центре внимания лингвистов-славистов и русистов. На страницах лингвистических журналов ведется оживленная дискуссия о принципах построения славянских этимологических словарей и методах этимологических исследований. Активное участие в этом обсуждении принял О. Н. Трубачев, выступивший со статьями «Принципы построения этимологических словарей славянских языков» (ВЯ, 1957, № 5), «Лингвистическая география и этимологические исследования» (ВЯ, 1959, № 1), «Об этимологическом

словаре русского языка» (ВЯ, 1960, № 3) и рецензией «Новые этимологические словари славянских языков В. Махека и Ф. Славского» (ВЯ, 1958, № 4), и В. Н. Топоров, опубликовавший статью «О некоторых вопросах теоретического обоснования этимологического анализа» (ВЯ, 1960, № 3). О. Н. Трубачев подвел итоги многолетним исследованиям в области славянских этимологий и наметил основные пути и методы дальнейших исследований; В. Н. Топоров сделал интересную попытку выяснить возможность применения новейших принципов исследования, выдвигаемых структурной лингвистикой, теорией информации и кибернетикой, к этимологическим исследованиям. Наряду с этим велась работа по изучению конкретного материала. Здесь прежде всего следует отметить капитальную монографию О. Н. Трубачева «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» (М., 1959, стр. 212), дающую достаточно полную характеристику развития терминологии родственных отношений у славян с лингвистической точки зрения и подтверждающую данные истории, археологии и этнографии об эволюции от матриархата к патриархату. Другая интересная монография того же автора — «Славянские названия домашних животных» — вышла из печати. В ней также содержится много ценных фактов по истории славянской материальной культуры и быта в свете лингвистических данных. За указанный период О. Н. Трубачев опубликовал целый ряд отдельных славянских этимологий. Таковы этимологии слов: *зима*, *железо*, *гвоздь*, *шляться*, *клевета*, *хэртъ*, *хрыч* (ВСЯ, № 2, 1957), *obilje*, *rota* (сб. Ст. Младенов, София, 1957), *pać* (польск.), *забравити*, *забравам* (серб. болг.), *барити* (укр.), *выть*, *нары*, *гаćiti*, *тушь*, *polje*, *гътузь*, *гъзь*, *жимолость* (ZfS, III, 5, 1958), *кожъ*, *холудина-заголустье*, *полота*, *gorło* (польск.) (ZfS, IV, 1, 1959), *росомаха*, *болеть* (ВСЯ, № 3, 1958), *trizna*, *pěti*, *ковь* (ВСЯ, № 4, 1959) и др. Несколько интересных прусских этимологий предложил В. Н. Топоров — *arrien*, *deigiskan*, *etnīstis*, *etskiūns* (ВСЯ, № 3, 1958). Р. М. Цейтлин опубликовала интересные «Материалы для изучения значений приименной приставки *sq-* в славянских языках». («Ученые записки Института славяноведения», т. XVII, стр. 208—247)⁷.

Проблема балто-славянских языковых отношений имеет свою давнюю вековую историю. Эта история, а также современное ее состояние изложены в двух подробных обзорах В. Н. Топорова (см. его «Очерк истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений». — УЗИС, т. XVII и «Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений». — ВСЯ, № 3, 1958). Новая постановка проблемы была предпринята в упомянутом докладе В. В. Иванова и В. Н. Топорова на IV съезде славистов. Выяснилось отношение моделей древнейшего состояния балтийских и славянских языков, выводились формальные показатели степени тождества этих систем, определялось их взаимоотношение с целью установления их исходной (имелась в виду не индоевропейская) системы. При этом докладчики пришли к выводу, что модель, установленная для славянского языка, является результатом преобразования модели, установленной для древнейшего балтийского состояния.

В общей предсъездовской дискуссии по этой проблеме принял участие и С. Б. Бернштейн (см. его статью «Балто-славянская языковая общность» в сб. «Славянская филология», т. I, М., 1958), выдвигающий

⁷ Далее употребляется сокращенное название УЗИС.

положение о длительном славяно-балтийском контакте (от середины II до середины I тысячелетия до н. э.), в результате которого установился ряд сравнительно поздних общих изоглосс и возникли некоторые общие черты. Весь комплекс древнейших взаимоотношений славянских и балтийских языков правильнее всего, по мнению С. Б. Бернштейна, охарактеризовать как «сообщность».

Дальнейшее изучение этой сложной проблемы требует обращения к конкретному материалу как в плане чисто лингвистическом, так и в археологическом и топонимическом планах. С этой целью, а также с целью выполнения некоторых задач программирования славянской прародины О. Н. Трубачевым и В. Н. Топоровым в секторе выполнено исследование топонимов верховьев Днестра с учетом археологической карты той же местности, выработанной под руководством П. Н. Третьякова. Акцентологические, морфологические и лексические проблемы в аспекте древнейших балто-славянских языковых отношений изучают В. Н. Топоров, В. М. Иллич-Свитыч и В. А. Дыбо. Лингвистические свидетельства о карпатской миграции славян и связанные с ними лексические соответствия западно- и южнославянских языков исследовал В. М. Иллич-Свитыч (см. ИАН ОЛЯ, XIX, 3, 1960).

Последний капитальный труд проф. К. Мошиньского «Первоначальная территория праславянского языка» (Вроцлав—Краков, 1957) был подробно разобран В. Н. Топоровым (см. ВЯ, 1958, № 4).

В секторе ведется изучение древнейшей славянской диалектной лексики и ее стратиграфии в связи с задачами общеславянского атласа и независимо от них (см., например, работу Г. П. Клепиковой «О некоторых славянских названиях птиц». ВСЯ, № 5, 1961 и др.).

Описательное исследование современных славянских языков и диалектов велось в секторе преимущественно на материале болгарского языка. Вышел в свет объемистый коллективный труд «Вопросы грамматики болгарского литературного языка» (М., 1959), включающий в себя исследования Е. В. Чешко «Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке», Е. А. Захаревич «Производные основы со значением лица в современном болгарском литературном языке», Ю. С. Маслова «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление)», Е. И. Деминой «Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке», М. Г. Рожновской «Безличные предложения в современном болгарском литературном языке».

Е. В. Чешко выдвигает положение о двух автономных системах обозначения синтаксических отношений имени: с помощью падежей и с помощью предлогов, выступающих в определенной сфере параллельно друг другу, исследуется система падежей болгарского местоимения, вопросы соотношения падежных и предложных конструкций, основные типы предложных сочетаний с наиболее многозначными предлогами *от*, *на*, *с* и *за*. Определяются морфологические значения трех болгарских падежей (именительного, винительного и дательного) в системе их взаимных соотношений.

Исследуются вопросы предложной синонимии и проблема грамматикализации предлогов. Рассмотрен вопрос о возможности признать конструкцию с предлогом *на* в болгарском языке аналитической формой дательного падежа. В упомянутой выше статье «К вопросу о падежных корреляциях» Е. В. Чешко критикует отдельные частные положения концепции о падежах Р. О. Якобсона и предлагает более четкое разграничение морфологического и синтаксических значений.

Исследование Е. И. Деминой является первым в литературе по болгаристике обстоятельным анализом функции и значения так называемых пересказывательных глагольных форм. Определив состав этих форм, критерий их выделения и все случаи их употребления (как обычных, так и эмфатических), Е. И. Демина выясняет и их частные значения, понимая под ними существенные коррелятивные признаки, благодаря которым эти формы противопоставляются непересказывательным. Общее для пересказывательных форм — представление действия как такого, первичная констатация которого приписывается говорящим другому лицу, в отличие от непересказывательных форм, которые или вообще не определяют, кому принадлежит первичная констатация, или указывают на то, что она принадлежит говорящему. С точки зрения отношения действия к действительности пересказывательные формы дублируют значение форм изъявительного и повелительного наклонения, отличаясь от них указанием на опосредствованный, вторичный характер этой оценки.

Фонологические исследования системы согласных в восточнославянских языках продолжила Л. Э. Калнынь. После выхода в свет еще в 1956 г. монографии «Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке» (УЗИС, т. XIII) ею была опубликована работа «Категория твердых-мягких фонем в белорусском языке» (УЗИС, т. XVII), а также подготовлена к печати статья по той же проблематике на материале украинского языка. Та же проблема в общеславянском масштабе разрешается в труде «Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках» (М., 1961). Книга эта явилась первым исследованием по сравнительной фонологии славянских языков, выполненном на столь обширном материале.

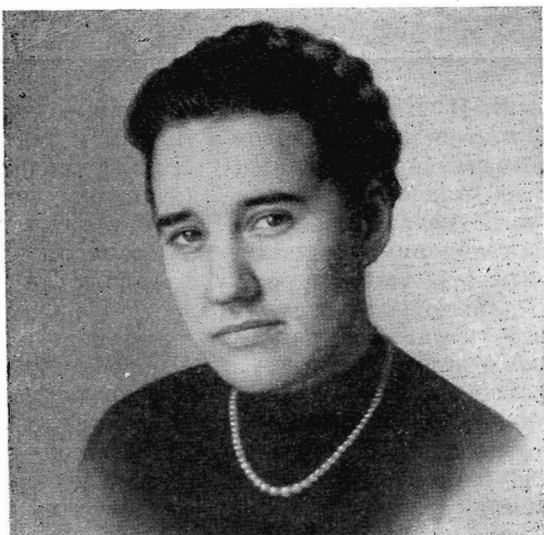
Вопросам глагольного вида, времени и залога посвящены отдельные находящиеся в печати работы З. Н. Стрекаловой (по польскому глагольному словообразованию), И. К. Можяевой (по сербскому употреблению времен), Е. И. Деминой (по употреблению болгарских прошедших времен), Л. Н. Смирнова (по залоговым отношениям в словацком языке). Интересный вопрос славяно-романских языковых отношений разработала Г. П. Клепикова в статье «Функции славянских глагольных приставок в истрорумынском» (ВСЯ, № 4, 1959). Г. К. Венедиктов посвятил статью одному из любопытных вопросов болгарской диалектной морфологии — «О следах старого сигматического аориста в современном болгарском языке» (ВЯ, 1959, № 5).

Члены сектора языкознания выступали на страницах лингвистических журналов с обзорами работы IV съезда славистов (В. М. Иллич-Свитыч, Ю. С. Маслов, Р. М. Цейтлин, Л. Н. Смирнов; см. ВЯ, 1959, № 1, 2, 3, 4) и с рецензиями на различные славистические издания (А. Б. Правдин, см. ВЯ, 1958, № 1; 1959, № 2, 4, О. Н. Трубачев, см. ВЯ, 1958; № 1, 4; В. Н. Топоров, см. ВЯ, 1958, № 4; В. М. Иллич-Свитыч, см. ВЯ, 1958, № 3).

В декабре 1959 г. в Институте была проведена научная сессия, посвященная 30-летию со дня смерти И. А. Бодуэна де Куртене. Доклады, прочитанные на сессии, изданы вместе с полной библиографией трудов И. А. Бодуэна де Куртене отдельной книгой (М., 1961).

Сектором языкознания начата активная работа по координации всех славяноведческих лингвистических работ, ведущихся в различных научных учреждениях и вузах СССР.

Февраль 1960 г. — апрель 1961 г.

НАДЕЖДА ГРИГОРЬЕВНА ФЕДОТОВА

(8. XI 1934—28. III 1961)

28 марта 1961 г. в возрасте 26 лет ушла из жизни одна из самых молодых сотрудниц сектора истории феодализма и капитализма Института славяноведения АН СССР, комсомолка Надежда Григорьевна Федотова.

Надя рано начала трудовую жизнь. Уже в 1952—1953 гг. она работала помощником библиотекаря в Доме детской книги. Окончив в 1958 г. Первый Московский Государственный институт иностранных языков, она стала сотрудником Центрального Государственного Военно-исторического архива, а с 1959 г. — Института славяноведения.

Обладая серьезной лингвистической подготовкой и имея большой опыт архивной работы, она активно участвовала в подготовке советско-болгарской публикации документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига», над версткой первого тома которой Надя работала вплоть до последних дней своей безвременно оборвавшейся жизни. Параллельно ей велась большая работа и по изданию документов и материалов по истории восстания 1863 г., подготовляемому Институтом славяноведения совместно с Институтом истории Польской Академии наук.

Творческой, ищущей натуре Нади было свойственно постоянное стремление углублять свои знания. Высококвалифицированный филолог, Надя, как подобает молодому ученому, не замыкалась в рамках своей специальности. Работая в коллективе историков, она считала нужным повышать уровень своих знаний в области истории и в 1960 г. поступила на заочное отделение исторического факультета МГУ.

При всех своих разносторонних интересах Надя была на редкость целеустремленной и требовательной к себе. Любой работе она отдавала всю свою душу.

Надя активно участвовала и в общественной жизни Института, в работе комсомольской организации.

Сознавая свой интернациональный долг, она была горда тем, что ей доверили в числе первых советских специалистов поехать на работу в Гвинейскую республику, завоевавшую свою свободу и делающую первые шаги на пути самостоятельного культурного и экономического развития.

Те, кому довелось работать вместе с Надей, навсегда сохраняют в своем сердце ее светлый образ.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
С. К. Шаумян. О понятиях лингвистической системы и лингвистического знака	3
В. Н. Топоров. Фрагмент славянской мифологии	14
В. А. Дыбо. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста	33
М. И. Ермакова. Значение форм прошедшего времени в нижнелужицком языке (по памятникам XVI—XVIII вв.)	39
З. Н. Стрекалова. Использование форм настоящего времени в польском языке XVI века	61
Г. К. Венедиктов. Морфологические типы видовых корреляций глаголов движения в болгарском языке	84

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. А. Никонов. Топонимическая серия в ГДР	100
---	-----

ХРОНИКА

Н. И. Толстой. Обзор исследований сектора языкознания Института славяноведения АН СССР за 1958—1959 гг.	110
Надежда Григорьевна Федотова (некролог)	118

**Краткие сообщения
Института славяноведения, вып. 30**

*Утверждено к печати Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. А. Гиндин.*
Технический редактор *В. В. Волкова*

РИСО АН СССР № 71—84В. Сдано в набор 6/XI 1960 г.
Подписано к печати 8/VI 1961 г. Формат 70×108^{1/16}. Печ. л. 7,5.
Усл.-печ. л. 10,27. Уч.-издат. л. 9,9. Тираж 1400 экз. Т-07034.
Изд. № 4846. Тип. зак. № 841

Цена 58 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства Академии наук СССР.
Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12.

